

ПАМЯТНЫЕ ДНИ

Изъ воспоминаній

Гвардейскихъ стрѣлковъ

Таллиннъ, 1939

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

Подъ редакціей Э. А. ВЕРЦИНСКАГО

ПАМЯТНЫЕ ДНИ

Изъ воспоминаній

Гвардейскихъ стрѣлковъ

3

Таллиннъ, 1939

31-го іюля 1917 г., накануне отъѣзда изъ Царскаго Села въ Тобольскъ, Государь поблагодарилъ л. гв. 2 стр. Царскосельскаго полка капитана Матвѣева за службу и передалъ ему свою фотографическую карточку съ надписью „Николай, 1917 г.“ со словами: „Я думаю, что вы не откажетесь принять на память мою фотографію. Карточка эта случайная, которая оказалась у меня подъ рукой. Я нарочно не написалъ числа, чтобы вамъ, въ случаѣ чего, не было лишнихъ непріятностей“. Затѣмъ Государь обнялъ его и поцѣловалъ

См. „Памятные Дни“, изд. 1932 г., стр. 15.

Слѣва направо: Шефъ л. гв. 2-го стрѣлковаго баталіона Великій Князь Дмитрій Павловичъ, Великій Князь Сергѣй Михайловичъ, Принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій и Великій Князь Михаилъ Александровичъ—на фонѣ Екатерининскаго дворца въ Царскомъ Селѣ.
1906—7 г.г.

ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦИИ

во 2-мъ Гвардейскомъ стрѣлковомъ запасномъ баталіонѣ.

Изъ личнаго дневника полковника л. гв. 2-го стрѣлковаго Царско-сельскаго полка Н. А. Артабалева.

«А если надъ Русью бѣда и стрясась —
«Потомки бѣду перемогутъ.
«Бываетъ, — промолвилъ Свѣтъ-Солнышко князь, —
«Неволя заставитъ пройти черезъ грязь,
«Купаться жъ въ ней свиньи лишь могутъ!»

графъ А. Толстой.

25-го февраля 1917 года.

Сегодня 26-е, но то, что я записываю, было вчера, 25-го февраля. Вчера я не думалъ еще братья за перо, но сегодня берусь. Предчувствіе заставляеть меня это дѣлать.

Петроградъ. Невскій у «Доминика». Сѣрое небо, сырой воздухъ, грязно заснѣженные мостовыя и нечищенные тротуары. Магазины открыты. Трамваи иногда собираются длиннымъ эшелонномъ вагономъ и останавливаются. Ждутъ полчаса, можетъ быть больше, а потомъ двигаются медленно дальше.

Въ городѣ безпорядки. Начались на окраинахъ, въ рабочихъ кварталахъ, и захватываютъ центръ. Среди невосковой публики уже замѣтно преобладаніе рабочихъ, работницъ, студентовъ и полупочтенныхъ статскихъ, озабоченныхъ и торопящихся. Много прапорщиковъ военнаго времени. Конные патрули казаковъ и усиленные наряды городовыхъ съ гвардейца-

ми запасныхъ баталіоновъ. Отдѣльные конные отдѣленія и взводы проходятъ рысью по Невскому, иногда переходятъ въ шагъ, сворачиваютъ въ одну изъ боковыхъ улицъ, спѣшиваются или, не слѣзая съ коней, останавливаются на углу.

Отъ Знаменской площади стала надвигаться толпа. Кричали: «Хлѣба! Хлѣба!» Казачій взводъ рысью пошелъ ей навстрѣчу. Винтовки за плечами, шашки въ ножнахъ. Шли лѣниво, нехотя.

Быстро пронеслась въ сторону Адмиралтейства карета одного изъ посланниковъ. Другая остановилась на углу, и изъ нея вышелъ японскій посланникъ съ японскимъ чиновникомъ. Они простояли нѣкоторое время переговариваясь и внимательно слѣдили за улицей... Уѣхали.

Подходила толпа съ крикомъ «хлѣба!» Прошла торопливо публика. Нѣкоторые свернули съ Невскаго, другіе забѣжали къ «Доминику». Подошла толпа человекъ въ сто. Казаки ее взяли въ кольцо. То же равнодушіе на лицахъ казаковъ; шашки въ ножнахъ, винтовки за плечами, нагайки не въ рукахъ, а на шашкахъ. Люди легко просачиваются сквозь ихъ ряды и въ сомкнувшемся кольцѣ оказываюсь я одинъ.

Казачій офицеръ подѣхалъ ко мнѣ. Поздоровались. — «Взяли бы ихъ въ нагайки», сказалъ ему я. — «Отказываются. Вчера пошли бы, а сегодня уже нѣтъ». — «Отчего?» — «Ночь около Государственной Думы простояли. Изъ нея кто-то выходилъ и говорилъ съ казаками. Сегодня утромъ на Знаменской скомандовалъ: «шашки вонъ», а они мнѣ:—«брось, ваше благородіе! Не замай. Нѣхай ихъ себѣ». — «Плохо». — «Э-эхъ!» — и казачій офицеръ, безнадежно махнувъ рукой, отѣхалъ. Казаки, хитро улыбаясь, тронулись за своимъ офицеромъ.

По Невскому то и дѣло проходили различной величины группы рабочихъ, кричавшихъ «хлѣба!» Пройдя по Невскому, эти толпы сворачивали въ боковыя улицы, а на ихъ мѣсто изъ этихъ улицъ выходили другія, сначала пачками, а потомъ собирались въ толпу и требовали хлѣба. Шли эти группы спокойно и никого не задѣвали. Была видна организованность въ этихъ смѣнахъ пачекъ, и тѣ изъ нихъ, которыя заходили въ боковыя улицы, возвращались черезъ нѣкоторое время на Невскій уже возбужденными.

Прошелъ на Казанскую улицу. Изъ воротъ нѣкоторыхъ домовъ выходили рабочіе и работницы, вытирая руками свои рты. Остановился и сталъ наблюдать за одной подворотней. Очень скоро, по виду ломовой извозчикъ подкатилъ къ воротамъ ручныя санки съ чѣмъ-то, покрытымъ

рогожей. Изъ воротъ тотчасъ же вышли статскій и обтрепанный студентъ, судя по фуражкѣ. Они быстро сбросили рогожу и стали снимать съ саней водочныя четверти, унося ихъ въ подворотню. Послѣ разгрузки санокъ, ломовой тропливо укатываль ихъ, очевидно, за новыми четвертями.

На Садовой, по обѣ стороны Невскаго, то же самое. Здѣсь меня поразило то, что изъ группъ такихъ личностей до меня донеслись обрывки англійской рѣчи. Это было у фабрики Крафта. То же самое на Екатерининской и особенно на Литейномъ и Владимірскомъ. На улицахъ же, выходящихъ на Знаменскую площадь, я нашель въ подворотняхъ цѣлые трактиры.

Мнѣ стало ясно, зачѣмъ эти группы рабочихъ заходили съ Невскаго въ улицы и почему ихъ голоса становились крикливѣе и рѣзче и нахальнѣе кричали — «хлѣба»! На Старомъ Невскомъ у однихъ воротъ я видѣль полупьяный казачій патруль.

Прошелъ къ «Сѣверной гостиницѣ». Передо мной высилась грузная конная фигура Императора Александра III. Глядя на нее, въ моей головѣ пронеслась мысль: «Вотъ Онъ, гранитный по волѣ и любви къ Россіи, Царь Самодержецъ, точно уѣзжаетъ отъ насъ. Въ Сибирь держить путь».

Кучки людей, наполнявшія площадь, отвлекли меня отъ думы. — «Уходите, ваше высокоблагородіе. Долго ли до грѣха съ ними». — Обернулся, услышавъ эту фразу, и увидѣль стоявшаго сзади меня старика въ швейцарской ливрѣе. — «Ну, не тронуть», отвѣчалъ я. — «Еще и какъ тронуть. Видите споены всѣ». — «Чего хотятъ они?» — «Чего? Что хлѣба маловато въ городѣ — это вѣрно, да все же всѣмъ хватаетъ. А чего хотятъ? Революціи хотятъ. Въ пятомъ году не вышло, такъ нынче пытаются». — «Усмирять». — «Кто его знаетъ! Вотъ сынъ изъ Волынскаго полка забѣгалъ, такъ сказываетъ плохо. Усмирять не пойдутъ. Выйти можетъ и выйдутъ, да только стрѣлять не будутъ». — «Не одни Волынцы; есть и другіе». — «Есть-то есть, да вотъ въ Павловскомъ на Марсовомъ полѣ уже неладно. Въ Измайловскомъ и Гренадерскомъ тоже сговариваются. Преображенцы тоже. Да что и говорить. Развѣ это Гвардія! Шваль одна! Стыдно даже. Въ наше время чего-либо такого не бывало». — «А ты самъ гдѣ служилъ?» — «Въ Конной Гвардіи». — «Войска не пойдутъ, военныя училища пошлютъ. Они усмирять». — «Ну коли до этого дойдетъ, то это ужъ скверно. Видимое ли дѣло, чтобы барскія дѣти хама шли усмирять. А вы уходите-ка лучше; не дразните». Съ этими словами поклонившись онъ отошелъ отъ меня.

Изъ Сѣверной гостиницы вышли двое статскихъ. Англійская рѣчь опять. Одинъ одѣтъ хорошо, другой — потрепано. Странно. Прошли на Знаменскую улицу.

Пошелъ къ «Des Gourmets». Открытъ и полонъ покупателей. Видно было, что большинство зашло къ нему только для того, чтобы пропустить проходящую толпу рабочихъ. Довольно плотная толпа шла по обоямъ тротуарамъ Невскаго, крича «хлѣба»!, а по серединѣ проспекта спокойно шель конный взводъ казаковъ. Робкіе обыватели нервно покупали конфеты и заказывали сладкіе пироги. Нервно отвѣчали и работали барышни.

Ко мнѣ подошла молоденькая барышня въ скунксовой шубкѣ и нервно проговорила: — «Я здѣсь, недалеко... На Жуковской... Шла сюда, было сравнительно тихо, а теперь толпа, солдаты... Боюсь одна». — «Я васъ провожу». — «Ахъ, я вамъ буду такъ благодарна!» Толпа миновала и мы вышли. По Литейному шли группами рабочіе, спѣшившіе на Невскій. Насъ не трогали и даже вѣжливо уступали дорогу. Отъ проходившихъ мимо рабочихъ до насъ доносились отрывочныя фразы: «солдаты не стрѣляютъ»... «никакихъ буйствъ, полный порядокъ»... «Дума съ нами»... — «Вотъ и папа говоритъ то же», проговорила она, поймавъ послѣднюю мимолетную фразу. — «Онъ говоритъ, что это уже не пятый годъ, а революція. Въ ней участвуютъ всѣ общественные круги съ Государственной Думой во главѣ. Войска тоже, будто, на сторонѣ Думы». — «Дума чего же хочетъ?» — «Папа говоритъ, что отвѣтственнаго министерства, безъ котораго гибель Россіи неизбежна и мы не побѣдимъ нѣмцевъ. А Государь, будто, упрямится и не даетъ его». — «Но для этого есть другой способъ, а не этотъ выгонъ рабочихъ на улицу и спаиваніе ихъ». — «Папа тоже говоритъ, что если Государственная Дума не возьметъ это движеніе въ свои руки, то тогда наступитъ анархія, такъ какъ этого волненія уже не прекратишь войсками, какъ было въ 905-мъ году». — «Почему же?» — «Войска ненадежны. Они распропагандированы и кромѣ того это не тѣ гвардейцы, которые были раньше. Хотя я ничего не знаю. Слышала только то, что папа говорилъ». — «А вашъ отецъ служить?» — «Да, раньше въ министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, а послѣ смерти Столыпина перешелъ въ Удѣлы». Потомъ, немного помолчавъ, прибавила: — «Говорятъ, насъ предадутъ при Дворѣ. Тамъ есть связь съ нѣмцами. Винятъ даже Императрицу, но я этому не вѣрю, хотя не люблю Ее. По моему, Она тутъ не при чемъ. Но я Смолянка и не могу думать иначе о Государынѣ». Мы подошли къ ея дому. Она вдругъ пристально поглядѣла мнѣ въ глаза и быстро прогово-

рила: — «Глядя на васъ, офицеровъ, у меня щемитъ сердце за васъ! Хорошо, что у насъ въ семьѣ нѣтъ военныхъ». Съ этими словами, крѣпко пожавъ мнѣ руку, она быстро вошла въ подъѣздъ.

До Царскосельскаго вокзала прошелъ пѣшкомъ. Всюду группы рабочихъ и среди нихъ много студентовъ. Въ мимолетныхъ фразахъ, долетавшихъ до меня, слышались имена Родзянко и почему-то Пуришкевича. Нѣкоторые ругали Протопопова и Хабалова за бездѣтельность. На углу, у Конради, отставной генераль разговаривалъ съ дамой, которая ему говорила:—«И какъ это Государь довель до этого. Да еще во время такой ужасной войны». Генераль въ отвѣтъ развелъ руками.

На Загородномъ посту городскихъ усилены Семеновцами. На лицахъ солдатъ безразличіе. Въ казармахъ у Семеновцевъ тихо. Видимо, всѣ въ нарядѣ по городу. У воротъ маячатъ дневальные съ винтовками «на ремень». Около вокзала и въ самомъ вокзалѣ оживленіе. Царскосѣлы спѣшатъ домой. До отхода поѣзда еще оставалось больше двадцати минутъ и я сѣлъ пить чай. Отъ татарина официанта узналъ, что у Семеновцевъ и Егерей все спокойно, но надежды на нихъ почти нѣтъ. Въ вагонѣ тоже нервное настроеніе въ ожиданіи крупныхъ событій. Говорятъ о Родзянко, Пуришкевичѣ, Милюковѣ и нескончаемое возмущеніе правительствомъ и лицами, близко стоящими къ Царю.

Теперь въ этомъ вагонѣ точно суммировалось все то, что говорилось и передавалось изъ устъ въ уста въ послѣдніе годы послѣ смерти Столыпина. То, что раньше сдержанно говорилось въ обществѣ, въ гостиныхъ, теперь открыто высказывалось въ вагонѣ, не стѣсняясь упоминать имена Государя и Государыни. Казалось, что во время Столыпина, послѣ пережитаго бунта 1905 года, русское общество стало на путь здраваго государственнаго мышленія. Но произошелъ роковой выстрѣлъ, умеръ Столыпинъ и общество, точно потерявшее руководителя, няньку, стало путаться въ либерализмъ, и всѣ, сначала понемногу, а потомъ, никѣмъ не сдерживаемые, быстро зашагали по этой дорогѣ. Этотъ микробъ либерализма заразили не только статскіе круги общества, но проникъ и въ военную среду Гвардіи. Неопредѣленная и безцвѣтная дѣтельность правительства, работа нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы, газетъ, не исключая даже «Новаго Времени», слухи, исходящіе будто бы отъ лицъ весьма компетентныхъ, и, наконецъ, дѣтельность дворянства и земствъ — все подрывало довѣріе къ правительству и настраивало противъ Государя. И вотъ, среди этого ли-

берализма, принявшаго характеръ общаго психоза, еще ярче выступала фигура убитаго Распутина, о дѣятельности котораго говорили во всѣхъ углахъ Россіи, передавались сплетни, полныя ужаснаго цинизма, не стѣснясь называли даже имена. Эти сплетни передавались какъ факты, и общество имъ вѣрило. Самое ужасное, что эти сплетни все глубже и глубже проникали въ народную массу и принимались тамъ, еще болѣе уснащенными грязью. Никто не подалъ своего голоса противъ этого, а наоборотъ — съ трибуны Государственной Думы было открыто брошено обвиненіе не только правительству, но и Царицѣ, и даже самому Царю. Общество стало открыто возставать противъ самодержавія и требовало отвѣтственнаго министерства. Эти же идеи проникли въ военную среду, даже въ ряды Гвардіи и Царствующаго Дома.

И вотъ теперь поднять занавѣсъ для начала Россійскаго дѣйства. Что же будетъ? Просто ли бунтъ, который усмирять черезъ нѣсколько дней, или нѣтъ? Чувствуется, что начала переворачиваться невѣдомой рукой новая страница исторіи Россіи. Что же началось въ самомъ дѣлѣ — бунтъ или революція? Невольно возникаютъ вопросы: Во время ли это? Справимся ли мы одновременно съ войной и реформами? Кто ихъ будетъ проводить, по силамъ ли это Родзянко и его соратникамъ?

Въ Царскомъ все тихо и спокойно. Въ раіонѣ полка тоже. Ничто будто не нарушаетъ патріархальнаго теченія нашей жизни. Кажется, что Петроградскія событія происходятъ не въ 25-ти верстахъ, а въ какомъ-то другомъ государствѣ.

Какъ некстати былъ вчерашній танцевальный вечеръ въ нашемъ офицерскомъ собраніи, устроенный въ пользу пострадавшихъ отъ войны стрѣлковъ. Гадали, соберутся ли приглашенные изъ Петрограда. Большинство ожидаемыхъ гостей пріѣхало, и вечеръ протекалъ своимъ обычнымъ порядкомъ. Высказывались надежды, что принятыми распоряженіями генерала Хабалова разраставшимся смутамъ будетъ положенъ предѣлъ.

Во время вечера у меня былъ интересный разговоръ съ нашимъ баталіоннымъ адъютантомъ корнетомъ запаса Владиміромъ Владиміровичемъ Судзиловскимъ *). Онъ дворянинъ Петроградской губерніи, служилъ въ Петроградской уѣздной земской управѣ и попалъ къ намъ въ запасный баталіонъ по ходатайству предсѣдателя Петроградской Земской управы

*) В. В. Судзиловскій въ будущемъ оказался однимъ изъ главныхъ углубителей революціи въ баталіонѣ (ред.).

Яковлева. Мы зашли въ его кабинетъ, въ канцеляріи, освѣжиться и покурить. Я высказалъ мнѣніе, что если въ Петроградѣ проявившееся движеніе не будетъ погашено самыми энергичными и суровыми мѣрами, то можетъ быть очень плохо. На что Судзиловскій мнѣ сдержанно отвѣтилъ, что врядъ ли власти смогутъ подавить возстаніе. — «Вы знаете сами, Николай Александровичъ, что здѣсь налицо не только движеніе рабочихъ, но и интеллигенціи. Можетъ быть, все это дѣло рукъ только одной интеллигенціи, а рабочіе и солдаты лишь пустое орудіе. Все идетъ отъ Государственной Думы и поддерживается земскими учрежденіями. Я думаю, что это успокоится только тогда, когда будетъ дано отвѣтственное министерство». Изъ разговора съ нимъ я понялъ, что онъ гораздо больше посвященъ въ нарождавшіяся событія, чѣмъ желалъ высказаться. На мое мнѣніе, что твердая власть и энергичныя дѣйствія съ ея стороны приведутъ все въ порядокъ, онъ подчеркнул, что этой власти уже нѣтъ, что событія вѣсье не такъ незначительны, какъ это кажется нѣкоторымъ изъ насъ, и что относится къ нимъ такъ легко, какъ это дѣлаютъ офицеры баталіона, очень рискованно. Онъ указалъ, что стрѣлки съ большимъ вниманіемъ слѣдятъ за офицерами баталіона, особенно кадровыми. Въ довершеніе онъ сообщилъ мнѣ, что получено распоряженіе о немедленномъ отправленіи изъ состава баталіона въ Колпино роты военного состава при командирѣ баталіона полковникѣ И. Ф. Алексѣевѣ. Командиромъ роты назначался капитанъ Мацѣевскій.

Въ залѣ веселье и танцы находились въ полномъ разгарѣ и даже послѣ ухода роты въ Колпино продолжались до утра.

26-го февраля, полдень.

Сегодня въ командованіе баталіономъ вступилъ капитанъ П. Б. Вальденъ. Въ Петроградѣ, по слухамъ, возстаніе въ полномъ разгарѣ и начались пожары. Говорятъ, что горитъ окружной судъ на Литейномъ.

Въ Царскомъ спокойно; въ казармахъ полка тоже. Признакъ нехорошій, такъ какъ слишкомъ тихо.

27-го февраля, вечеромъ.

День совѣщаній. Но запишу съ начала дня. День былъ теплый и солнечный. Оттепель, пахнетъ весной. Въ Царскомъ спокойно. Магазины открыты. Базаръ и Гостиный дворъ торгуютъ по обычному. Въ частяхъ гарнизона идутъ обычныя занятія.

Былъ въ ротѣ. Часть стрѣлковъ была на занятіяхъ, а остальные на работахъ въ расположеніи баталіона. Люди выглядѣли спокойными и отвѣчали бодро. Дежурный доложилъ, что въ ротѣ все благополучно. Фельдфебель, подпрапорщикъ Диречинъ, доложилъ то же и добавилъ, что изъ отпуска пріѣхалъ стрѣлокъ. Осматривалъ его вещи, согласно приказа. Диречинъ ихъ разбиралъ и показывалъ мнѣ. Наткнулся на Маркса и Каутскаго. О Марксѣ я знаю только то, что его сочиненія надо отбирать и представлять по начальству; о Каутскомъ ровно ничего не знаю. Перелиставъ книгу, я спросилъ стрѣлка: — «Ну что же, ты все понялъ, что здѣсь написано?» — «Это не для насъ, ваше высокоблагородіе. Я неграмотный». — «Откуда они у тебя?» — «Цивильный въ вагонѣ далъ. Я не хотѣлъ брать и говорилъ ему, что неграмотный, а онъ говоритъ: возьми, въ казармѣ есть кому почитать. Ну, я и взялъ». Стрѣлокъ былъ дѣйствительно неграмотный и какъ солдатъ — исправный.

Въ это время въ ротную канцелярію пришелъ капитанъ А. В. Круглевскій. Вызвавъ меня изъ канцеляріи, онъ сообщилъ, что въ Петроградѣ очень скверно. За минувшую ночь почти всѣ части гарнизона примкнули къ Государственной Думѣ и что его Вальденъ назначилъ командовать ротой, вызванной отъ насъ спѣшно въ Петроградъ. Онъ пришелъ, чтобы сообщить мнѣ объ этомъ и самому выбрать надежныхъ стрѣлковъ для формированія роты изъ тѣхъ, которыхъ онъ зналъ въ лицо. — «Читалъ газеты?» спросилъ я. — «Нѣтъ. Ихъ нѣтъ сегодня. Почты тоже нѣтъ. Вальденъ только и получилъ одно приказаніе объ отправкѣ роты, а больше никакихъ распоряженій». — «Странно, отъ кого приказаніе?» — «Отъ нашего коменданта. Передалъ лично адъютантъ».

Круглевскій торопился съ наборомъ стрѣлковъ и вмѣстѣ съ Диречинымъ пошелъ въ помещеніе роты. Я лично не вмѣшивался въ выборъ стрѣлковъ, такъ какъ назначеніе роты было настолько важно и щекотливо, что командиръ роты долженъ былъ быть увѣренъ въ каждомъ стрѣлкѣ, какъ въ самомъ себѣ. Выборъ стрѣлковъ долженъ былъ дѣлать онъ самъ лично, я и Диречинъ давали ему нужныя справки.

Запала тревожная мысль, что власть въ Петроградѣ справиться съ беспорядками мѣстными войсками не можетъ, разъ берутъ изъ Царскаго, гдѣ находится Царская Семья, лучшихъ людей. Хотя здѣсь для охраны имѣются Конвой и Собственный Его Величества пѣхотный полкъ, но здѣсь также находится запасный тяжелый артиллерійскій дивизионъ, сплошь распропагандированный. Къ обѣду стрѣлки стали собираться въ казармѣ.

Со стороны казалось, что все шло такъ какъ обычно, только стрѣлки, набранные въ отправляемую въ Петроградъ роту, одѣвались какъ-то молчаливо.

Изъ помѣщенія роты вернулся въ ротную канцелярію, гдѣ Диречинъ просматривалъ списки стрѣлковъ. Онъ былъ одинъ. Диречинъ сталъ перебирать по фамиліямъ набранныхъ стрѣлковъ, но не закончилъ и безнадежно оборвалъ докладъ: — «Да все это ни къ чему. Нѣтъ и на нихъ надежды. Народъ хорошій, а только капитанъ Круглевскій ничего тамъ съ ними не сдѣлаетъ. Хуже только будетъ». — «Они тоже на сторонѣ Думы?» — «Да всѣ на сторонѣ Думы. Да и поздно уже». — «Откуда ты это знаешь?» — «Да въ ротѣ все извѣстно. Теперь уже дѣлать нечего. Тутъ думаешь, какъ бы своихъ удержать, а они лучшихъ людей берутъ. Не дай Богъ здѣсь что подыметъ — съ кѣмъ тогда усмирять!» — «Все равно итти надо. Надо усмирить тамъ, тогда и здѣсь ничего не будетъ». — «Да это такъ, да вотъ тамъ-то ничего уже не сдѣлать». — «Почему?» — «Потому что начальства нѣтъ». — «То-есть какъ это нѣтъ? Что ты вздоръ городишь». — «Да такъ нѣтъ. Неизвѣстно, гдѣ оно было и гдѣ оно есть теперь. Гдѣ ужъ объ усмирении думать. Порядокъ бы въ Царскомъ удержать. Если и насъ перестанутъ слушать, ну тогда махай рукой и все тутъ». — Въ это время рота шла строемъ въ порядкѣ на обѣдъ и Диречинъ пошелъ за нею. Я приказалъ ему прійти ко мнѣ послѣ обѣда. Со мной вмѣстѣ до дома пошелъ старшій унтеръ-офицеръ Шикунъ. По его словамъ, тоже все очень плохо и надежды на стрѣлковъ нѣтъ.

Жену сегодня утромъ вызвали по телефону родные ея двоюроднаго брата. Ея кузенъ арестованъ толпой въ Шуваловѣ, при возвращеніи изъ своего имѣнія. Въ Петроградѣ волненія охватили весь городъ и власти справиться не могутъ. Взятась за водвореніе порядка Государственная Дума, выдѣливъ изъ себя Исполнительный комитетъ съ Родзянко во главѣ. Въ правительствѣ полная растерянность. У военной власти тоже. Хабаловъ бездѣйствуетъ. Городовыхъ стрѣляютъ какъ куропатокъ. Въ Петроградѣ ружейная и пулеметная стрѣльба. Солдаты бродятъ по улицамъ и вышли изъ подчиненія своимъ офицерамъ. Одна надежда на Исполнительный комитетъ Государственной Думы. Подробнѣе жена узнать не могла, да и тѣ вѣсти, что она принесла, достаточно обрисовываютъ положеніе въ столицѣ. Газетъ сегодня не было.

Обѣдали втроемъ: полковникъ фонъ Крузе — дядя жены, жена и я.

За обѣдомъ говорилъ съ Крузе. Надо разобраться въ происходящемъ, тѣмъ болѣе, что навѣрное придется дѣйствовать.

Полковникъ Крузе — старый кадровый офицеръ, человекъ глубоко преданный Государю, любящій свою Родину и свой полкъ. Онъ прямо сказалъ, что спасеніе только въ томъ, чтобы помочь Родзянко водворить порядокъ. Онъ не надѣется на стрѣлковъ, а въ мощностъ власти уже не вѣрить, разъ она не могла справиться до сихъ поръ и вызываетъ помощь изъ Царскаго. Надежды на Родзянко. Ему, по его мнѣнію, надо помочь, во что бы то ни стало привести въ порядокъ Петроградъ, и ждать повелѣній Государя.

Послѣ обѣда я остался одинъ. Былъ радъ тому, такъ какъ надо было собраться съ мыслями. Было все такъ неопредѣленно. Власть послѣднее время бездѣтельна и безавторитетна. За все послѣднее время, послѣ смерти Столыпина, не было ни одного въ средѣ правительства, который бы повелѣлъ, какъ онъ, Россію опредѣленнымъ и твердымъ путемъ. И вотъ результатъ. Въ Петроградѣ нѣтъ даже рѣшительнаго генерала, а сколько ихъ тамъ. Въ Царскомъ уже полное безвластие. Ни одного распоряженія до сихъ поръ. Гдѣ же всѣ? Мы, рядовые офицеры, брошены на произволъ судьбы и на свою собственную голову. Мнѣ, простому ротному командиру 4-й роты запаснаго баталіона, приходится разрѣшать политическій вопросъ. Теперь именно тотъ моментъ, когда должны быть только рѣзкіе, ясные, энергичные приказы, которые я, ротный командиръ, долженъ принимать къ безпрекословному и точному выполненію. Но нѣтъ ни начальниковъ, ни приказовъ.

Приходилъ Диречинъ съ Шикунемъ. Оба твердо доложили, что на стрѣлковъ надежды нѣтъ. Агитаторы работаютъ во всю и борются съ ними съ нашими силами нѣтъ возможности. Главная причина та, что мы остались безъ начальства. Диречину и Шикуну приказалъ держать меня подробно въ курсѣ того, что происходитъ въ баталіонѣ, и получать отъ меня лично соотвѣтствующія приказанія или же таковыя командующаго баталіономъ капитана Вальдена. Они ушли и я снова со своими мыслями.

Итакъ, приказаній и распоряженій никакихъ, даже отъ Вальдена. Информации никакой. А между тѣмъ положеніе таково, что мое первое же появленіе въ ротѣ заставитъ меня отвѣчать, навѣрное, на вопросы начальствующихъ стрѣлковъ, при чемъ вопросы ихъ могутъ и безусловно будутъ выходить изъ обычныхъ служебныхъ рамокъ. Оставляя ихъ безъ отвѣта, конечно, нельзя и отвѣчать нужно ясно и опредѣленно. Но какъ и что отвѣ-

чать, какія давать разъясненія и приказанія, когда самъ себѣ еще не даль яснаго отчета въ совершающихся событіяхъ. Приходится разбираться въ политикѣ, а въ этомъ мы всѣ, кадровые офицеры, полные младенцы. Но гдѣ же тѣ, которыхъ Государь поставилъ правителями, начальниками? Которымъ Онъ ввѣрилъ судьбу Россіи, судьбу Трона, судьбу своей Семьи?

Государственная Дума по указу Царя не разошлась. Неповиновеніе? Возстаніе тоже? Если бы она разошлась, то судьба Родины и Династіи осталась бы въ рукахъ запрятавшагося безвластнаго министерства, бездѣятельныхъ властей, значить попала бы въ руки разнузданной черни. Такъ худо ли сдѣлалъ Родзянко, возглавивъ Исполнительный комитетъ Думы? Не есть ли это съ его стороны смѣлый шагъ къ спасенію Россіи и Династіи? Не продиктовано ли ему это любовью и преданностью къ Царю и Родинѣ? И кто выполняетъ присягу: тотъ ли, кто постыдно сбѣжалъ съ поста или бездѣйствуетъ, или тотъ, кто имѣлъ мужество пойти противъ указа и призвать къ порядку и законности?

Пока не пришло приказаніе Царя черезъ лицо, имъ уполномоченное, надо во имя присяги, во имя любви къ Царю и Родинѣ идти съ тѣмъ, кто требуетъ порядка, законности, дисциплины, а не съ тѣмъ, кто неизвѣстно гдѣ, невидимъ, неслышимъ властно въ роковой часъ Родины и Династіи. Первое, что надо теперь дѣлать, это сохранить порядокъ въ Царскомъ, памятуя, что здѣсь больная Семья Государя. Какъ это сдѣлать при полномъ отсутствіи мѣстной власти? Подчиниться распоряженіямъ Исполнительнаго комитета Государственной Думы до царскаго указа.

Я записываю это для себя, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ, если Богъ рѣшилъ бы оставить меня въ живыхъ, перечитать эти страницы, дать себѣ отчетъ не только въ сухихъ фактахъ, но и во внутреннемъ моемъ переживаніи, въ моихъ мысляхъ, въ моихъ доводахъ, повліявшихъ на мое отношеніе къ событіямъ и на мои рѣшенія и поступки.

Изъ офицерскаго собранія пришелъ вѣстовой и доложилъ мнѣ, что капитанъ Вальденъ проситъ г.г. офицеровъ собраться немедленно въ офицерскомъ собраніи. Оказалось, Вальденъ собиралъ на совѣщаніе ротныхъ командировъ и старшихъ офицеровъ. Въ приѣмной комнатѣ собранія уже были капитаны: Вальденъ, Агаповъ, Круглевскій, Матвѣевъ, Николаевъ и подпоручикъ Коняевъ. Двери въ сосѣдную комнату, гдѣ играютъ на бильярдѣ прапорщики, не приглашенные на совѣщаніе, закрыты.

Когда я пришелъ, всѣ были въ сборѣ, Вальденъ заявилъ, что собралъ насъ чтобы сообща разобратъся въ обстановкѣ и рѣшить образъ дѣйствія,

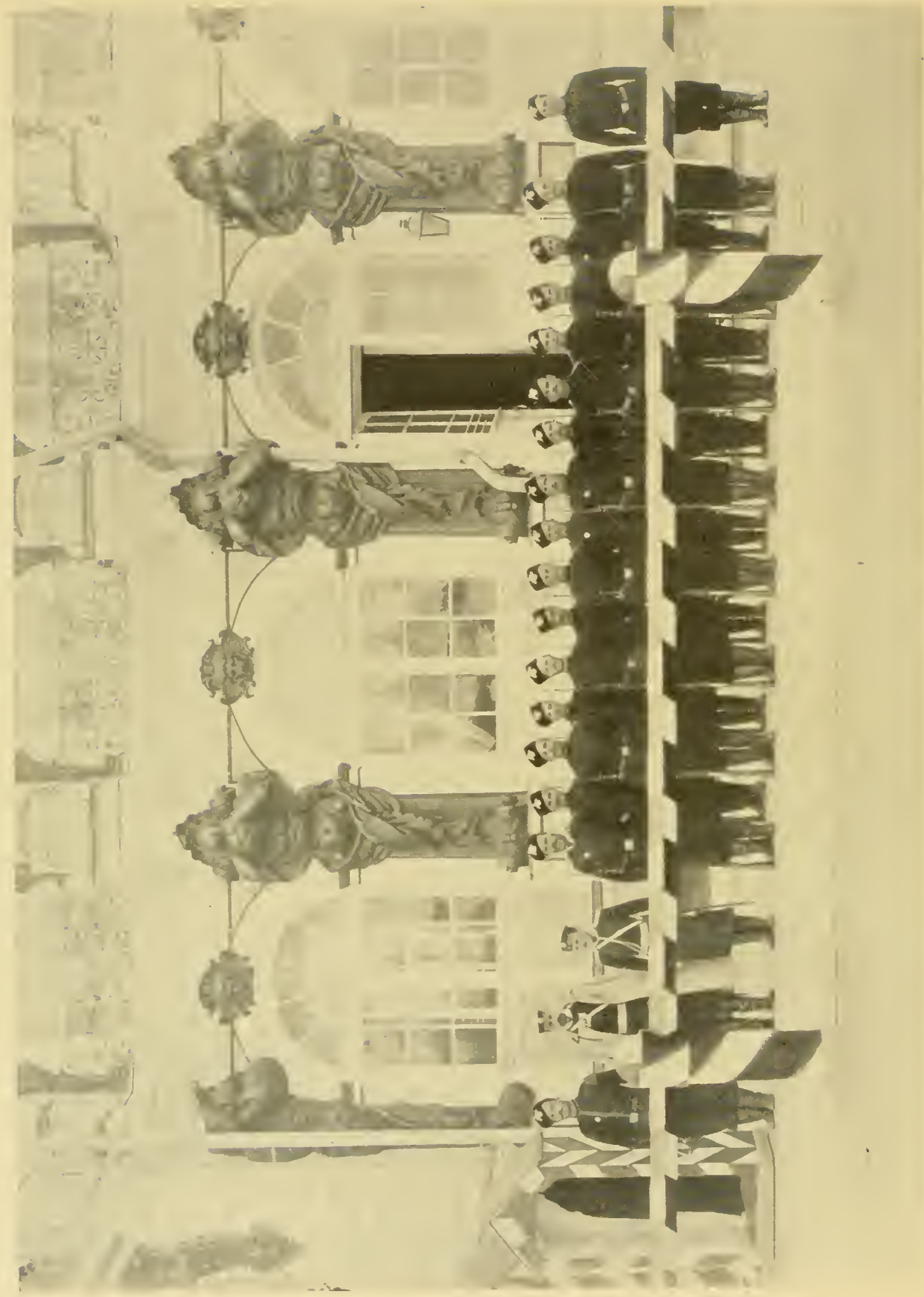
такъ какъ до сихъ поръ ни отъ кого и никакихъ распоряженій не получаль, кромѣ отправки одной роты въ Петроградъ въ распоряженіе генерала Хабалова. Онъ ѣздилъ къ начальнику Царскосельскаго гарнизона, но ни его, ни адъютанта не смогъ найти. Въ Комендантскомъ — тоже. Отъ командировъ другихъ запасныхъ баталіоновъ онъ тоже ничего не узналъ. Нѣкоторыхъ не розыскалъ, другіе сами не знали, что дѣлать. Сговориться съ ними не удалось, поэтому, сказалъ Вальденъ, намъ приходится дѣйствовать самостоятельно, если не поступитъ приказаніе. На это я ему сказалъ:—«Мнѣ странно, Вальденъ, что вы, командиры баталіоновъ, не могли сговориться. Значитъ каждая стоящая здѣсь запасная часть будетъ дѣйствовать самостоятельно»? На это онъ мнѣ нерѣшительно, но раздраженнымъ тономъ отвѣтилъ: — «Не въ этомъ дѣло! Надо рѣшать, что намъ дѣлать». Послѣ этихъ словъ онъ предложилъ каждому высказать свое мнѣніе.

Первое время всѣ молчали. Потомъ заговорили неопредѣленно, расплывчато, перескакивая съ одного на другое. Всѣ или боялись высказаться открыто, или просто сами ничего не понимали и не знали, на что рѣшиться. Стали передавать слухи, слышанные въ городѣ, что, будто, на Царское двинулась пьяная толпа рабочихъ, что правительство сметено, и что въ Москвѣ тоже началось. Наконецъ, слабо понукаемые Вальденомъ, заговорили. Капитанъ Агаповъ заявилъ о надежности стрѣлковъ вообще, особенно своей роты. Не отрицая нѣкоторой ненадежности въ баталіонѣ, онъ указалъ на свою роту, какъ на вполне надежную. Его поддержалъ капитанъ Круглевскій. Послѣ этой поддержки Агаповъ опредѣленно высказалъ свое мнѣніе: опираясь на роты его и Круглевскаго, разставить на крышахъ офицерскаго флигеля и собранія два наличныхъ пулемета и оказать сопротивленіе, если начнутся беспорядки, начало которыхъ мы ждемъ со стороны тяжелаго артиллерійскаго дивизіона. Матвѣевъ высказался о ненадежности стрѣлковъ. Его поддержалъ Николаевъ. Коняевъ указалъ на то, что онъ не кадровый офицеръ, а временный, и поэтому считаетъ для себя обязательнымъ подчиненіе нашему рѣшенію.

Заявляя о своей неувѣренности въ стрѣлкахъ, я, со своей стороны, пояснилъ, что лучшіе стрѣлки ушли въ Колпино, оставшіеся изъ нихъ уходятъ сегодня въ Петроградъ; съ ними уходятъ лучшіе начальствующие люди. Поэтому для меня непонятно, на кого, собственно говоря, полагаются Агаповъ и Круглевскій. На это мнѣ никто не отвѣтилъ. Вальденъ молчалъ. Молчали и другіе. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени Агаповъ, прерывая молчаніе, напомнилъ мнѣ о 14-мъ декабрѣ 1825 года. Я отвѣтилъ,

Группа офицеровъ лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка, снятая 21-го сентября 1910 г. на фонѣ полковыхъ казармъ.

Караулъ лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго баталіона на фонѣ Екатерининскаго дворца въ Царскомъ Селѣ. На правомъ флангѣ—капитанъ Ф. В. фонъ Крузе и подпоручикъ Ф. Ф. Прокофьевъ.

что ничего общаго у 14-го декабря съ 27-мъ февраля не нахожу. Тогда въ Петербургѣ былъ налицо — Николай I, а теперь — Протопоповъ. Агаповъ возражалъ и старался найти общее. Разговоръ свелся на нѣтъ, каждый остался при своемъ мнѣніи.

Предложилъ говорить ближе къ дѣлу, что горячо поддержалъ Вальденъ. Было рѣшено высказываться по очереди. Такъ какъ это предложеніе исходило отъ меня, то Вальденъ далъ мнѣ первому слово. Высказанное мною мнѣніе было таково: При наличіи власти наше дѣло ясно — исполнять приказанія. Но такъ какъ теперь отсутствуетъ какая-то ни было власть, и нѣтъ никакихъ приказаній, то мы, предоставленные самимъ себѣ, оказались въ очень критическомъ положеніи, которое насъ вмѣшиваетъ въ политику. Прежде чѣмъ опредѣлить характеръ дѣйствій, намъ приходится рѣшить, съ кѣмъ мы идемъ: съ правительствомъ или съ Исполнительнымъ комитетомъ Государственной Думы. Гдѣ правительство? Гдѣ наше военное начальство? Проявленія власти, ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ, но есть призывъ Родзянко къ водворенію порядка. Въ нашемъ рѣшеніи мы должны исходить изъ того, что согласуется съ присягой, а значитъ и съ дисциплиной. Какъ военные, мы должны прежде всего водворить порядокъ, при которомъ могла бы опомниться власть и начать дѣйствовать. Отъ возстановленія порядка въ Петроградѣ и отъ сохраненія такового въ Царскомъ зависитъ все.

Тѣмъ представителямъ Правительства, которые сейчасъ находятся въ Петроградѣ, я уже не вѣрю и считаю ихъ неспособными предпринять что-либо дѣйствительное для подавленія возстанія. Единственный, кто можетъ сейчасъ водворить порядокъ, это Родзянко съ Исполнительнымъ комитетомъ Государственной Думы. Во имя вѣрности Царю и Родинѣ я считаю, что намъ необходимо подчиниться Родзянко до полученія приказанія отъ Государя изъ Ставки черезъ уполномоченное Имъ на это лицо.

Второй вопросъ — это вопросъ о тѣхъ реальныхъ силахъ, которыми мы можемъ располагать, и ихъ надежность. Надо рассчитывать только на безусловно надежныхъ людей, а такихъ, которыхъ мы могли бы повести противъ Государственной Думы, у насъ нѣтъ. Не надо забывать, что личный составъ баталіона насыщенъ рабочими, и это ихъ товарищи на улицахъ Петрограда кричатъ «хлѣба».

Здѣсь меня перебилъ Агаповъ, заявивъ снова, что онъ на свою роту вполне надѣется. Вальденъ же сказалъ мнѣ, что я слишкомъ мрачно смотрю на положеніе. Я возразилъ, что считаю борьбу съ Петроградомъ намъ од-

нимъ немыслимой изъ-за отсутствія достаточной и главное надежной реальной силы. Къ тому же мы забываемъ Царское Село, гдѣ Царская Семья.

Агаповъ и Вальденъ мнѣ возразили, что на это есть Конвой и Сводный полкъ. Я отвѣтилъ, что Сводный полкъ неполнаго состава съ Конвоемъ, въ половинномъ составѣ, имѣють уже трудную службу непосредственной охраны дворца и не смогутъ выдѣлить части въ городъ, если въ Царскомъ начнутся беспорядки. Послѣ нѣкотораго молчанія Матвѣевъ присоединился къ моему мнѣнію. Я опять повторилъ, что до прибытія настоящей рѣшительной власти мы должны предотвратить назрѣвшую анархію, а для этого надо пойти съ Родзянко.

Агаповъ на это заявилъ, что этимъ мы нарушаемъ присягу. Его слабо поддержалъ Круглевскій. Что-то хотѣлъ сказать Вальденъ, но замялся и промолчалъ.

Я не вижу въ этомъ нарушенія присяги, возразилъ я, такъ какъ, поступая по духу дисциплины, мы выполняемъ присягу. По дисциплинѣ мы должны точно и непрекословно исполнять приказанія начальства, но ни ихъ, ни его нѣтъ. Тогда мы должны выполнить другой пунктъ дисциплины — сохранять во ввѣренной командѣ порядокъ.

Опять меня перебилъ Агаповъ, проговоривъ что-то Вальдену, чего я не разобралъ. Я его переспросилъ, но онъ мнѣ не отвѣтилъ, а Вальденъ искоса взглянулъ на меня. Въ этомъ его взглядѣ я прочелъ недоувѣріе къ себѣ. Прекращая говорить, я сказалъ: свое мнѣніе я высказалъ открыто, теперь очередь за другими.

Другіе молчали. Агаповъ о чемъ-то тихо переговаривался съ Круглевскимъ. Матвѣевъ стоялъ, опершись спиной о круглую печку, и курилъ. Николаевъ тоже курилъ молча. Коняевъ глядѣлъ въ окно. Вальденъ сидѣлъ въ креслѣ и молчалъ.

Агаповъ, кончивъ переговоры, заходилъ большими шагами по пріемной и съ опущенной головой сталъ говорить, что, становясь на сторону Государственной Думы, мы поддерживаемъ ее въ нарушеніи указа Государя объ ея роспускѣ, котораго она не исполнила. Этимъ шагомъ, не выполняя приказа Государя, мы нарушаемъ присягу. Онъ вновь подтвердилъ, что на дѣется на свою роту и что съ нею выступить на усмиреніе беспорядковъ, которые очевидно начнутся съ тяжелаго артиллерійскаго дивизиона. Съ нею же онъ готовъ выступить и противъ толпы, идущей изъ Петрограда на Царское Село.

Матвѣевъ и Николаевъ возразили противъ его увѣренности въ ротѣ, но промолчали по другимъ вопросамъ. Матвѣевъ, однако, соглашался со мной подчиниться Родзянко. Круглевскій и Коняевъ ничего не сказали.

Мнѣ кажется, что наша власть офицеровъ сильно пошатнулась, сказалъ я, и можетъ быть не сегодня, завтра она совсѣмъ вылетитъ изъ нашихъ рукъ.

— Ну этого не можетъ быть! Это паника!—горячо запротестовалъ Агаповъ. Его поддержалъ не менѣе горячо и Вальденъ.

Во всякомъ случаѣ, Павлуша, сказалъ я Вальдену, мы можемъ здѣсь говорить, а приказывать надо тебѣ. Мы же должны исполнять твои приказанія, хотя бы они шли въ разрѣзъ съ личнымъ мнѣніемъ. Я, по крайней мѣрѣ, поступлю такъ, а потому жду твоего распоряженія. Сказавъ это, я сѣлъ въ уголь турецкаго дивана.

Въ это время Агаповъ снова подошелъ къ Вальдену и сталъ ему говорить что-то такъ тихо, что я не слышалъ. По взглядамъ, которые Вальденъ въ это время бросалъ на меня, я понялъ, что Агаповъ его настраиваетъ противъ меня. Я рѣшилъ больше ничего не говорить. Споры продолжались, но ни къ чему определенному не приходили. Во время спора вошелъ вѣстовой и принесъ «экстренный выпускъ» съ депешами Родзянко въ ставку Государя. Всѣ набросились на этотъ печатный листокъ. Прочли и снова замолчали. Каждый думалъ свою думу. Молчаніе прервалъ Круглевскій, напомнивъ Вальдену, что ему время уходить съ ротой на вокзалъ для отправки въ Петроградъ.

— «Ну что жъ, Вальденъ, рѣшай», сказалъ я ему. — «Рѣшай! Рѣшай!» раздраженно отвѣтилъ онъ, но, подумавъ нѣсколько, приказалъ: Агапову съ надежными стрѣлками разставить пулеметы на крышѣ и быть готовымъ со своей ротой дать отпоръ могущей прійти изъ Петрограда толпѣ или запасному тяжелому артиллерійскому дивизиону. Остальнымъ ротамъ быть на мѣстахъ въ казармахъ и избѣгать какого-либо участія. Ротнымъ командирамъ отправиться теперь же въ роты и наставить стрѣлковъ въ смыслѣ выступленія противъ могущихъ возникнуть въ Царскомъ Селѣ безпорядковъ. На самое усмиреніе, безъ его особаго на то приказанія, роты не выводить, въ надеждѣ, что онъ самъ получитъ на этотъ счетъ какое-либо распоряженіе свыше.

Явился вопросъ, что отвѣчать стрѣлкамъ о петроградскихъ безпорядкахъ. Нѣсколько подумавъ, Вальденъ сказалъ, что надо такъ себя держать, чтобы подобныхъ вопросовъ намъ не задавали. Если все же придется от-

вѣчать, то говорить, что въ Петроградѣ ничего особо серьезнаго нѣтъ, что рабочіе взбунтовались изъ-за недостаточнаго количества хлѣба въ пекарняхъ, происшедшаго изъ-за задержки подвоза, и что волненіе будетъ скоро прекращено.

— «А относительно запасныхъ частей, отказавшихся отъ повиновенія своимъ офицерамъ и отъ дѣйствій противъ рабочихъ?» — спросилъ его Николаевъ. Вальденъ на этотъ вопросъ прямо не отвѣтилъ, а только нерѣшительно проговорилъ: — «А можетъ быть, лучше прямо сказать имъ, что мы ихъ на усмиреніе не поведемъ». На это всѣ промолчали. Послѣ минутнаго молчанія Вальденъ объявилъ, что совѣщаніе закончено, и сказалъ Круглевскому, что онъ идетъ осмотрѣть уходящую роту.

Мы собрались расходиться. Я задержался, чтобы еще разъ перечитать экстренній выпускъ, а Агаповъ и Круглевскій шопотомъ въ чемъ-то убѣждали въ сторонѣ Вальдена.

При уходѣ изъ собранія Вальденъ задержалъ меня, позвавъ слѣдовать за нимъ. Мы вышли изъ пріемной и остановились у лѣстницы, ведущей наверхъ въ залъ. Здѣсь Вальденъ мнѣ сказалъ, что на усмиреніе очередную роту поведетъ Агаповъ, а мою роту онъ двигать не предполагаетъ. На мой вопросъ о причинѣ, онъ отвѣтилъ, что если придется двинуть и мою роту, то поведетъ ее другой, а не я. Тогда я его спросилъ, «оставаться ли мнѣ командовать ротой или передать ее кому-либо другому?» — Вальденъ отвѣтилъ, чтобы я продолжалъ командовать ею. — «Долженъ ли я предупредить начальствующихъ стрѣлковъ, что въ случаѣ вызова роту поведетъ другой?» спросилъ я. — «Да, предупреди, чтобы это не было для нихъ неожиданностью», отвѣтилъ онъ мнѣ.

Короткій, сухой, но тяжелый моментъ переживалъ я и видимо также и онъ. Впервые, за все время со школьной семьи училища, между нами, такими дружными, пробѣжалъ холодъ недоувѣрія и скрытности. Мнѣ было слишкомъ тяжело въ этотъ моментъ и только съ большимъ усиліемъ я удержался, чтобы не вызвать его на откровенность. Знаю, что это взаимная драма. Мы взглянули другъ другу въ глаза и молча вышли вмѣстѣ изъ собранія. Онъ, прихрамывая, опустивъ голову, пошелъ смотрѣть уходящую роту, я — къ себѣ домой.

Дома я засталъ Крузе и жену, стоящими у окна, выходящаго на шоссе, на которомъ была выстроена рота Круглевскаго. Подошелъ Вальденъ. Поздоровался. Стрѣлки отвѣчали какъ всегда. Вальденъ осмотрѣлъ роту, обойдя ее по фронту, и напомнилъ ей о сохраненіи присяги и старой твер-

дости и славы полка. Стрѣлки отвѣтили: «постараемся, ваше высокоблагородіе». Отвѣтъ звучалъ шаблонно, заученно. Чувствовалось, что слова Вальдена были для роты пустымъ звукомъ. Видѣ у роты былъ скучный, понурый. Было видно, что они шли съ большой неохотой. Крузе, услышавъ черезъ открытую форточку слова Вальдена, занервничалъ и рѣзко проговорилъ: — «Онъ ничего не понимаетъ! Развѣ можно такъ разговаривать со стрѣлками теперь! Ихъ надо по сердцу бить!..» Рота ушла въ полномъ порядкѣ подъ командой капитана Круглевскаго.

Я рассказалъ Крузе, что было на совѣщаніи и что рѣшили. Волнуясь, онъ указалъ на абсурдность предложенныхъ мѣръ Агапова и полную неспособность ориентироваться Вальдена. Будучи со мною одного мнѣнія, онъ указалъ быть ближе къ стрѣлкамъ и, поддерживая среди нихъ свой авторитетъ, сохранить за собой власть. Какъ чутко онъ отнесся къ моему разговору съ Вальденомъ у лѣстницы. Въ немъ была строгость, но и сердце. Крузе былъ для меня не только мой бывший ротный командиръ и старшій штабъ-офицеръ, но и мой настоящій старшій товарищъ, мой истинный старшій другъ.

Передохнувъ нравственно, я направился въ роту. Въ ротѣ все было спокойно; каждый занимался своимъ дѣломъ. Въ ротную канцелярію ко мнѣ пришли фельдфебель — подпрапорщикъ Диречинъ и нѣкоторые взводные. Они попросили меня объяснить, что происходитъ, а также поговорить со стрѣлками, такъ какъ послѣдніе волнуются, боясь что ихъ пошлютъ въ Петроградъ на усмиреніе. Я сказалъ взводнымъ, что мнѣ лишь извѣстно, что въ Петроградѣ крупныя беспорядки, но опредѣленнаго самъ не знаю. Указалъ имъ быть спокойными и ждать приказаній, имѣя зоркій глазъ за людьми и поддерживая связь со мной. Я предполагалъ выждать говорить со стрѣлками въ надеждѣ, что получатся свѣдѣнія и распоряженія, могущія болѣе точно разъяснить обстановку. Но унтеръ-офицеры стали настаивать на томъ, чтобы я теперь же говорилъ со стрѣлками. Что въ ротѣ бродятъ всевозможныя слухи, которые ихъ волнуютъ. Настоянія взводныхъ были обоснованы и я рѣшилъ поговорить со стрѣлками.

Въ ротѣ стрѣлки поспѣшно сгрудились вокругъ меня тѣснымъ кольцомъ. Оба этажа наръ были полны ими. Ихъ взгляды были сосредоточены на мнѣ; на лицахъ, въ большинствѣ бородатыхъ, было написано нервное ожиданіе.

Я никогда не лгалъ стрѣлкамъ и рѣшилъ и на этотъ разъ говорить имъ только правду. Сказалъ, что изъ полученныхъ мною приказаній я мо-

гу имъ объявить, что отправка нашей роты на усмиреніе не предвидится. Если же рота, паче чаянія, и будетъ двинута, то не цѣликомъ и поведетъ ее другой, а не я. Относительно событій въ Петроградѣ сказалъ, что самъ знаю только то, что прочиталъ въ газетномъ листкѣ, о чемъ они и сами уже знаютъ. Всевозможные же слухи передавать не буду, такъ какъ въ нихъ больше фантазіи, чѣмъ правды. Мое же приказаніе: ротѣ сохранять полный порядокъ и дисциплину, не вѣрять слухамъ, а обо всемъ спрашивать у взводныхъ, которымъ я буду лично сообщать всѣ подробности и отдавать приказанія. Главное: — порядокъ, дисциплина, спокойствіе и подальше держаться отъ болтуновъ. У васъ есть начальники; они отвѣчаютъ за все и думаютъ о васъ. Слушаться ихъ точно и безпрекословно, такъ какъ они дѣйствуютъ не на основаніи слуховъ, а выполняя опредѣленные приказанія. Всѣ распоряженія и свѣдѣнія они получаютъ лично отъ меня. Стрѣлки отвѣтили: — «Будьте покойны. Постараемся, ваше высокоблагородіе». По моему приказанію рота разошлась въ полномъ порядкѣ.

Вернулся въ ротную канцелярію, куда за мной вышли всѣ взводные, фельдфебеля *) и подпрапорщикъ Диречинъ. Они попросили у меня разрѣшенія поговорить со мной, такъ какъ настроеніе стрѣлковъ замѣтно склонилось въ сторону Государственной Думы. — «А вы сами куда гнете?» спросилъ ихъ я. Они было замаялись, но оправились и заявили, что за одно со стрѣлками. Одинъ взводный заявилъ, что такъ по присягѣ будетъ, но почему объяснить не смогъ: — «Такъ оно кажется, ваше высокоблагородіе». Подпрапорщикъ Диречинъ доложилъ, что рота для усмиренія совсѣмъ ненадежна и, если ее поведутъ, то будетъ худо. Ведутъ себя очень хорошо; дисциплина въ казармѣ полная, которую, оставаясь въ казармѣ, можно будетъ сохранить до конца. Другіе это подтвердили. Унтеръ-офицеръ Шикунъ, только что вернувшійся изъ Петрограда, куда онъ мною былъ посланъ на развѣдку, доложилъ, что тамъ всѣ воинскія части уже на сторонѣ Государственной Думы. Въ Адмиралтействѣ еще есть части, непримкнувшія къ Государственной Думѣ, но ихъ повидимому очень мало и онѣ бездѣйствуютъ. — «Господа всѣ за Думу», говорилъ онъ. «У генерала Хабалова войскъ уже нѣтъ. Если ужъ господа съ Думой, то намъ тоже надо итти съ нею. Наше дѣло простое — мужику господъ слушаться. Имъ виднѣе. Да и противъ рожна не пойдешь». — «Въ данномъ случаѣ ты и

*) Запасная рота состояла изъ нѣсколькихъ литерныхъ ротъ по срокамъ укомплектованія и строевой подготовки для отправки на фронтъ.

долженъ слушаться меня, твоего ротнаго командира». — «Такъ точно, ваше высокоблагородіе. Только сердце мнѣ подсказываетъ, что я долженъ доложить, что намъ оно виднѣе, что дѣлается. Я такъ понимаю, ваше высокоблагородіе, что мы всѣ, значитъ начальствующіе, обязаны доложить вамъ обо всемъ, что дѣлается, а послѣ дѣлать то, что вы прикажете».

— «Я вашъ молодой, ваше высокоблагородіе», началъ говорить послѣ него Диречинъ. «Вы меня обучать начали, вы меня въ люди вывели и вотъ я, слава Богу, подпрапорщикъ сверхсрочный. Я долженъ теперь вамъ сказать и пособить. Время очень скверное, люди ненадежные и вамъ неизвѣстны они такъ, какъ мнѣ и вотъ имъ. Стрѣлки уже почувствовали, что стараго начальства нѣтъ никакого. Они и знаютъ это. Агитаторовъ этихъ въ ротахъ хоть отбавляй и нѣтъ возможности услѣдить за ними. Они среди прапорщиковъ, среди вольныхъ и среди самихъ стрѣлковъ. Они и рассказываютъ людямъ все, что дѣлается въ Петроградѣ. Стрѣлки знаютъ лучше г. г. офицеровъ. Дозвольте доложить истинную правду. Начальство все, высшее такъ сказать, насъ покинуло. Въ Питерѣ оно неизвѣстно гдѣ, да и здѣсь такъ же. Только что г. г. полуротные да ротные и показываются людямъ. Еще баталіонные, а что выше — тѣхъ не видать и не слышать. Въ Петроградѣ дѣло сдѣлано. Тамъ уже все пропало. Бунтъ полный и г. г. офицеры уже не командуютъ. Слушаютъ Думу, а больше Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Что это за штука такая Совѣтъ, ни мнѣ, ни вотъ имъ доподлинно неизвѣстно. Это узнаемъ. Пока люди васъ, ваше высокоблагородіе, слушаютъ, надо ихъ и держать. Вамъ, ротному командиру, одному, безъ поддержки старшихъ начальниковъ, одною строгостью ихъ не сдержать. Не справится ни вамъ, ни намъ. Нынче выходитъ такъ, что надо добиться, чтобы люди и вамъ вѣрили, а не только боялись бы васъ и насъ. Тогда мы, всѣ начальствующіе, останемся на своихъ мѣстахъ и при власти и сможемъ соотвѣтствующе воздѣйствовать. А ежели взять строгостью, то дѣло пропаще и сквернымъ пахнетъ. Плохо будетъ». — «Такъ что же я долженъ дѣлать по твоему?» спросилъ я Диречина. — «Не мнѣ, вѣстимо, давать совѣтъ вамъ, ваше высокоблагородіе, а только по мнѣ, это не мѣнять вашего отношенія къ ротѣ. Какъ было, такъ пусть и будетъ. Не надо особой строгости, а вотъ поближе къ людямъ, чтобы они васъ считали не только какъ за начальника, но главное — какъ и за старшаго. Тогда люди будутъ съ вами и ваши слова для нихъ будутъ важнѣе, нежели агитаторовъ. Надо, чтобы они вамъ вѣрили, а не только боялись бы. Мы всѣ съ вами и вамъ подсобимъ. Дѣло трудное. Будемъ дѣйстви-

бать сообща, другъ съ дружкой. Вы простите меня, ваше высокоблагородіе, что я значить такъ говорю, да теперь нельзя иначе, потому и осмѣлился вамъ все такъ выразить».

Начальствующіе его поддержали, а Шикунъ прибавилъ: «Я и раньше, въ мирное время честно служилъ Престолу и Отечеству въ нашемъ баталіонѣ. На войнѣ тоже, благодаря Господу Богу, не подгадилъ. Теперь желаю также послужить Государю и Отечеству. Истинно говорю, что сослужить эту службу мнѣ способно только подъ начальствомъ Родзянко. Онъ со своими за Вѣру, Царя и Отечество, ваше высокоблагородіе. А правительство—сами знаете какое, измѣнническое. Царя обманываютъ, Родину предають. Нѣтъ у меня никакой вѣры на него, будь оно проклято. Когда бы не Великій Князь Николай Николаевичъ, такъ Россіи давно бы уже конецъ подошелъ. Никакъ невозможно простить членамъ правительства, что они довѣріе Царское такъ обманули. Измѣнники они Ему и намъ съ ними не по дорогѣ». — «Ты бунтуешь, говоря такъ, Шикунъ!» прикрикнулъ на него я. — «Воля ваша, а только я думаю, какъ вѣрой и правдой служилъ и въ мирное время, и на войнѣ, такъ и теперь хочу послужить Царю, не то, что министры измѣнники. Царь правду чтеть и любитъ. За правду не накажетъ. Разсказать бы ему все». — «Да, какъ же ты разскажешь?» — «Да оно то и жалко, что до Бога высоко, до Царя далеко. Разсказать невозможно, а дѣйствовать надо по правдѣ, на способленіе Ему». — «Поэтому ты и предлагаешь отказаться отъ подчиненія власти, Имъ поставленной, и подчиниться тому, кто не исполнилъ Его указа». — «Она казалось бы и такъ, да думается, когда Государь Императоръ правду-то зналъ бы, то Онъ не Думу бы распустилъ, а министровъ, да начальниковъ петроградскихъ на веревку за измѣну вздернулъ бы, что чины высокіе да власть большую отъ Него получили, а службу измѣнническую Ему служатъ». — «Дерзкія рѣчи твои, Шикунъ». — «Правдивыя, ваше высокоблагородіе. Отъ сердца чистаго говорю. Не сказалъ бы другому, а вамъ вѣрю, какъ и всѣ мы значить вѣримъ. При нихъ вамъ открыто и говорю. Не таюсь».

Фельдфебель Павловъ, старый запасный съ сѣдыми уже волосами и усами, держась въ струнку, сказалъ мнѣ послѣ Шикуну: — «Царь прикажетъ — пойдемъ и помремъ. Дождаться надо Его генерала съ самоличнымъ приказомъ отъ Него самого, Государя Императора, значить. Тогда и исполнить его точно и безпрекословно, до послѣдней капли крови. А теперь, вѣстимо, надо съ тѣмъ быть, кто порядка требуетъ, кто установитъ его желаетъ, а не съ тѣмъ, кто Царю измѣняетъ и безпорядокъ заводитъ. А

генераль этотъ отъ Государя Императора безпремѣнно прибудеть. И приказъ привезеть настоящій, на пользу Престола и Отечества». — «Значить, ты тоже, Павловъ, клонишь къ Государственной Думѣ?» — «Неукоснительно, ваше высокоблагородіе. Потому что она, значить, въ настоящій моментъ единственная на порядокъ старается. На то мы и солдаты, чтобы въ государствѣ порядокъ держать. До собственного Его, Государя Императора, повелѣнія, вѣстимо».

— «Ну а ты, Аникіевъ, что можешь сказать?» спросилъ я у взводнаго, тоже стараго армейскаго фельдфебеля, тоже сѣдого, назначеннаго къ намъ изъ второочереднаго запаса. Онъ утромъ былъ въ Петроградѣ и вернулся вскорѣ послѣ обѣда. — «Хорошаго ничего не скажу, ваше высокоблагородіе. За всю мою жизнь такого правительства не видѣлъ и отъ стариковъ не слыхалъ. Ежели что и происходило, такъ либо губернаторъ, либо генераль непремѣнно порядокъ водворялъ. Нынѣшнее правительство все попряталось, а честныхъ людей на убой пустило. Городовыхъ, нашихъ же наилучшихъ унтеръ-офицеровъ бывшихъ, по два, по три, а то и по одиночкѣ на крышахъ *) съ пулеметами разставило, а ихъ бьютъ, какъ мухъ, все равно. Безпорядокъ полный, а власти никакой. На грузовикахъ студенты, да рабочіе разъѣзжаютъ. Они жь, поди, и командуютъ. Прапорщики еще запасные. Родзянко къ порядку зоветъ и дѣйствуетъ. Помочь надо, пока приказъ Царскій не пришелъ».

— «У насъ, въ Царскомъ Селѣ, еще и Царская Семья на рукахъ. Слыхалъ, что больные еще», сказала Диречинъ. — «Тамъ есть для охраны Конвой и Сводный полкъ». — «Развѣ что! Какъ бы они Ихъ раньше другихъ не оставили. Сдается мнѣ, что оберегать намъ придется».

— «Мы, ваше высокоблагородіе», заговорилъ опять Шикунъ, «не какіе-нибудь бунтари рабочіе или матросы. Мы люди, честно Царю служившіе, въ бояхъ пробитые, Царемъ за службу награжденные. Мы всѣ смѣемъ просить насъ послушаться для пользы Царя и Родины. Мы всѣ на колѣни передъ вами встанемъ». — «Не надо, не надо этого!» остановилъ я Шикуну и другихъ. «Давайте къ дѣлу и порѣшимъ вмѣстѣ, что дѣлать и какъ поступать».

Начальствующіе высказывались коротко и ясно. Видимо, у нихъ въ головахъ все было продумано, прикинуто по крестьянскому здраво и рѣшено.

*) На самомъ дѣлѣ не было. Таковы лишь были всеобще распространенные слухи (ред.).

Рѣшили ждать генерала съ царскимъ приказомъ, а пока оказать поддержку Государственной Думѣ, ежели она того попросить.

Я отдалъ приказъ: ротѣ къ возставшимъ не примыкать, всѣмъ оставаться на своихъ мѣстахъ и исполнять только тѣ приказанія, которыя буду отдавать или передавать я лично. Объявить это по литернымъ ротамъ. — Взводные и фельдфебеля отвѣтили, чтобы я за это не беспокоился. Все будетъ исполнено въ точности.

Распустивъ начальствующихъ, я пошелъ домой. По дорогѣ меня нагналъ стрѣлокъ и сказалъ мнѣ въ полголоса: — «Ваше высокоблагородіе, за роту не сумнѣвайтесь. Все будетъ въ полномъ порядкѣ, потому рота ни противъ Царя, ни противъ васъ не идетъ. Хочетъ другое правительство только, а то въ нынѣшнемъ все нѣмцы, да измѣнники». — «Да ты кто такой?» — «Вашей роты стрѣлокъ, литерной «А», ваше высокоблагородіе. Разговоры всѣ слышу и думки знаю. Осмѣлился и доложить вамъ объ этомъ. За свою роту говорю, а за остальные не знаю». — «Хорошо. Спасибо. Иди». Онъ отвѣтилъ: «радъ стараться, ваше высокоблагородіе», и отошелъ.

Что же это творится? Революція, бунтъ или національный порывъ народа, возмущеннаго преступными дѣйствіями правительства. Бунтъ это, или тотъ же ропотъ арміи, который прокатился въ Отечественную войну противъ Барклай-де-Толли. Тогда Александръ I внялъ этому ропоту, смѣнилъ Барклая Кутузовымъ и мы были въ Парижѣ. Можетъ быть и теперь произойдетъ то же самое. Государь услышитъ этотъ ропотъ народный, не дастъ народъ въ руки подпольныхъ личностей, смѣнитъ правительство и мы будемъ въ Берлинѣ? Что же это наконецъ, бунтъ или національный порывъ? Вотъ простые унтеръ-офицеры уже прикинули своимъ мужицкимъ умомъ, рѣшили что и какъ и смѣло высказались, а у насъ офицеровъ — неопредѣленность, безтолочь.

Уже поздній вечеръ. Почти ночь. Приходилъ Диречинъ съ обычнымъ рапортомъ. Въ ротѣ люди всѣ налицо и все спокойно. Надѣется, что и ночь пройдетъ такъ же.

Въ два часа ночи обошелъ роту. Стрѣлки спали. Дежурные и дневальные на мѣстахъ. Дежуритъ ефрейторъ Проскуринъ, хорошій исправный стрѣлокъ.

28-го февраля.

Ночь прошла спокойно. Все утро тоже. Волнений въ ротѣ вѣтъ. Шли обычные занятія и работы. Волненія въ другихъ ротахъ не замѣтилъ. Былъ на сбѣдѣ стрѣлковъ. Пища скверная, какъ уже давно. Щи ненаваристыя жидкія. Мясо жесткое. Порціи неполныя. Сегодня варятъ вмѣсто каши чечевицу, очень неважную и нечистую. По моему это плохо. Скверная пища можетъ дать поводъ къ недовольству. Недостатокъ котловъ заставляетъ стрѣлковъ торопиться съ обѣдомъ, дабы дать очередь другимъ. Они не любятъ, когда ихъ торопятъ съ ѣдой. Хлѣбъ очень хорошій. Хорошо выпеченъ и вкусный; вѣсъ полный.

Въ помѣщеніяхъ ротъ стрѣлки набиты далеко свѣше нормы. Нары въ два ряда. Одѣты отвратительно. У нѣкоторыхъ нѣтъ даже тѣльной рубахи, а вши ѣдятъ ихъ напрапалую. Объ этомъ уже много разъ докладывалось, много писалось, но дѣло не улучшилось, а ухудшилось. Еще лишній поводъ къ безпорядку.

Скверно на душѣ отъ предчувствія чего-то рокового. Зовутъ обѣдать. До вечера, если все будетъ спокойно.

1-го марта.

Поздняя ночь. За вчерашній день, вечеръ, ночь и сегодняшній день много событій. Ѣдетъ изъ Ставки съ Георгіевскими кавалерами генераль-адъютантъ Ивановъ. Одни ждуть его съ нетерпѣніемъ, другіе — съ безпокойствомъ и опаской. 1-й Гвардейскій Стрѣлковый запасный баталіонъ выступилъ противъ генерала Иванова. Нашъ баталіонъ, по политической революціонной неблагонадежности, оставленъ на мѣстѣ. Въ рукахъ генерала Иванова — судьба. Вся надежда на него. Вѣдь это ѣдетъ тотъ самый царскій генераль съ царскимъ приказомъ, котораго такъ ждуть здѣсь многіе. Въ случаѣ его пріѣзда усмиримъ немедленно Запасный артиллерійскій тяжелый дивизионъ и тѣ части запасныхъ баталіоновъ, гдѣ уже люди замѣтно бродятъ. Нужно твердое слово, энергичные приказы и дѣйствія и многіе подымутъ голову. Появится твердая власть, вѣрная ей воинская сила и порядокъ быстро возстановится.

Мои стрѣлки дежурятъ на Царскосельскомъ вокзалѣ и у Александровскаго дворца. Это дежурство — неофициальное и тайное. На вокзалѣ для того, чтобы сообщить мнѣ немедленно о пріѣздѣ генерала Иванова, а

у дворца, чтобы во время предупредить въ случаѣ эксцесса противъ Царской Семьи. Сводный полкъ посты непосредственной охраны дворца уже сдалъ 1-му Гвардейскому Стрѣлковому запасному баталіону, а конвойцы уже на подѣздѣ Таврическаго дворца. Правъ оказался Диречинъ, говоря, что они раньше другихъ оставляютъ Семью. Причина ихъ сдачи постовъ революціонному баталіону мнѣ неизвѣстна и я воздержусь записывать болѣе подробно свои мечты объ этомъ очень прискорбномъ фактѣ, счень скверно подѣйствовавшемъ на моихъ стрѣлковъ.

Запишу вкратцѣ, что происходило вчера, 28-го февраля. Послѣ полудня вернулась изъ Петрограда рота капитана Круглевскаго. Послѣдній намъ сообщилъ, что въ Петроградѣ изъ вѣрныхъ правительству войскъ осталась только рота запаснаго баталіона л.-гв. Измайловскаго полка, но офицеры этой роты говорили Круглевскому, что люди ненадежны. Всѣ остальные воинскія части перешли на сторону Исполнительнаго комитета Государственной Думы, съ М. В. Родзянко во главѣ его. Генераль Хабаловъ совершенно растерялся и дѣйствуетъ очень нерѣшительно, вѣрнѣе совершенно бездѣйствуетъ, запершись въ Адмиралтействѣ. Онъ блѣденъ и у него дрожатъ отъ волненія руки. Полицію хватаетъ толпа и болѣею частью убиваетъ на мѣстѣ, только немногихъ куда-то уводятъ, какъ слышно въ Таврической дворцѣ. Рота Круглевскаго, простоявъ въ Адмиралтействѣ у генерала Хабалова и въ Зимнемъ дворцѣ, никакого участія не принимала. Стрѣлки вели себя образцово. Будь твердая власть и рѣшительное приказаніе и они бы дѣйствовали. Этого не было. Потерявъ вѣру въ могущество власти правительства и военного начальства, они теперь уже ненадежны. Возвращались по улицамъ Петрограда съ пѣснями подъ гармонь и безъ красныхъ флаговъ. Улицы многолюдны. Большинство — хорошо одѣтыхъ, особенно женщины. У всѣхъ красные банты. Публика на роту смотрѣла недружелюбно, но не задѣвала.

На вопросъ Вальдена, каково же въ общемъ положеніе, Круглевскій отвѣтилъ, что жребій брошенъ и на успѣхъ подавленія возстанія мѣстными силами нѣтъ надежды. Всѣ воинскія части со своими офицерами на сторонѣ Государственной Думы. У генерала Хабалова въ распоряженіи только его штабъ и ни одного штыка, такъ какъ на роту Измайловцевъ положиться уже нельзя. На сторонѣ Государственной Думы не только рабочіе, но и войска, и петроградское общество. Была еще надежда для правительства дѣйствовать силою военныхъ училищъ, но оно само растерялось, а военное

начальство бездѣйствовало. Въ заключеніе Круглевскій призналъ бесполезность борьбы.

Вальденъ подтвердилъ свои старыя приказанія, но отмѣнилъ выставленіе пулеметовъ на крышахъ. Агапова Вальденъ отправилъ въ Гвардейскій экипажъ для учрежденія съ нимъ связи, такъ какъ, по свѣдѣніямъ Вальдена, Гвардейскій экипажъ занялъ позицію за Царскимъ Селомъ по дорогѣ на Пулково, гдѣ будто бы и окопался. По уходѣ Агапова мы всѣ оставались въ собраніи въ ожиданіи его возвращенія. Вернувшійся Агаповъ сообщилъ, что матросы Гвардейскаго экипажа дѣйствительно на позиціи, но только со своими боцманами. Всѣ офицеры въ дежурной комнатѣ Александровскаго дворца. Изъ разговора съ офицерами экипажа Агаповъ пришелъ къ заключенію, что на Гвардейскій экипажъ также нельзя положиться. Вальденъ сказалъ, что пытался дозвониться по телефону до Петрограда, но не получилъ провода. Приказаній онъ не получилъ никакихъ.

Послѣ докладовъ Круглевскаго и Агапова произошелъ незначущій обмѣнъ мнѣній между нами. Общее впечатлѣніе отъ сказаннаго было скверное. Время шло. Я повторилъ свое мнѣніе, но къ нему отнеслись очень недружелюбно. Вальденъ, Агаповъ и Круглевскій заговорили въ полголоса, о чемъ-то совѣщаясь.

Окончивъ совѣщаніе, Вальденъ отвелъ меня опять къ той же лѣстницѣ въ залъ и сказалъ мнѣ, что я волную присутствующихъ и вношу панику, а потому мое присутствіе нежелательно. Я вскипѣлъ и рѣзко отвѣтилъ Вальдену, что это обвиненіе несправедливо и неосновательно. Но это его, Вальдена, дѣло и разъ онъ мнѣ такъ говоритъ, то я, видимо, долженъ сдать роту немедленно.—«Дѣлай, что находишь нужнымъ, но сейчасъ же назначь моего замѣстителя. Я, конечно, въ роту больше не явлюсь и за нее отвѣчать не буду». Вальдену, очевидно, это было очень неприятно. Можетъ быть, онъ думалъ, какъ и я, но другіе его сбивали и онъ былъ на распутьи.— «Ты не сердись на меня», отвѣтилъ онъ мнѣ мягко. «Мнѣ такъ нездоровится, такъ болитъ обрубокъ ноги, что мнѣ трудно работать. О твоёмъ замѣстителѣ я подумаю». Я почувствовалъ, что къ мукамъ нерѣшительности у него прибавилась еще и мука разбиваемой дружбы.

Вышли изъ собранія вмѣстѣ. Разставаясь съ нимъ, я его предупредилъ, что отдалъ ротѣ приказаніе — безъ моего личнаго приказанія никуда не выходитъ и ни къ кому не присоединяться, оставаясь все время въ помѣщеніи. — «Надо бы отмѣнить это мое приказаніе, такъ какъ оно можетъ итти въ разрѣзъ съ твоими намѣреніями, и назначь возможно скорѣе дру-

того ротнаго командира. Самъ понимаешь, что это спѣшно». — «Нѣтъ, нѣтъ! Не надо. Пусть сидятъ дома», отвѣтилъ мнѣ Вальденъ. Съ этими словами онъ пошелъ къ себѣ домой, съ трудомъ опираясь на протезъ лѣвой ноги. Онъ сразу осунулся. Это уже не былъ прежній Вальденъ. Въ немъ, казалось, съ первымъ шагомъ погасла послѣдняя искра энергіи. Какія, навѣрное, нравственныя муки началъ онъ переживать.

Дома разговоръ съ Крузе, который мнѣ подъ конецъ сказалъ: — «Будьте готовы. Вамъ придется работать. Вы вѣдь старшій послѣ Вальдена». Помолчавъ немного, онъ прибавилъ: — «Будьте тверды. Дѣлайте такъ, какъ рѣшили».

До наступленія сумерекъ все было спокойно. Около 5 часовъ пополуночи ко мнѣ пришелъ Диречинъ и доложилъ, что въ баталіонѣ неспокойно. Въ ротѣ тихо. Въ другихъ ротахъ идутъ сговоры, но въ нашей нѣтъ. Онъ узналъ, что приходили люди изъ запаснаго баталіона 1-го полка и тяжелаго дивизіона. Онъ ихъ не захватилъ, такъ какъ дежурный принялъ ихъ за земляковъ кого-нибудь изъ нашихъ, да они и не задержались въ ротѣ. Я приказалъ Диречину тотчасъ же отправиться къ Вальдену, доложить ему все это и узнать, кто вступилъ въ командованіе ротой вмѣсто меня. Когда на вопросъ Диречина я отвѣтилъ ему, что я отстраненъ отъ командованія ротой, то онъ наклонилъ голову и въ раздумьи проговорилъ: — «У насъ некому принять роту. Вы уйдете — я за роту не отвѣчаю». — «Иди и доложи капитану Вальдену». — «Слушаюсь, ваше высокоблагородіе. Только я объ этомъ говорить не буду». — «Сдѣлаешь такъ, какъ прикажетъ капитанъ Вальденъ». — «Слушаюсь, ваше высокоблагородіе...» и ушелъ. Онъ очень скоро вернулся назадъ и доложилъ, что къ Вальдену не дозвонился и не знаетъ къ кому обратиться. — «Обратись къ капитану Агапову. Если его нѣтъ, то къ капитану Круглевскому». — «Зачѣмъ я буду къ нимъ обращаться. У насъ есть свой ротный командиръ». — «Я тебѣ сказалъ, что уже не команду ротой». — «Понимаю. Только такъ нельзя. Я вашъ молодой солдатъ, съ вами буду и теперь». — «Диречинъ, не мудри. Разъ есть приказаніе, ты его долженъ выполнить». — «Рота васъ знаетъ. Знаетъ и васъ слушаетъ. Пойдетъ съ другимъ и тогда не дай Богъ, что можетъ надѣлать. Время очень безпокойное. Власть не моя. Что прикажутъ, то и исполню, да только теперь уже не время мѣнять ротныхъ командировъ. Въ другихъ ротахъ уже здорово волнуются». — «Хорошо! Пойди въ роту и подтверди мое приказаніе оставаться въ помѣщеніи. Дальнѣйшія приказанія получишь. Я иду къ капитану Вальдену. Пока что приходи

докладывать мнѣ, если не получишь другое распоряженіе отъ капитана Вальдена».

Мы вышли вмѣстѣ. Онъ въ роту, я къ Вальдену. Звонилъ долго и не дозвонился. Пошелъ въ роту. Въ ротѣ порядокъ, но настроеніе замѣтно тревожное. Тишина передъ грозой. Подтвердилъ ротѣ самъ свое прежнее приказаніе: помѣщенія не оставляютъ, ни къ кому не присоединяться, слушаться начальствующихъ. Рота отвѣтила обычнымъ — «постарайтесь», да еще донеслось нѣсколько голосовъ — «будьте покойны, исполнимъ въ точности». Изъ роты прошелъ въ кухню и наткнулся на неожиданность. Тамъ варили въ котлахъ пищу не для стрѣлковъ, а для какихъ-то пришедшихъ драгунъ, размѣщенныхъ въ гусарскихъ казармахъ. Какого полка были эти драгуны и были ли они въ дѣйствительности, я такъ и не узналъ. Говорили, что это были даже не драгуны, а переодѣтые жандармы. Пролить хоть небольшой свѣтъ на этихъ «драгунъ» такъ и не удалось. Итти самому въ гусарскія казармы не было ни времени, ни возможности. Съ минуту на минуту могъ быть взрывъ безпорядковъ.

Пошелъ домой. Встрѣтившіеся по дорогѣ стрѣлки вели себя исправно и аккуратно отдавали честь. Дома засталъ непріятно-томительную тишину. Свѣтъ не былъ зажженъ и комнаты были полны густыми сумерками. Не нарушая этой тишины, я сѣлъ въ кресло. — «Что въ баталіонѣ?» спросилъ меня изъ своего кабинета Крузе: — «Тревожно, въ ротахъ неспокойно». — «О чемъ говорятъ?» — «Не знаю, былъ только въ своей ротѣ; тамъ тихо». — «Что говорятъ взводные про другія роты?» — «Что же говорить, Федоръ Валерьяновичъ! Я самъ слышалъ, что гудятъ. Очевидно поднимаются». — «Что Вальденъ дѣлаетъ?» — «Не знаю. Былъ у него, не дозволился. Изъ офицеровъ никого не видѣлъ». — «Что же надумали дѣлать?» — «Не прекращать командовать ротой. Не могу бросить роту въ это время. Это все равно, что бѣжать съ поста». — «Такъ и дѣлайте», горячо подхватилъ Крузе. Замолчали. Наступила опять тишина.

Въ кухнѣ хлопнула дверь. Въ гостиную вбѣжалъ денщикъ и доложилъ, что Вальденъ спѣшно зоветъ меня къ себѣ на квартиру. Я быстро одѣлъ шинель и сталъ уходить. Крузе поднялся и молча проводилъ меня до кухни. На дворѣ совершенно темно. Морозно. Изъ казармъ долетаетъ глухой гулъ голосовъ. Было тревожно. Начинается.

Сейчасъ во время записи меня перебили. Дневальный вызвалъ меня и доложилъ, что эшелонъ генераль-адъютанта Иванова у станціи Сиверино.

Продолжаю. Вальдена засталъ въ постели съ горящимъ лихорадочнымъ лицомъ. У него болѣлъ обрубокъ лѣвой ноги и его сильно лихорадило. У Вальдена уже находились Агаповъ, Круглевскій, Николаевъ и Матвѣевъ. Всѣ безпокойные, нервные, говорящіе одновременно. Ничего толкомъ не понять. Агаповъ говорилъ Вальдену, что звонилъ въ Александровскій дворецъ, но никого не добился. Вслѣдъ за тѣмъ онъ ушелъ, а за нимъ Круглевскій. Стало тише. Отъ Матвѣева узналъ, что въ баталіонѣ безпорядки. Стрѣлки вышли изъ казармъ и вывернули котлы, въ которыхъ варилась пища для «драгунъ», крича, что это не драгуны, а передѣтые жандармы. Агаповъ и Круглевскій пытались ихъ успокоить, но напрасно. Положеніе ихъ стало настолько рискованнымъ, что подпрапорщикъ Смолинъ попросилъ ихъ уйти, боясь убійства, и обѣщаль успокоить стрѣлковъ при помощи взводныхъ. Толпа стрѣлковъ уже требовала немедленнаго удаленія «драгунъ» изъ Царскаго Села. Оказывается, Агаповъ и хлопоталь объ этомъ у помощника Дворцоваго Коменданта, генерала фонъ Гротена, но безуспѣшно. Никто изъ присутствующихъ не зналъ, драгуны ли это, или жандармы. Почти сейчасъ же ушли Николаевъ и Матвѣевъ.

Я остался съ Вальденомъ съ глазу на глазъ. Онъ попросилъ меня позвонить лично по телефону въ Александровскій дворецъ и просить генерала Гротена приказать вывести «драгунъ», такъ какъ стрѣлки бунтуютъ и привести ихъ въ порядокъ нѣтъ возможности. Съ такимъ же порученіемъ Агаповъ поѣхаль прямо во дворецъ. — «Если можетъ ими (драгунами) помочь намъ, то пусть дѣйствуетъ», добавилъ Вальденъ. «Но не вѣрю я, поздно. Бросили насъ всѣ, а отвѣчать будемъ мы». Его лицо такъ лихорадочно горѣло, что я чувствовалъ, какъ онъ долженъ быть сильно боленъ. Жаръ у него былъ настолько высокъ, что казалось онъ обжигаль и меня. — «Ты продолжаешь командовать баталіономъ, можешь?» спросилъ я его. — «Да я, но ты видишь самъ, въ какомъ я состояніи. Совсѣмъ боленъ. Жаръ и ужасно болитъ нога. Не могу самъ пойти. Пойди ты и переговори съ Гротеномъ. Пусть хоть онъ принимаетъ начальствованіе надъ гарнизономъ. Роту не бросай, продолжай ею командовать». — «Ахъ Павлуша! Пропустили мы время. Тамъ уже бунтъ форменный. Непроглядная ночь и ни одного надежнаго взвода подъ рукой. Что же я теперь могу сдѣлать. Рота безъ моего приказанія не выйдетъ, надѣюсь на это. Но возстановливать порядокъ съ ней, конечно, и думать нечего». Мы, старые товарищи со школьной скамьи, вновь нашли простое и искреннее слово дружбы и крѣпко пожали другъ другу руки. Его рука была такъ горяча, что жгла мою.

Я побѣжалъ къ телефону. Вызвалъ командира Своднаго полка, генерала Ресина, и, объяснивъ кратко положеніе въ баталіонѣ, передалъ ему просьбу Вальдена. Передъ началомъ разговора я спросилъ, кто у телефона. Отвѣтъ — генералъ Ресинъ. Въ отвѣтъ же на мое сообщеніе я услышалъ растерянное «хорошо» и больше ничего. Сталъ звонить снова и вызвалъ генерала Гротена. На мой вопросъ, кто у телефона, отвѣтъ — генералъ Гротенъ. Передалъ ему то же, что генералу Ресину. Въ отвѣтъ — только «да, да», съ повѣшаніемъ трубки. Оба отвѣта ввели меня въ смущеніе. Телефонъ я получилъ черезъ городскую станцію. Стало ясно, что мнѣ не дали дворцоваго провода и что я говорилъ не съ генералами Ресинымъ и Гротеномъ, а съ кѣмъ-либо съ городской телефонной станціи, занятой возставшими. Какая непростительная оплошность съ моей стороны изъ-за горячки. Вернулся къ Вальдену и подѣлился съ нимъ своимъ промахомъ. — «Да и откуда эти драгуны? Какой полкъ?» спросилъ я его. — «Не знаю, не могъ узнать». — «Это провокація, Павлушка». Вальденъ былъ совсѣмъ плохъ и говорилъ съ трудомъ. Будучи въ такомъ состояніи, онъ совершенно не былъ въ силахъ дѣйствовать.

Съ шоссе доносился рокоть толпы. Онъ шелъ отъ казармъ. Оставивъ Вальдена, я прошелъ къ себѣ взять револьверъ. По шоссе въ казармы пробѣгали отдѣльные стрѣлки. Дома засталъ Крузе и жену, стоящими у окна, въ которое была видна часть казармъ и прилегающей плацъ. Крузе поздравилъ меня знакомъ. Черезъ открытую форточку доносился гулъ гологовъ. Ихъ рокоть то усиливался, то затихалъ и тогда доносились отдѣльные выкрики, которые было трудно разобрать. Видна была часть большой темной массы, освѣщенной фонаремъ, которая волновалась и гудѣла. Въ фонарномъ свѣтѣ виднѣлись бѣгающіе силуэты людей. — «Видите?» спросилъ меня Крузе. — «Вижу и понимаю». — «Ваше мѣсто тамъ». — «Иду туда. Пришелъ только взять револьверъ». — «Богъ въ помощь!» сказалъ мнѣ Крузе. Жена пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза и молча проводила меня взоромъ.

Послышались отдѣльные выстрѣлы. Въ кухнѣ у себя наткнулся на Диречина. — «Вы куда», спросилъ онъ меня. — «Въ роту». — «Нельзя туда!» — «Идемъ». Онъ, ничего не отвѣтивъ, пошелъ за мной. Были ли у меня какія-нибудь мысли во время этого краткаго пути къ бунтующей толпѣ солдатъ. Было только одно сознаніе, что разъ въ ротѣ безпорядокъ, то я долженъ быть тамъ и принять мѣры къ его прекращенію. Оба мы шли быстро и молча.

На шоссе у церковнаго плаца пусто. Плаць церковный тоже пустъ. Все тамъ — у казармъ. Двое стрѣлковъ обогнали насъ. Одинъ изъ нихъ на ходу заряжалъ обоймой винтовку. Казарменный плаць полонъ стрѣлковъ. Крики, гамъ, гуль и отдѣльные выстрѣлы. Трудно записывать то, что я видѣлъ, такъ какъ не найти ни словъ, ни выраженій, могущихъ точно передать происшедшее, что-то дикое, стихійное, которое бушевало въ происходившемъ.

Диречинъ и я подошли вплотную къ толпѣ стрѣлковъ, смѣшались съ ней, слясь пробраться въ роту. Не было возможности. Толпа насъ подхватила, сжала, унесла въ совершенно противоположную сторону и выбросила изъ себя. Чтобы она насъ не разъединила, Диречинъ и я обхватили другъ друга, но насъ все-таки разорвали. Я отошелъ немного въ сторону, гдѣ было нѣсколько свободнѣе. Крючки шинели вырваны съ мясомъ; вырванъ на половину рукавъ. Револьверъ въ карманѣ. Черезъ нѣсколько минутъ добрался до меня Диречинъ, изрядно помятый толпой. Мы молча слѣдили. Вооруженные стрѣлки поминутно толкали насъ и наталкивались на насъ въ темнотѣ. Видя ихъ вооруженными, у меня мелькнуло позднее сознание, что надо было сегодня днемъ отобрать у нихъ винтовки. Подѣлился этой мыслью съ Диречинымъ. Онъ махнулъ только рукой и отвѣтилъ, что разнесли бы арсеналь, все равно. Нѣкоторые стрѣлки, наткнувшись на меня и узнавъ, извинялись, отдавая честь, и уходили торопливо дальше. Другіе ничего не говорили, но сторонились и обходили. Я крикнулъ изо всей силы, чтобы привлечь вниманіе, хотя бы ближайшихъ стрѣлковъ, но на мой крикъ обернулись только двое-трое, а мой голосъ потонулъ въ гуль толпы. — «Оставьте, ваше высокоблагородіе. Ни къ чему это», сказала Диречинъ. Можетъ быть это было и къ чему, но надѣяться голосомъ привлечь къ себѣ вниманіе было совершенно бесполезно, невозможно. Двухтысячная толпа вооруженныхъ стрѣлковъ, освѣщаемая немногими фонарями, гудѣла, рокотала, грозила и волновалась въ эту темную ночь. Жутью вѣяло отъ нея, какъ отъ сорвавшагося съ цѣпи дикаго звѣря. Не людьми мнѣ казались эти сѣрыя фигуры, а дикими растравленными животными, готовыми и способными на все самое ужасное. Стихія ада! И не было въ эту минуту возможности накинуть цѣпь на этого взбѣсившагося звѣря. Время упущено. Теперь я съ Диречинымъ, одни въ этой двухтысячной толпѣ, сознавали себя безсильными что-либо сдѣлать. Стрѣлками, подстрекаемыми и разжигаемыми темными агитаторами, которые, безусловно, сновали въ ихъ толщѣ, овладѣли животные инстинкты бунта и безразсуднаго, самаго озорного

и безшабашнаго разгула. А еще вдобавокъ темная ночь. Власть «звѣря» брала ихъ всѣхъ въ свои костистыя лапы и, быть можетъ, уже забрала. Но если не было возможности накинуть цѣпную петлю на этого звѣря, то, можетъ быть, есть возможность загнать его въ клѣтку? Сказалъ эту мысль Диречину. Отвѣтилъ, что гадаеть о томъ же.

Внезапно я услышалъ свой чинъ и фамилію. Меня искали. Я откликнулся. Дежурный моей роты. Снимая фуражку и отирая съ лица потъ, онъ сказалъ, что еле нашель меня и пришелъ по порученію роты сказать мнѣ, чтобы я никуда изъ дома не выходилъ, такъ какъ «мало ли что можетъ случиться». Выборные спрашиваютъ распоряженія. — «Какіе выборные?» — «Такъ что ротъ роты выборные». — «Ну да! Понимаю. Но кто ихъ выбиралъ, куда и почему?» — «Такъ что рота выбирала. Въ ротѣ они, значить, и спрашиваютъ о приказаніяхъ и просятъ васъ никуда не выходить, какъ значить народъ ошалѣвши». — «А взводные гдѣ?» — «Да они, поди, всѣ и есть эти самые выборные. А говорятъ, будто, рота выбирала въ подмогу куда-то». — «Гдѣ рота?» — «Въ помѣщеніи, какъ приказали. Всѣ на мѣстахъ, но очень въ безпокойствѣ. Съ другихъ ротъ забѣгаютъ, ругаются, почему не выходимъ, какъ прочіе. Приказаніе ваше ожидаемъ». — «Сидѣть на мѣстахъ и не двигаться». Дежурный мнѣ доложилъ еще, что выборные сами установятъ связь со мной, а мнѣ быть дома и въ роту не приходиться, такъ какъ не могутъ поручиться ни за роту, ни за мою неприкосновенность. — «Хорошо, иди и передай мое приказаніе». Дежурный убѣждалъ.

Кто же фактически командуетъ: я — ротой, или взводные — мной? — «Идемъ въ роту», сказалъ я Диречину. Онъ воспротивился, говоря, что этимъ я только испорчу дѣло, такъ какъ выборные теперь безъ меня лучше справятся, а я своимъ присутствіемъ могу нагнать бѣду, въ виду недружелюбнаго настроенія другихъ ротъ противъ офицеровъ, и могутъ меня забить подъ горячую руку. Тогда пойдетъ рѣзня. Напомнилъ мнѣ, съ какимъ трудомъ Смолинъ удержалъ стрѣлковъ отъ кровавой расправы съ Агаповымъ и Круглевскимъ. — «Офицеры уже ничего не могутъ. Я васъ тоже прошу для пользы дѣла послушаться выборныхъ. Такъ будетъ лучше». Подошли еще два стрѣлка и стали также уговаривать меня итти домой. На мой отказъ одинъ изъ нихъ проговорилъ съ раздраженіемъ: — «Офицерамъ ничего не сдѣлать. Вамъ тоже. Теперь выборные работаютъ. Они только и могутъ сдержатъ. Никого изъ офицеровъ нѣтъ. Вы только одинъ». Я не уходилъ. Другой стрѣлокъ сказалъ: — «Мы выборные и

просимъ васъ уйти отсюда домой. Мы добра хотимъ вамъ. Ничего вы здѣсь не сдѣлаете, а только озорныхъ задразните. За ночь мы управимся, а утромъ къ вамъ придемъ». — «Въ роту все равно не пройти», сказала Диречинь, указывая на толпу стрѣлковъ. Я сдался на ихъ уговоры и пошелъ домой, сопровождаемый этими двумя выборными стрѣлками. Диречинь отсталъ отъ насъ. Они проводили меня до офицерскаго флигеля и вернулись на плацъ.

Прошла уже ночь съ того момента, прошелъ день, вотъ уже четвертый часъ ночи, когда я записываю это минувшее и не могу понять: Какъ это произошло? Кто допустилъ все это? Гдѣ же власть? Что это — преступленіе? Если да, то сознательное или безсознательное? А мои собственные поступки, шаги: преступные, необдуманые, неопредѣленные или правильные? Что же я теперь долженъ дѣлать? Увы! Кажется, только ждать, довѣрившись выборнымъ. Неужели же теперь только это одно остается мнѣ дѣлать? Скоро взойдетъ заря 2-го марта и что она принесетъ: Царскаго ли генерала, или «звѣрь» начнетъ трепать и грызть. Гадкій, поганый звѣрь и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасный и яростный, имя котораго я только сегодня понялъ въ Таврическомъ дворцѣ. Имя его — Соціализмъ, а лозунгъ его — Революція. Ужасно! Дико! И сегодня тамъ, въ зданіи Государственной Думы, я понялъ, что мы обмануты, что насъ надули, ограбили наше чувство, наше сердце, нашу душу. И кто? — Выборные отъ народа. За довѣріе — ложь, мошенничество. Но буду вѣрить. Если же генераль Ивановъ замнется со своими Георгіевскими кавалерами и возьметъ силу революція, то я все равно не уйду. Буду на своемъ мѣстѣ и бороться до послѣдняго. Такъ рѣшилъ, такъ и буду дѣлать. Богъ мнѣ судья.

Но дальше. Крузе и жена меня встрѣтили молча. Крузе только взглянулъ на меня, ничего не сказалъ и подошелъ къ окну. Черезъ нѣкоторое время молчанія онъ спросилъ: «Поздно?» — Въ этомъ его «поздно» я почувствовалъ, что упустилъ время дѣйствовать. Упустилъ и не сумѣлъ. — «Да, поздно. Офицеры безсильны. Одному не справиться. Да и всѣмъ намъ тоже», отвѣтилъ ему я. Опять остро почувствовалъ, что въ нужный моментъ я не оказался на должной высотѣ, оказался неспособнымъ схватить «палку капрала». Стало невѣроятно досадно, обидно и стыдно. — «Я зналъ это, когда посылалъ васъ туда», проговорилъ Крузе. «Но вы должны были быть тамъ, чтобы видѣть и слышать самому, непосредственно прощупать. Теперь положитесь на Бога и будемъ ждать утра».

Въ окно было видно, какъ вооруженные стрѣлки собирались пачками и строились на шоссе. Раньше на этомъ шоссе выстраивался баталіонъ и полкъ для отхода на Царскій парадъ. Полкъ, будучи еще баталіономъ, не колеблясь усмирить Лифляндію и привелъ въ порядокъ Кронштадтъ. Теперь запасный баталіонъ того же полка строился на смотръ революціи. *Sic transit gloria mundi!*

Пришли Диречинъ и часть выборныхъ доложить, что всѣ роты, кромѣ нашей, выходятъ съ винтовками строиться и требуютъ выхода нашей роты. Она отказалась выходить безъ моего разрѣшенія. Тогда находящіеся снаряды стрѣлки открыли стрѣльбу по окнамъ нашей роты, но выборные ее прекратили. Спросилъ, зачѣмъ выходятъ роты? Диречинъ отвѣтилъ, что всѣ части гарнизона уже присоединились къ Государственной Думѣ, въ знакъ чего и прошли по городу строемъ. Наши хотятъ сдѣлать то же: пройти съ музыкой по улицамъ города и вернуться въ казармы. — «Запретить выходить — или выйдутъ все равно сами, или произойдетъ кровавая свалка», вслухъ проговорилъ я свою мысль. «Ни то, ни другое недопустимо. Разрѣшить выйти, пройдутъ по морозу, остынутъ. Морозъ дурь изъ головъ выбьетъ. Начальствующіе съ ними идутъ?» — «Такъ точно». — «Пусть выходятъ», сказала я, отпуская выборныхъ.

Диречинъ остался сообщить мнѣ, что въ Петроградѣ образовался Советъ рабочихъ депутатовъ, который уже дѣйствуетъ. Отъ него пришелъ наказъ произвести въ ротахъ выборы, которые и произошли. Выборные образовали комитетъ, который постановилъ во что бы то ни стало водворить порядокъ своими мѣрами, безъ участія офицеровъ. — «Это что за новость? Почему?» — «Правду говоря, не разберешь еще точно въ чемъ дѣло. Я самъ не выбранъ. Знаю только, что боятся, какъ бы ни стали насильничать надъ офицерами. Допустить этого не хотятъ. Ужъ очень обозлены стрѣлки противъ капитановъ Агапова и Круглевскаго; кричатъ: «мы имъ покажемъ пулеметы на крышахъ». — «Знаешь что точнѣе о комитетѣ и о выборныхъ?» — «Развѣ узнаешь это точно. Я же не въ комитетѣ. Завтра узнаете, ваше высокоблагородіе. Они тамъ сговариваются, къ утру спѣшатъ. Они справятся со стрѣлками, да и морозъ поможетъ. Думаю, что теперь опаски нѣтъ. Разрѣшите итти. Въ ротѣ ждутъ». — «Идешь съ ними?» — «Не могу знать. Хочу не ходить». Диречинъ ушелъ.

Стрѣлки строились. На правомъ флангѣ строилась музыкантская команда. Гамъ стихалъ замѣтно. Послышалась команда. Защелкали затворы и многіе стали прицѣливаться въ окна офицерскихъ квартиръ и собранія.

Доносились угрожающіе крики. По фронту сновали люди. Должно быть это выборные, такъ какъ видимо угоманивали буйныхъ стрѣлковъ. Крузе оттянулъ жену и меня отъ окна. — «Не надо дразнить ихъ собой. Отсюда видно». Мы отошли въ глубь кабинета. Шумъ стихъ. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Кто-то громко scomандоваль. Команда передалась по фронту. Роты зашли плечами по отдѣленіямъ. Раздалась «Марсельеза» и баталіонъ строемъ сравнительно въ порядкѣ ушелъ въ городъ. Въ строю не было ни одного кадроваго офицера, какъ я это узналъ сегодня. Прапорщикъ военнаго времени моей роты Рацуль усиленно подбиваль стрѣлковъ бить насъ, кадровыхъ офицеровъ. Въ ротѣ, однако, ему даже не дали раскрыть рта, а въ другихъ ротахъ поднять стрѣлковъ на убійство офицеровъ не дали выборные, что имъ удавалось не легко. Тогда они рѣшили вывести стрѣлковъ на прогулку по морозу возможно скорѣе, рассчитывая утихомирить расходящихся и предотвратить избіеніе. Баталіонъ удалялся, удалялись звуки «Марсельезы» и крики «ура». Въ районѣ баталіона наступила тишина. Изъ города доносились многоголосный гулъ толпы и частая стрѣльба. Это подчеркивало наступившую здѣсь тишину, среди которой сознавалось, что произошло что-то огроное, грозное, роковое, неминуемое и непоправимое.

Невольно пронеслось воспоминаніе о жизни и событіяхъ минувшихъ лѣтъ. Сознавалось, что все это готовилось годами, и то, что произошло въ ночь съ 28-го февраля на 1-е марта 1917 года, должно было произойти. Почему мы проглядѣли приближеніе революціи? Чѣмъ мы были ослѣплены настолько, что оказались неподготовленными къ роковымъ днямъ, особенно мы, кадровые офицеры, которые не знали теперь, что дѣлать и какъ поступать. А стрѣлки, нижніе чины, знали, что и какъ дѣлать. Ихъ этому научили, ими руководили.

Послѣ ухода баталіона я пошелъ къ Вальдену. По словамъ денщика, онъ былъ очень боленъ и ни меня, ни другихъ офицеровъ не принималь. Вернулся домой, гдѣ кромѣ жены и Крузе засталъ еще Крутецкаго, который звалъ насъ всѣхъ къ себѣ пережить вмѣстѣ съ нимъ и его женой эту ночь; у него будутъ и другія полковыя дамы. Крузе напомнилъ мнѣ, что за болѣзнию Вальдена мнѣ по старшинству надо вступить въ командованіе баталіономъ. Уходя, я предупредилъ своего денщика, что буду у капитана Крутецкаго, куда направлять ко мнѣ всѣхъ, спрашивающихъ командующаго баталіономъ. У Крутецкаго мы пробыли часовъ до трехъ ночи. Крузе старался разсѣять гнетущее настроеніе, но въ душѣ у каждаго изъ насъ

было безпокойно. Изъ города доносились гуль и стрѣльба. Шальные пули залетали въ раіонъ баталіона.

Около 4-хъ часовъ ночи пришелъ Диречинъ. Подмерзшіе и успокоившіеся стрѣлки возвращались пачками въ казармы и къ 3-мъ часамъ ночи всѣ уже были на нарахъ.

Ночь прошла спокойно. Шло совѣщаніе образовавшагося баталіоннаго комитета. Диречинъ передалъ мнѣ, что подъ руководствомъ членовъ комитета въ ротахъ идутъ сейчасъ выборы всеобщимъ голосованіемъ командира баталіона. — «То есть какъ выборы командира баталіона? Командиръ баталіона — полковникъ Алексѣевъ, а временно, за болѣзнью капитана Вальдена, я». — «Это извѣстно, но въ Петроградѣ Совѣтъ постановилъ, чтобы солдаты выбрали себѣ начальствующихъ и офицеровъ. Этотъ приказъ пришелъ и къ намъ и поэтому идутъ выборы, какъ и въ другихъ частяхъ гарнизона. Образовались ротные комитеты изъ стрѣлковъ по выбору самой роты и баталіонный комитетъ, куда каждая рота послала своихъ делегатовъ. Ротные комитеты дѣйствуютъ при ротныхъ командирахъ, а баталіонный — при командирѣ баталіона. Пока комитеты взяли въ свои руки охраненіе порядка и выборы начальниковъ, при чемъ сегодня будутъ происходить лишь выборы командира баталіона». Оказывается, выборы по-ротно уже начались и Диречинъ пришелъ меня предупредить, что выберутъ навѣрное меня, такъ какъ всѣ подають свои голоса за меня. Что выборы идутъ въ полномъ порядкѣ и никто изъ стрѣлковъ не отказывается отъ подачи голоса. Предсѣдателемъ баталіоннаго комитета былъ избранъ подпрапорщикъ Смолинъ.

Таково было положеніе около 4-хъ часовъ ночи. Что было дѣлать? Одно! лечь спать, утрѣмъ выпить чашу крѣпкаго чернаго кофе и... грести.

1-го марта, около девяти часовъ утра, весь баталіонъ, силою около двухъ тысячъ штыковъ, былъ выстроенъ на плацу. Около этого же часа пришелъ Диречинъ и сообщилъ мнѣ, что члены комитета сейчасъ придутъ за мной и за всѣми офицерами звать передъ баталіонъ, гдѣ намъ будетъ предложено, или присоединиться къ стрѣлкамъ, а значитъ и къ Исполнительному Комитету Государственной Думы, или оставить свои должности и ряды баталіона. Результаты выборовъ ему точно узнать не удалось, но по слухамъ выбрали меня.

Прежде чѣмъ итти на плацъ, я зашелъ къ Вальдену, но принять не былъ. Когда я вышелъ, то офицеры уже собрались на мостикѣ у шоссе. Подойдя къ офицерамъ, я сказалъ имъ, что, въ виду болѣзни капитана Валь-

дена, я, какъ старшій, вступилъ въ командованіе баталіономъ до возвращенія изъ Колпино командира баталіона полковника Алексѣева. Затѣмъ, объяснивъ создавшееся положеніе, я предложилъ имъ рѣшить сейчасъ же вопросъ о присоединеніи къ стрѣлкамъ въ смыслѣ поддержки Исполнительнаго Комитета Государственной Думы, чтобы явиться передъ баталіономъ уже съ готовымъ рѣшеніемъ. Всѣ офицеры мнѣ отвѣтили утвердительно и безъ промедленія. Думаю, что у нѣкоторыхъ утвердительный отвѣтъ былъ вынужденъ обстановкой. Я предложилъ офицерамъ слѣдовать за мной къ баталіону, чтобы упредить стрѣлковъ и не дать имъ возможности сдѣлать подобное предложеніе офицерамъ. Баталіонъ стрѣлковъ стоялъ «вольно», построенымъ на четыре фаса, въ порядкѣ и въ полной тишинѣ. При нашемъ приближеніи къ баталіону команда «смирно» подана не была. Ротные командиры и офицеры направились прямо къ своимъ ротамъ, я же вышелъ на середину баталіона и командовалъ «смирно». Баталіонъ команду принялъ. Тогда я объявилъ баталіону, что какъ старшій по службѣ, за отсутствіемъ командира баталіона и за болѣзнью капитана Вальдена, я вступилъ во временное командованіе баталіономъ и что г.г. офицеры вмѣстѣ со мною присоединяются къ Исполнительному Комитету Государственной Думы. Послѣ этого моего объявленія члены ротныхъ комитетовъ вышли изъ строя и подошли къ офицерамъ своихъ ротъ. Ко мнѣ подошелъ предсѣдатель баталіоннаго комитета подпрапорщикъ Смолинъ и сообщилъ мнѣ, что сейчасъ будетъ экстренное засѣданіе баталіоннаго комитета, о результатѣ котораго мнѣ будетъ немедленно доложено. На мой вопросъ, для чего будетъ это засѣданіе, Смолинъ отвѣтилъ, что произойдутъ выборы начальниковъ, и просилъ меня относительно предстоящаго засѣданія комитета ему больше вопросовъ не задавать. Я не настаивалъ. По моей командѣ баталіонъ по-ротно разошелся въ порядкѣ по своимъ помѣщеніямъ. Офицеры направились въ собраніе.

Долженъ сознаться, что я неясно разбирался въ томъ, что нарождалось съ такой молниеносной быстротой. А нарождалось то, что мнѣ и намъ всѣмъ, кадровымъ офицерамъ, было совершенно ново и чуждо. Чувствовалось, что что-то идетъ помимо насъ, а мы не знаемъ, какъ это что-то уловить, узнать, разгадать. Приходилось и приходится улавливать на лету суть происходящаго, но это трудно при той быстротѣ смѣны событій, ихъ нарастаніи и нашей неосвѣдомленности. По дорогѣ въ офицерское собраніе говорили о комитетахъ. Никто не отдавалъ себѣ яснаго отчета объ ихъ характерѣ и назначеніи. Пришли къ заключенію, что съ фактомъ учре-

жденія комитетовъ приходится согласиться, чувствуя себя безсильными бороться съ ними и имъ противостоять. Мы совершенно не знаемъ ни революціонеровъ, ни революціи. Намъ всегда толковали — армія внѣ политики. На самомъ дѣлѣ армія оказывается даже очень политична. Ея штыками крѣпла, росла и держалась монархія, ея же штыками она и разрушается. Вчера она была Императорская, сегодня она революціонная. Въ сегодняшнее утро мы почувствовали пропасть подъ ногами, въ которую начали падать неоспоримые устои прошлаго, пропасть, начавшую зиять между нами и стрѣлками; между барами и народомъ. Но, можетъ быть, есть возможность ее заполнить, перекинуть мостъ, проложить тропинку? Она должна быть. Ее надо отыскать.

Придя въ собраніе, сѣли завтракать, во время котораго пріѣхалъ изъ Колпино полковникъ Алексѣевъ. Онъ намъ сообщилъ, что въ Колпино тоже произошелъ переворотъ, что въ Петроградѣ всѣ министры арестованы и находятся въ Таврическомъ дворцѣ. Что Императоръ далъ отвѣтственное министерство подъ предсѣдательствомъ М. В. Родзянко. Мнѣ онъ приказалъ продолжать временно командовать баталіономъ, такъ какъ самъ послѣ Колпино настолько усталъ, что не въ состояніи сейчасъ вариться въ котлѣ политическихъ событій.

Во время завтрака меня вызвалъ Диречинъ и сообщилъ, что въ баталіонной канцеляріи засѣдаетъ баталіонный комитетъ, занятый въ данный моментъ выборами ротныхъ командировъ. Происходитъ подсчетъ голосовъ. Командиромъ баталіона единогласно выбранъ я. Сейчасъ объ этомъ будутъ мнѣ докладывать. Въ столовой офицеры встрѣтили меня вопрошающими взглядами, но никакихъ вопросовъ не задали. Я сѣлъ на свое мѣсто. Полковникъ Алексѣевъ взглянулъ на меня. Я ему сообщилъ, что мнѣ сказалъ Диречинъ. На мое сообщеніе онъ и офицеры промолчали.

Когда за столомъ снова начался незначашій разговоръ, мнѣ пришлось самому рѣшать новый роковой вопросъ: какъ отнестись къ этимъ выборамъ и къ своему въ частности? Принять или отказаться? Если отказаться, то не грозитъ ли это обостреніемъ, могущимъ имѣть чреватые послѣдствія? Не дастъ ли это поводъ агитаторамъ, натравить стрѣлковъ на офицеровъ, на ихъ избіеніе? Если начнутъ избивать насъ, то не упустятъ и семьи офицеровъ, находящихся на фронтѣ. Кромѣ того, выберутъ другого командира баталіона, но уже, конечно, не изъ среды кадровыхъ офицеровъ, а изъ среды говоруновъ и подстрекателей. Это недопустимо. Принимая должность изъ ихъ рукъ, по ихъ выбору, я все-таки сохраняю въ своихъ рукахъ законную

власть. Конечно, это сдѣлка съ совѣстью, но, думается, въ данный моментъ она необходима. Разъ я призналъ нужнымъ помочь Государственной Думѣ оттолкнуться отъ правительства, уже къ тому же арестованнаго, то волей-неволей приходится согласиться и съ тѣми сюрпризами, которые преподносятъ создавшееся положеніе. Признавъ комитеты, я призналъ ихъ функціи. Принялъ ихъ, какъ и другіе офицеры, даже не полюбопытствовавъ узнать, что они изъ себя представляютъ и отъ кого точно исходитъ ихъ учрежденіе. Да мы и не имѣли возможности это сдѣлать. Власть совершенно выпущена изъ рукъ, надо теперь пытаться снова ее захватить во что бы то ни стало. Случай предоставляется — надо имъ воспользоваться. Доводы за и противъ смѣнялись въ моемъ мозгу. Надо было рѣшать. И я рѣшилъ принимать должность, которую уже занималъ временно на законномъ основаніи. Но сумѣю ли я справиться съ этой должностью въ такое время? Хватитъ ли силъ, способности, умѣнья?

Черезъ полчаса пришли изъ комитета и попросили меня притти туда. Спросивъ у полковника Алексѣева разрѣшеніе покинуть столъ, я ушелъ въ комитетъ. При моемъ входѣ въ комнату засѣданія комитета была подана команда: «встать! смирно!» Всѣ встали. И въ полной тишинѣ председательствовавшій на этомъ засѣданіи комитета старшій писарь Пеленичко обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: — «Стрѣлки и всѣ прочіе воинскіе чины баталіона постановили и утвердили лозунгъ, съ которымъ они выступили противъ стараго правительства: **«Царь, новое правительство и война до полной побѣды»**. Отъ этого лозунга рѣшено не отступать и защищать его, покуда онъ не упрочится. Согласны ли вы на это?» Я отвѣтилъ утвердительно. — «Дальше, продолжалъ Пеленичко, баталіонъ произвелъ выборы командира баталіона, начальника хозяйственной части, адъютанта, ротныхъ командировъ и начальниковъ командъ прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ. Вы единогласно выбраны командиромъ баталіона. Согласны ли вы принять эту должность, принимая во вниманіе, что всѣ мы желаемъ сохранить присягу Государю Императору, а также, что на должность начальника хозяйственной части выбранъ капитанъ Вальденъ, на должность адъютанта — корнетъ Судзиловскій, то-есть тѣ же, которые были на этихъ должностяхъ до настоящихъ выборовъ?» — Я отвѣтилъ утвердительно. Въ отвѣтъ на это раздалось «ура». Предсѣдатель подошелъ ко мнѣ съ пздравленіемъ. Мы пожали другъ другу руки. — «Съ этого момента», продолжалъ Пеленичко, «вы являетесь нашимъ командиромъ баталіона. Ваши права не нарушаются, но мы, члены комитета, предлагаемъ

вамъ совѣтоваться съ нами, чтобы избѣжать нежелательныхъ эксцессовъ». — Такъ я вступилъ въ командованіе баталіономъ уже по волѣ стрѣлковъ.

Послѣ того, какъ Пеленичко мнѣ сообщилъ фамиліи выбранныхъ ротныхъ командировъ и начальниковъ командъ, я покинулъ комитетъ. Выбранные офицеры, приглашенные послѣ меня въ комитетъ, тоже согласились принять свои должности по выборамъ. Это было сдѣлано по ихъ собственному разумѣнію и рѣшенію. Съ моей стороны абсолютно никакого вліянія на нихъ оказано не было. Капитаны Агаповъ и Круглевскій ни на какую должность избраны не были. Въ столовой, по возвращеніи всѣхъ офицеровъ, разговоръ быстро стихъ, прекратился, и мы разошлись.

Въ этотъ же день, по примѣру прочихъ воинскихъ частей, отъ насъ въ Государственную Думу отправилась депутація изъ офицеровъ и стрѣлковъ. Въ составъ офицерской депутаціи отъ кадровыхъ вошли: я, капитанъ Никлаевъ и капитанъ Матвѣевъ. Пріѣхали въ Петроградъ около 3-хъ часовъ дня и пошли строемъ въ Таврической дворецъ. Городъ былъ украшенъ красными флагами. На улицахъ много публики и всѣ съ красными бантами. У женщинъ на шляпахъ тоже что-нибудь красное. Видъ города праздничный, но необычный для такихъ дней. По нашему адресу неслись привѣтствія. Впереди насъ шелъ студентъ съ бѣлой повязкой на лѣвомъ рукавѣ и двое штатскихъ. Для чего, не знаю. На одномъ изъ угловъ насъ остановили. Слышались пулеметныя очереди. Студентъ объяснилъ, что на одномъ чердакѣ былъ еще полицейскій постъ, который снимали. Стрѣльба прекратилась и насъ повели дальше. У Таврическаго дворца встрѣтили идущаго оттуда Шаляпина. Онъ шляпой слалъ намъ привѣтъ. Мы ему отвѣтили. У подъѣзда дворца огромная плотная толпа и кто-то, поднятый на руки, говорилъ рѣчь. Какъ я узналъ, это былъ членъ Думы Карауловъ. О чемъ онъ говорилъ, разобрать было невозможно. Около входа во дворецъ плотная линія защитныхъ черкесокъ Собственнаго Его Величества конвоя. Они были здѣсь, оказывается, уже раньше насъ. Изъ Царскосельскаго гарнизона мы пришли послѣдними.

Съ трудомъ пробрались въ Екатерининскій залъ. Все биткомъ набито самой разношерстной публикой. Къ намъ сейчасъ же вышелъ Родзянко и сказалъ короткую рѣчь съ призывомъ къ порядку, на которую отвѣтили «ура» и здравицей «первому гражданину Россіи». Узнавъ отъ меня лозунгъ, съ какимъ мы пришли, онъ замѣтно просіялъ лицомъ. Я пробрался въ комнату рядомъ съ той, въ которой засѣдалъ Исполнительный комитетъ Государственной Думы. Тутъ ко мнѣ подошелъ одинъ изъ членовъ Думы,

высокій, съ черной бородкой, изысканно одѣтый. Кто это былъ, мнѣ узнать не удалось. Онъ мнѣ сказалъ, что въ Государственной Думѣ опасались, какъ бы гарнизонъ Царскаго Села не выступилъ противъ, такъ какъ онъ долго молчалъ. Затѣмъ сообщилъ, что Императоръ Николай II вѣроятно будетъ принужденъ передать престолъ своему сыну Цесаревичу Алексѣю, за его малолѣтствомъ опекуней будетъ Императрица Александра Федоровна, а регентомъ — Великій Князь Михаилъ Александровичъ. Кончилъ однако тѣмъ, что сообщилъ о предполагаемомъ созывѣ Учредительнаго собранія. Когда же я ему высказалъ свое сомнѣніе въ благомъ послѣдствіи подобныхъ мѣръ, особенно во время войны, онъ мнѣ отвѣтилъ, что это диктуетъ настоящее положеніе и что иного выхода нѣтъ.

Въ это время въ разговоръ вмѣшался Милуковъ. Не думалъ, что онъ произведетъ на меня такое отталкивающее впечатлѣніе — хитрой, двуличной лисы. Бѣгающіе за стеклами pince-nez его глаза не внушали мнѣ никакого довѣрія. Хитро поглядывая то на меня, то по сторонамъ, онъ интересовался узнать у меня объ отношеніи стрѣлковъ къ Великому Князю Михаилу Александровичу. Я ему отвѣтилъ, что не понимаю его вопроса. Ежели Государь найдетъ нужнымъ передать престолъ другому, то нашъ долгъ служить новому Государю. На это Милуковъ ничего не отвѣтилъ, но, неприятно-хитро улыбнувшись и потрогавъ усь, отошелъ и ствелъ отъ меня незнакомаго члена Государственной Думы, говорившаго со мной. Завязавшійся съ послѣднимъ снова разговоръ оборвался.

Эта комната была хотя и не такъ набита народомъ, какъ вестибюль и залъ, но все же въ ней его было достаточно, чтобы внести сутолоку, безпорядокъ и сумятицу. А между тѣмъ она казалась дѣловой, судя по письменному столу, стоявшему по срединѣ ея, и по телефону на немъ, все время въ дѣйстви. Кто были эти люди, наполнявшіе эту комнату? Члены Государственной Думы? Исполнительнаго комитета? Просто пришлые, такъ какъ теперь сюда заходили всѣ, кому вздумается, какъ въ Народный домъ подь праздникъ или въ праздникъ? Что дѣлали эти люди? Сходились другъ съ другомъ, разговаривали, курили, отвѣчали по телефону.

Около письменнаго стола, на которомъ лежали въ безпорядкѣ бумаги, записки, какіе-то листы, исписанные карандашомъ и чернилами, стоялъ господинъ въ очкахъ, съ коротко стриженными сѣдыми волосами и бородой. Я слышалъ, какъ онъ раздраженно сказалъ въ телефонную трубку, что онъ съ утра не можетъ получить Александровскій дворецъ, а между тѣмъ ему крайне необходимо говорить съ Государыней. Какъ разъ въ это время,

грубо проталкиваясь, къ столу подошли матросъ и рабочій. Они безъ стѣсненія зарылись въ бумагахъ на столѣ и, не обращая никакого вниманія на энергичный протестъ сѣдого господина, взяли нужныя имъ бумаги и быстро ушли, унося ихъ. Господинъ беспомощно посмотрѣлъ имъ вслѣдъ поверхъ счковъ и сталъ снова вызывать Александровскій дворецъ. Потомъ, очевидно потерявъ надежду, повѣсилъ трубку. — «Какъ вы можете работать въ такомъ безпорядкѣ? И какъ вы смѣете!» — сказала я ему раздраженно. Онъ вскинулъ на меня удивленно глазами и, ничего мнѣ не отвѣтивъ, сталъ то ропливо собирать въ кучу бумаги. Но въ чужую душу не влѣзешь. Кто ихъ знаетъ, можетъ быть, «внутренно» они и очень работали.

Протиснулся въ Екатерининскій залъ. Сутолока, толчея, безтодочъ. Сновали рабочіе, студенты, какіе-то истомленные полупочтенные. Матросы съ безкозыркой на затылокъ, съ папироской въ зубахъ, заложивъ руки въ карманы, нагло поглядывали на толпу. Стрѣлки стояли вмѣстѣ. Офицеры тоже. Ждали депутата, который долженъ былъ говорить съ нами.

Нѣкоторые изъ выборныхъ гдѣ-то уже побывали и пришли сказать, что Керенскаго нѣтъ, а вмѣсто него выйдетъ Чхеидзе. Это еще кто такой? Оказывается, здѣсь образовался и дѣйствуетъ Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Онъ засѣдаетъ непрерывно въ думскомъ залѣ. Изъ ихъ среды то тамъ, то здѣсь говорили депутаты. Прислушавшись къ ихъ словамъ, я уловилъ, что они настроены противъ Исполнительнаго комитета и агитируютъ въ этомъ направленіи среди массы.

Пришелъ опять Родзянко. Въ это время, взобравшись на столъ, говорилъ какой-то худосочный полупочтенный, агитировавшій среди стрѣлковъ противъ Временнаго Правительства, уже образовавшагося. Рѣчь его была крайне возмутительна. Я невольно дернулъ за рукавъ Родзянко. Онъ понялъ и далъ мнѣ знакъ подождать до конца его рѣчи. Говорившій кончилъ и слѣзъ со стола. Его обняла за плечи прекрасно одѣтая интересная юная женщина. Она ласково вытерла кружевнымъ платочкомъ его потное лицо. Очень ужъ, значить, умурился онъ, бѣдняга, говоривши! Послѣ него Родзянко взгромоздился однимъ колѣномъ на столъ и сталъ говорить въ отвѣтъ на рѣчь худосочнаго. Его слушали молча и внимательно. Онъ кончилъ — закричали «ура!» Худосочному тоже кричали «ура». Послѣ Родзянко на столъ взобрался членъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и сталъ укорять Исполнительный комитетъ Государственной Думы въ томъ, что члены его выбрали въ правительство только однихъ капитали-

стовъ. На это Родзянко пояснилъ, что во Временномъ Правительствѣ есть и изъ ихъ среды, это Керенскій, который занялъ постъ министра юстиціи.

Стрѣлки растерянно глядѣли то на одного, то на другого и, видимо, ничего не понимали и не знали, кому вѣрить. На этотъ разъ «ура» не кричали. Депутатъ куда-то юркнулъ со стола и скрылся. Надо отдать справедливость, что его захудалая фигурка, хотя и поставленная высоко, на столъ, представляла изъ себя ничтожество рядомъ съ мощной фигурой М. В. Родзянко и было замѣтно, что Родзянко своей импозантностью перетягивалъ стрѣлковъ на свою сторону. Родзянко тоже сталъ пробираться къ выходу. Я пошелъ за нимъ и въ комнатѣ съ телефономъ спросилъ его: — «Что же это такое?!» — Онъ мнѣ спокойно отвѣтилъ: — «Не надо беспокоиться. Мы боремся съ этимъ учрежденіемъ успѣшно. Первое, что теперь необходимо, — порядокъ. Работайте въ этомъ направленіи».

Пробрался опять къ стрѣлкамъ. Черезъ толпу кто-то пробирался къ намъ. Справился: — Чхеидзе. Помогли ему взобраться на столъ. Рѣчь его была мерзкая рѣчь противъ Государя и офицеровъ. Восточнаго типа чело-вѣкъ съ выразительными жестами говорилъ о томъ, что раньше Государя въ соборѣ мазали муромъ на лбу, а теперь они Его помажутъ. И онъ сдѣлалъ рукой хамски выразительный жестъ по горлу. Раньше, говорилъ онъ, офицеры командовали солдатами, а теперь солдаты командуютъ офицерами. Взбѣшенный его словами, я запротестовалъ, но мой протестъ потонулъ въ шумѣ и крикѣ «ура». Чхеидзе изъ-подъ лобья покосился на меня и слѣзъ со стола. Когда послѣ его ухода нѣсколько притихло, я въ свою очередь сказалъ, что мы примкнули къ Государственной Думѣ для защиты свободы и порядка, поэтому мы будемъ защищать свободу и пойдемъ со штыками противъ насилія и безпорядка. Стрѣлки закричали «ура».

Это «ура» они кричали и Родзянко, и мнѣ, и полупочтенному и Чхеидзе. Они ровно ничего не понимали. Къ чему я-то вылѣзъ говорить! Но надо было хоть какъ-нибудь стусевать наглуую, погромную рѣчь Чхеидзе. Последний увелъ съ собой члена комитета стрѣлка Игнатова, очевидно ему уже извѣстнаго. Видѣлъ, что надо какъ можно скорѣе уводить стрѣлковъ изъ этого вертепа, Таврическаго дворца. Сталъ ихъ собирать, что сдѣлать было очень трудно, такъ какъ они успѣли замѣшаться въ толпѣ, среди которой было даже трудно повернуться. Наконецъ, кое-какъ собрались и выбрались изъ Таврическаго дворца. На вокзалъ шли строемъ и молча. Бывшій на одномъ изъ штыковъ красный флагъ куда-то исчезъ, но банты остались у нѣкоторыхъ.

Грустное и мерзкое впечатлѣніе осталось у меня отъ этого посѣщенія Государственной Думы. Ждалъ найти тамъ другое. Тяжелое предчувствіе зашевелилось во мнѣ, которое нѣсколько смягчилось надеждой на «Царскаго генерала». Надѣялся найти въ Государственной Думѣ что-то сильное, властное, государственное, а нашелъ безтолочь, науськиваніе на избіеніе офицеровъ, на анархію. вмѣсто ожидаемыхъ государственныхъ людей, которыми безъ всякой опаски могла бы быть вѣрена судьба Россіи и Династїи, я нашелъ толпу бунтовщиковъ и хамовъ, среди которыхъ элегантно бездѣйствовалъ незнакомый думець-брюнетъ, отталкивающе юлилъ Милюковъ и одиноко двигалась могучая фигура русскаго барина М. В. Родзянко. Грустное, гнетущее впечатлѣніе! Трудно даже записывать. Неужели я ошибся? Неужели ошиблись всѣ тѣ, кто примкнулъ къ Государственной Думѣ? Неужели это начало анархїи? Быть можетъ и тѣмъ болѣе правъ Родзянко. Надо прежде всего возстановить порядокъ, чтобы дать возможность работать Временному Правительству. Государь не будетъ бездѣйствовать. Около него есть же люди съ государственнымъ умомъ, энергіей и волей. Государь уже далъ новое отвѣтственное министерство и отправилъ генераль-адъютанта Иванова водворить порядокъ. Надо ждать его прїѣзда. Онъ долженъ быть этою ночью, самое позднее утромъ. Но уже скоро пять утра. Значить утромъ.

2-го марта.

Минувшую ночь не спалъ всю напролетъ. Часто выходилъ на шоссе. Тамъ у костра мой постъ, куда приходятъ патрули и присылаютъ вѣсти съ обоихъ вокзаловъ. Одинъ разъ ко мнѣ въ комнату донесся съ шоссе сильный шумъ. Прервалъ запись и выбѣжалъ на шоссе. Ничего особеннаго. Шумѣли патрули, вернувшіеся съ обхода и возившіеся, чтобы согрѣться. Столько было хорошаго, простодушнаго веселья въ этой ихъ вознѣ, что я узналъ въ нихъ нашихъ старыхъ стрѣлковъ. Опросилъ дозорныхъ. У Александровскаго дворца все тихо. Стрѣлки, часовые 1-го баталїона говорили нашимъ, что обидѣтъ Царскую Семью не дадутъ и въ случаѣ чего дадутъ знать намъ. Мои дозорные мало имъ вѣрятъ. — «Кто ихъ знаетъ, ваше высокоблагородіе». — «Сами смотрите въ оба», сказалъ я дозорнымъ. — «А вотъ въ ротяхъ толкуютъ, что будто больше не будемъ называться — «ваше выскоблагородіе», а просто, значить, по чину, сказалъ вдругъ

одинъ изъ постовыхъ стрѣлковъ. — «Кто толкуеть?» спросилъ другой. — «Да въ ротѣхъ такъ промежь себя разговариваютъ». — «Брехня это! Генераль-то отъ Царя уже ѣдетъ съ кавалерами (георгіевскими). Должно къ утру здѣсь будетъ». — «Тогда оно конечно все, значить, въ порядокъ на правимъ. Волю добыли, нѣмца побьемъ, а тамъ, значить, Государь Императоръ нашъ самолично и землицы шарѣжетъ отъ богача-то, кому сколько слѣдуетъ».

Въ это время съ Царскосельской станціи пришелъ ефрейторъ Калюжный и сообщилъ, что генераль Ивановъ дѣйствительно ѣдетъ, но гдѣ находится въ настоящій моментъ, узнать не смогъ. Будто недалеко. — «Въ 4-мъ баталіонѣ», говорилъ Калюжный, «тоже есть люди, которые его ожидаютъ и говорятъ, будто, сотни съ двѣ ихъ будетъ, а можетъ и больше».

Слѣдомъ за нимъ пріѣхалъ на извозчикѣ фельдфебель Павловъ и сообщилъ, что генераль Ивановъ съ эшелономъ въ Сиверино, но дальше пока не двигается. Затѣмъ добавилъ, что на станціи больше дежурить не позволяютъ прапорщики 1-го баталіона и относятся очень подозрительно. На телефонъ совсѣмъ не пускаютъ и разговаривать съ желѣзнодорожными служащими не даютъ. Особенно — новый командиръ баталіона, штабсъ-капитанъ Аксюта. Впредь онъ, Павловъ, будетъ находиться около вокзала и добывать свѣдѣнія. Былъ въ запасномъ баталіонѣ стрѣлковъ Императорской Фамиліи. Тамъ полный порядокъ. Относительно задержки генерала Иванова въ Сиверино точно узнать не смогъ. Какая-то заминка. Ни то путь разобранъ, ни то желѣзнодорожники дальше везти отказались.

Извѣстіе непріятное. Дорога каждая минута, тѣмъ болѣе, что во многихъ стрѣлкахъ крѣпко сидитъ думка о «Царскомъ генералѣ». Съ нимъ у нихъ связаны порядокъ, быстрое окончаніе войны и надѣлъ землей. Ну, а у меня что связано съ нимъ? — Отвѣтственное министерство дано; осталось водворить какъ можно скорѣе порядокъ, дабы предотвратить надвигающуюся анархію.

Чась дня. До полудня генераль Ивановъ не пріѣхалъ. Новыхъ свѣдѣній о немъ никакихъ. На станцію Александровскую прибываетъ Бородинскій пѣхотный полкъ. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ прислалъ изъ Петрограда агитаторовъ. Среди нихъ наши: фельдфебель учебной команды, подпрапорщикъ Ефимовъ и стрѣлокъ Игнатовъ.

Утро было очень безпокойное. Нѣкоторые офицеры вели себя рискованно и говорили даже вслухъ при стрѣлкахъ, что когда пріѣдетъ генераль Ивановъ, то начнутъ разстрѣливать безъ суда черезъ четьроехъ пятого.

Этимъ дали агитаторамъ поводъ къ науськиванію на избіеніе кадровыхъ офицеровъ. Положеніе стало крайне тревожное. Особенно агитировали прапорщики Рацуль и Глушинскій, фельдфебель Ефимовъ и стрѣлокъ Игнатовъ. Комитетъ приложилъ невѣроятныя усилія, чтобы не допустить кровавой расправы. Приказалъ этимъ офицерамъ не выходить изъ дому или же съ первымъ поѣздомъ уѣхать въ Петроградъ.

Три часа ночи. Надежды на пріѣздъ генерала Иванова рухнули. Онъ ничего не сдѣлалъ. Сегодня въ городской ратушѣ было засѣданіе гарнизоннаго комитета, на которое я пріѣхалъ съ большимъ опозданіемъ изъ-за тревожнаго положенія въ баталіонѣ. Узналъ тамъ, что эшелонъ генерала Иванова остановился въ Сиверино и дальше не двинулся. Онъ распропагандированъ. Самъ Ивановъ, будто, пріѣзжалъ въ Царское одинъ повидать Императрицу. Выборный командиръ 1-го баталіона, штабсъ-капитанъ Аксюта, показывалъ телеграмму, будто бы отправленную Государемъ генералу Иванову и имъ, Аксютой, перехваченную. Видѣлъ эту телеграмму только издали, такъ какъ Аксюта почему-то увиливалъ дать ее мнѣ въ руки и даже прочитать. Телеграмма эта до генерала Иванова не дошла. Трудно было разобрать, въ чемъ дѣло. Невѣроятная безтолочь съ замѣтнымъ душкомъ провокаціи. Ясно было только то, что противъ генерала Иванова былъ двинуть 1-й баталіонъ, какъ революціонно надежный, и ликвидировать генерала Иванова было поручено Аксютѣ, старому революціонеру еще съ 1905 года.

До конца засѣданія гарнизонскаго комитета пробыть не удалось. Вызвали спѣшно въ баталіонъ изъ-за тревожнаго положенія. Въ ратушѣ же было объявлено, что движеніе генерала Иванова ликвидировано.

Перо падаетъ изъ рукъ записывать это. Вѣдь «Царскій генералъ» не пріѣхалъ! Нѣтъ, онъ пріѣхалъ, но не привезъ «Царскаго приказа» и сдался. Среди ожидавшихъ его полное уныніе, недовольство и даже отчаяніе. Подорвана вѣра въ него, а можетъ быть, и въ самого Государя. Крайне лѣвые элементы подняли голову. Что же дальше?!

3-го марта, 11 часовъ вечера.

Государь отрекся отъ престола! Великій Князь Михаилъ Александровичъ отказался вступить на него! Какой кошмаръ! Свершилось непоправимое! Но нельзя падать духомъ, терять голову. Надо быть на посту и работать до послѣдняго. Ежели уже нѣтъ Царя, то есть Россія, Родина.

Сегодня вечеромъ говорилъ съ председателемъ баталіоннаго комитета подпрапорщикомъ Смолинымъ. Онъ самъ пришелъ и просилъ переговорить со мной. Говорили въ канцеляріи, въ моемъ рабочемъ кабинетѣ съ глазу на глазъ. Онъ мнѣ сказалъ, что учрежденіе комитетовъ вызвано необходимостью успокоить стрѣлковъ и не допустить кровавыхъ эксцессовъ. Если все прошло безъ кровопролитія, то только благодаря сверхчеловѣческимъ усиліямъ комитетовъ. По его словамъ, комитетъ — учрежденіе временное, нужное только въ настоящіе острые дни. Когда же все наладится, то они или исчезнутъ сами собой или будутъ мало-по-малу упразднены. Теперь же безъ нихъ невысказано обойтись. Мысль объ этихъ комитетахъ зародилась въ Совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, одобрена и утверждена самимъ Гучковымъ, военнымъ министромъ.

Офицеры потеряли совершенно власть и ее надо возстановить, чему мѣшаютъ сами офицеры, удалившись отъ дѣятельности. Нѣкоторые даже сильно вредятъ, и было бы очень желательнымъ и даже необходимымъ удалить ихъ изъ баталіона, хотя бы на это острое время. Онъ указалъ на капитановъ Агапова и Круглевскаго.

Минувшею ночью, по его словамъ, пріѣзжалъ, будто, верховой съ приказаніемъ или съ чѣмъ-то другимъ. Въ общемъ, съ пакетомъ и искалъ командира баталіона, при чемъ называлъ мою фамилію. Я ему отвѣтилъ, что объ этомъ въ первый разъ слышу; верхового я не видѣлъ и никакого пакета не получалъ. Смолинъ очень недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня и началъ настаивать на томъ, что верховой былъ и пакетъ я получилъ, но умышленно скрываю. На это я ему рѣзко повторилъ свои первыя слова. Смолинъ осѣкся, пересталъ настаивать, но продолжалъ молча съ нескрываемымъ недовѣріемъ смотрѣть на меня.

Потомъ, черезъ нѣкоторое время молчанія, онъ сказалъ, что на квартирѣ у подпоручика Коняева капитаны Агаповъ и Круглевскій, уславъ денщиковъ и запершись на ключъ, о чемъ-то совѣщались. Приходившимъ людямъ и стучавшимъ въ дверь они не отвѣчали, несмотря на то, что въ квартирѣ былъ свѣтъ и черезъ дверь были слышны шаги. Если я не получилъ пакета, то значить онъ перехваченъ ими. Это обстоятельство дало поводъ провокаторамъ взбудоражить стрѣлковъ, и членамъ комитета пришлось приложить большія усилія не допустить стрѣлковъ силою ворваться въ квартиру, послѣ чего, конечно, послѣдовалъ бы погромъ всѣхъ квартиръ. На это я ему сказалъ, что удивленъ тому, что онъ, Смолинъ, не догадался сейчасъ же по пріѣздѣ верхового сообщить мнѣ объ этомъ или справиться тогда же у

меня, въ чемъ дѣло. Это для меня непонятно и я предполагаю здѣсь просто провокацію. То же, что Агаповъ и Круглевскій были вмѣстѣ и совѣщались, для меня вполне понятно, такъ какъ они сами прекрасно видятъ озлобленность стрѣлковъ противъ нихъ и поэтому просто-на-просто совѣщались о своей собственной участи. Что они не открывали дверь, тоже понятно. Была уже поздняя ночь и зная, что къ нимъ некому и незачѣмъ обращаться, да еще въ такой поздней часъ, просто предполагали насиліе. Никакого заговора у нихъ, конечно, не было и все это ничто иное, какъ умышленное провокаторство, исходящее отъ Рацула, Глушинскаго и Ефимова, или отъ нихъ троихъ вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, положеніе капитановъ Агапова и Круглевскаго въ баталіонѣ настолько рискованно, какъ для нихъ самихъ, такъ и изъ-за нихъ для другихъ, что я имъ завтра же утромъ предпишу отправиться немедленно въ распоряженіе начальника штаба округа.

Смолинъ съ этимъ согласился, но попросилъ меня дать имъ предписание послѣ обѣда, поясняя, что стрѣлки могутъ подумать, что провокаторы говорили правду о заговорѣ, разъ ихъ такъ спѣшно отправили. Нужно, чтобы стрѣлки ихъ утромъ видѣли, а послѣ обѣда они уѣдутъ. Тогда я его спросилъ, ручается ли онъ и комитетъ, что надъ ними не будетъ произведено насиліе, благодаря провокаціи. Смолинъ поручился и прибавилъ, что онъ и комитетъ именно этого-то и опасаются и рассчитываютъ за утро принять всѣ необходимыя мѣры для ихъ безопасности. Капитанъ Агаповъ же, по его словамъ, видимо не понимаетъ своего рискованнаго положенія, такъ какъ неосторожно разговариваетъ на улицѣ съ офицерами и даже кое съ кѣмъ изъ взводныхъ.

Послѣдующій нашъ разговоръ касался улучшенія пищи, обмундирования и упорядоченія помѣщеній. Разговоръ со Смолинымъ мнѣ былъ очень кстати. Конечно, Смолинъ, зондировалъ меня, но и я въ свою очередь зондировалъ намѣренія и характеръ президіума, комитета и самого Смолина, а также и настроеніе стрѣлковъ въ нѣкоторомъ отношеніи. Выяснилъ затаенную мысль заправилъ комитета осѣдлать меня и далъ понять Смолину, что это имъ не удастся и что они, комитетчики, дальше предоставленныхъ имъ правъ ни на что рассчитывать не могутъ. Видѣлъ по лицу Смолина, что угадалъ ихъ мысль и намѣренія, и что Смолину не совсѣмъ пришелся по душѣ мой отпоръ. Улучшивъ матеріальное положеніе стрѣлковъ, я надѣюсь перетянуть ихъ на свою сторону и быть болѣе сильнымъ въ

борьбѣ съ комитетскими заправками, которые, видимо, опредѣленно рѣшили меня провоцировать.

Запишу вкратцѣ, по разсказу очевидца унтеръ-офицера, то, что произошло въ г. Царское Село въ ночь съ 28-го февраля на 1-е марта. Нашъ баталіонъ пошелъ къ 4-му, соединился съ нимъ и вмѣстѣ пошли къ тюремѣ выпускать политическихъ. Таковыхъ въ тюрьмѣ не оказалось. Тогда, подбитые провокаторами, они силою выпустили тѣхъ оставшихся уголовныхъ, которыхъ почему-то не выпустилъ тяжелый артиллерійскій дивизионъ. Уголовщики немедленно примкнули къ уже выпущеннымъ и вмѣстѣ со стрѣлками 1-го и 3-го баталіоновъ разбили винный погребъ на Стессельской улицѣ, перепились, открыли беспорядочную стрѣльбу и стали грабить магазины. Къ нимъ примкнули солдаты тяжелого артиллерійскаго дивизиона. Нашъ и 4-й баталіоны, пройдя по городу съ музыкой, вернулись по частямъ домой въ казармы и въ грабежахъ участія не приняли! Теперь сами же стрѣлки старательно вылавливаютъ уголовныхъ. Но не такъ легко ихъ выловить, какъ выпустить.

6-го марта.

Совершенно не было ни минуты времени сѣсть за перо, а записать нужно очень много. Запишу вкратцѣ. Капитановъ Агапова и Круглевскаго, а также 3-хъ прапорщиковъ военнаго времени отправили въ распоряженіе начальника штаба округа. Ихъ отправили, такъ какъ Рацуль и Глушинскій настолько возбудили стрѣлковъ противъ нихъ, что пришлось принять очень нежелательную мѣру: вывести ихъ изъ расположенія баталіона подъ усиленнымъ конвоемъ, дабы уберечь ихъ отъ насилія. Картина была крайне тяжелая. Слава Богу они миновали массу стрѣлковъ благополучно.

Генераль Корниловъ назначенъ Главнокомандующимъ нашего округа. Предвѣстникъ конца безвластія, сумбура, распушенности и провокаціи. Былъ вмѣстѣ съ Гучковымъ, военнымъ министромъ, и генераломъ Корниловымъ въ городской ратушѣ, куда собрались всѣ комитеты. Гучковъ сказалъ безцвѣтное слово. Генераль Корниловъ, рубя по солдатски, сказалъ очень коротко, но ясно и твердо; чувствуется власть. Общимъ устроили оваціи.

Керенскій въ большой популярности. Онъ можетъ сдѣлать очень много, но не думаю, чтобы былъ способенъ. Отрывистъ, суетливъ и какъ-то по-женски нервень. Не смотритъ прямо въ глаза. Впечатлѣніе, что у

него есть какая-то задняя мысль, которую онъ всячески скрываетъ. И вѣрю, и не вѣрю ему. Не изъ жидковъ ли онъ? Что-то пахиваетъ.

Взялся за перо и нѣтъ силъ писать. Чувствую потребность въ отдыхѣ. Эти нѣсколько дней дикихъ переживаній, непосильной работы и состоянія постоянного на чеку меня все-таки утомили. Оставляю на сегодня запись.

7-го марта.

Генераль Корниловъ вызываетъ сегодня къ себѣ въ штабъ округа къ пяти часамъ дня.

Въ виду того, что нашъ баталіонъ не оказался на «революціонной высотѣ», въ Совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ нашли необходимымъ усилить пропаганду среди стрѣлковъ. Значить одна линія борьбы усиливается. Появился патентованный провокаторъ — фельдфебель учебной команды Ефимовъ. Голосъ какъ изъ бочки, хамской наглости хоть отбавляй и «цѣль оправдываетъ средства» — на полномъ ходу. Цѣль его — революціонная карьера. Въ общемъ, поддонокъ, всѣми мѣрами карабкающійся въ «дѣятели». Меня съ нимъ ставитъ въ тупикъ то обстоятельство, что его почему-то сильно выдвигаетъ Керенскій. Нѣтъ ли у нихъ въ натурѣ этого общаго, чего-то подленькаго. Ефимовъ пролѣзаетъ всюду, даже тамъ, гдѣ ему нѣтъ никакого дѣла, выискиваетъ что-нибудь, умышленно искажаетъ, перевираетъ и провокаторски подноситъ комитету несуществующее или неузнаваемо искаженное. Главнымъ образомъ провоцируетъ кадровыхъ офицеровъ и въ первую очередь меня. Пока скандально срывается на мнѣ, но надо держать ухо востро. Онъ видимо рѣшилъ итти напрапалую, имѣя явно въ этомъ отношеніи поддержку «свыше», отъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, а можетъ быть и отъ самого Керенскаго. Можетъ быть даже и инструкции отъ того или другого.

Удалить Ефимова, Рацула и Глушинскаго изъ баталіона не удастся, такъ какъ за нихъ горой — Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ Петроградѣ. Пытался сдѣлать это черезъ начальника штаба округа — не удалось. Когда же объ изъятіи ихъ изъ баталіона я обратился къ помощнику Главнокомандующаго штабсъ-капитану Козьмину и даже требовалъ этого, то послѣдній въ отвѣтъ только промолчалъ. Сегодня доложу генералу Корнилову. Онъ конечно сдѣлаетъ, а, если и онъ будетъ безсиленъ, тогда...

Былъ у генерала Корнилова. Завтра онъ смотритъ баталіонъ.

Н. А. Артабалевскій.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.

Воспоминанія полковника л. гв. 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка Н. И. Де-Липпе-Липскаго.

Великая война 1914—1915 годовъ.

Начало войны застало меня юнкеромъ Александровскаго военнаго училища, куда я поступилъ по окончаніи Ярославскаго кадетскаго корпуса. Занятія въ училищѣ, въ виду войны, шли ускореннымъ и усиленнымъ темпомъ. Многіе общеобразовательные предметы были исключены изъ программы, но зато было обращено большее вниманіе на строй и тактическія занятія.

Переходъ мой на старшій курсъ и производство въ старшіе портупей-юнкера съ назначеніемъ училищнымъ знаменщикомъ совпало съ пріѣздомъ въ Москву Государя Императора. Караулы въ Кремлѣ несло наше училище и я съ полуротой роты Его Величества относилъ знамя въ Кремль на все время пребыванія Его Величества въ Москвѣ. Послѣ относа знамени въ кабинетъ Его Величества въ Кремлѣ я былъ осчастливленъ милостивымъ разговоромъ съ Государемъ Императоромъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ выяснилось, что наше производство въ офицеры состоится 1-го декабря 1914 г. Время летѣло быстро и незамѣтно приближался декабрь. Мной, какъ и другими юнкерами, собиравшимися выходить въ Гвардію, былъ поданъ рапортъ съ ходатайствомъ о выпускѣ меня л. гв. во 2-й стрѣлковый Царскосельскій полкъ, въ которомъ уже служилъ мой старшій братъ Евгений.

Приближался день производства, но увы изъ полка не было отвѣта на мой рапортъ. Въ спискахъ старшинства юнкеровъ я стоялъ на 3-мъ мѣстѣ, со среднимъ балломъ 11,75. Обычная привилегія фельдфебеля занимать первыя мѣста, независимо отъ средняго балла, на этотъ разъ была отмѣне-

на. При разборкѣ вакансій я подошелъ въ свою очередь къ столу съ начальствующими лицами и на вопросъ объ избранномъ мною полкѣ доложилъ, что мною былъ поданъ рапортъ о желаніи выйти въ Гвардію. Училищный адъютантъ, штабсъ-капитанъ Александровъ суетливо закопошился въ карманахъ кителя и передалъ начальнику училища генераль-лейтенанту Геништа только что полученную телеграмму о принятіи меня и юнкера Степанова л. гв. во 2-й стрѣлковый Царскосельскій полкъ.

Наконецъ, пришло и первое декабря. Прочитали приказъ о производствѣ, пропѣли «Боже Царя Храни», крикнули , громогласное ура и выслушали рѣчь и поздравленія училищнаго начальства. Въ спальняхъ переодѣлись въ офицерскую форму — скромную форму военного времени.

Наше производство не сопровождалось шумомъ и кутежами, обычными и неизмѣнными спутниками этого момента. Состоялся лишь скромный ужинъ въ ресторанѣ «Прага» среди своихъ однокашниковъ по кадетскому корпусу, послѣ котораго всѣ мы быстро разъѣхались въ краткій 7-дневный отпускъ. Проведши его у матери въ Великихъ Лукахъ, я вскорѣ прибылъ въ только что переименованный Петроградъ, гдѣ явился командиру 2-го Гвардейскаго Стрѣлковаго запаснаго баталіона полковнику Вишнякову, л. гв. 3-го стрѣлковаго Его Величества полка. Одновременно со мною прибыли въ баталіонъ изъ Александровскаго в. училища — В. П. Степановъ, изъ Павловскаго в. училища — Г. А. Серебренниковъ.

Получилъ назначеніе въ 3-ю роту баталіона, размѣщавшуюся въ Петропавловской крѣпости. Ротой командовалъ капитанъ Бекъ, л. гв. 3-го стр. Е. В. полка. Старыхъ офицеровъ нашего полка въ баталіонѣ никого не было. Первое впечатлѣніе отъ баталіона была неважное: народу въ казармахъ тѣма, спали на нарахъ въ четыре яруса; въ двухъ ротахъ, расположенныхъ въ крѣпости, было болѣе 5000 стрѣлковъ, что крайне затрудняло веденіе занятій изъ-за слишкомъ малой площади крѣпости на такое количество людей. Рѣзкій контрастъ представляли изъ себя немногочисленные старые стрѣлки, поступавшіе въ баталіонъ по выздоровленіи отъ ранъ, въ сравненіи съ тѣми, которыхъ мнѣ приходилось обучать. Первые — молодые, рослые, хорошо подтянутые и дисциплинированные, вторые — какіе-то 40—45-лѣтніе малорослые мужички, обросшіе рѣденькими бородками и въ большинствѣ случаевъ даже неграмотные. Все это были ратники 2-го разряда, присланные гуртомъ отъ Новгородскаго уѣзднаго воинскаго начальника.

Въ началѣ 1915 г. послѣ выздоровленія отъ ранъ прибыли въ запасный

баталіонъ подпоручикъ Козелло, мой братъ Евгеній и рядъ старыхъ стрѣлковъ, что значительно подняло успѣшность обученія ратниковъ.

Въ началѣ марта была назначена отправка пополненія въ дѣйствующій полкъ. Изъ наличныхъ офицеровъ жребій ъхать выпалъ на меня, и съ 500 стрѣлками маршевой роты я въ началѣ марта погрузился въ эшелонъ на Варшавскомъ вокзалѣ. Медленно потянулся нашъ эшелонъ, все приближаясь къ фронту. Выгрузившись у станціи «Червонный Боръ», мы двинулись походнымъ порядкомъ черезъ г. Ломжу въ деревню Ломжицу, гдѣ былъ расположенъ обозъ 2-го разряда полка. Въ ближайшіе дни часть стрѣлковъ эшелона поступила на пополненіе полка, а человекъ 200—250 съ присланнымъ изъ ротъ унтеръ-офицерскимъ кадромъ составили запасную роту подъ командой поручика Кованько; младшими офицерами роты были назначены я и прапорщикъ Бауеръ.

Въ одинъ изъ моментовъ нахождения полка въ резервѣ, въ районѣ деревни Купнино, я поѣхалъ представиться офицерамъ полка. Въ полку меня задержали на нѣсколько дней, чтобы дать мнѣ возможность побывать въ окопахъ и ознакомиться съ позиціонной службой и жизнью полка. Всѣ эти дни я провелъ при командирѣ 1-го баталіона, полковникѣ Стессель. Сидѣли въ «пивницѣ», особенномъ каменномъ погребѣ для картофеля, устроившись тамъ съ довольно большимъ комфортомъ. Скуку сидѣнія въ «пивницѣ» разнообразилъ своимъ присутствіемъ вѣчно веселый и шумный подпоручикъ Андреевъ.

Въ концѣ апрѣля запасная рота влилась въ полкъ и я былъ назначенъ младшимъ офицеромъ въ 5-ю роту, къ поручику Сергѣю Ивановичу Залѣсскому.

Изъ подъ Ломжи полкъ вскорѣ перешелъ походнымъ порядкомъ въ Бѣлостокъ, гдѣ погрузился въ эшелонъ и былъ переброшенъ къ Холму. Въ районѣ Холма простояли нѣкоторое время въ резервѣ, гдѣ полкъ велъ усиленные строевыя и тактическія занятія. Особенно хорошо запомнилось ночное полковое ученіе съ прожекторами, на которомъ полкъ выказала прекрасную подготовку. Подъ Холмомъ прибыло изъ запаснаго баталіона пополненіе, которое привелъ мой братъ, подпоручикъ Евгеній Де-Липпе-Липскій. Все молодежь — 20-21 года, здоровые, отлично обмундированные и обученные.

Наступилъ моментъ моего настоящаго боевого крещенія. Части Гвардіи, входившія въ составъ III-й арміи, получили приказъ о наступленіи на г. Красноставъ. Наступленіе развивалось успѣшно, шли бои въ пред-

мѣсть города, гдѣ ихъ вели части 1-й и 2-й Гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій. Боевой участокъ Гвардейской стрѣлковой бригады былъ на лѣвомъ флангѣ атакующихъ войскъ Гвардіи. Нашъ полкъ, находившійся въ резервѣ бригады, получилъ, въ концѣ дня 5-го іюля, приказаніе смѣнить на позиціи, лѣвѣ насъ, разстроенныя части 18-й пѣх. дивизіи XIV корпуса. Едва ночью закончилась смѣна, какъ получили новое приказаніе — отходить на заранѣе подготовленную позицію у д. Сѣнница-Королевская.

5-я рота слѣдовала въ аррьергардѣ полка. Отходъ совершили съ небольшой ружейной перестрѣлкой, которую вели съ слѣдовавшими за нами нѣмецкими пѣшими развѣдчиками. Пройдя версты 2—3, неожиданно увидѣли расположенную въ сторонѣ отъ дороги, мирно спавшую легкую армейскую батарею. Задержались, чтобы дать батареѣ уйти. Пройдя еще нѣсколько верствъ, наткнулись на дорогѣ на застрявшее и брошенное тяжелое крѣпостное орудіе, а рядомъ съ нимъ тракторъ, который его везъ. Теперь въ моментъ усиленнаго увлеченія механизацией этотъ и подобныя случаи невольно вспоминаются, особенно въ связи съ нашими русскими дорогами. Часовъ около 9 утра прошли долину съ расположенной въ ней д. Сѣнница-Королевская и, поднявшись на ея сѣверный скатъ, стали располагаться на позиціи. 5-я рота заняла окопы второй линіи въ опушкѣ лѣса, въ затылокъ лѣвому флангу 4-й роты.

Не входя въ подробное описаніе *) боя, постараюсь возстановить отдѣльные моменты боя, хорошо сохранившіеся въ моей памяти. Первое воспоминаніе связано съ грудой тяжелыхъ 8-дюймовыхъ снарядовъ, въ нѣсколько сотъ штукъ, брошенныхъ въ 50—60 шагахъ предъ окопами роты. Эти снаряды въ случаѣ прямого попаданія въ нихъ нѣмецкаго артиллерійскаго снаряда представляли для роты серьезную угрозу, тѣмъ болѣе, что къ рытью окоповъ рота только-что приступила. Послѣ повторныхъ телеграфныхъ разговоровъ прибыли повозки артиллерійскаго парка, кои въ два-три приѣма освободили насъ отъ этого неприятнаго сосѣдства.

Къ полудню 7-го іюля нѣмецкій артиллерійскій огонь достигъ большой силы, особенно на участкахъ роты Его Высочества и 4-й. Несмотря на это, 5-я рота усиленно рыла окопы, строила козырьки и убѣжища; въ ротѣ уже были потери отъ артиллерійскаго огня противника. Послѣ полудня огонь достигъ своего высшаго напряженія, стоялъ сплошной ревъ и грохотъ отъ

*) Подробное описаніе боя подъ Сѣнницей-Королевской смотри въ книгѣ Э. А. Верцинскаго, «Изъ Мировой войны», изд. 1931 г. (ред.).

разрывовъ. На участкѣ роты я лично насчиталъ отъ 40 до 50 разрывовъ тяжелыхъ и легкихъ снарядовъ. Правый флангъ роты Его Высочества, хорошо видимый съ нашего участка, буквально кипѣлъ отъ сплошныхъ разрывовъ.

Тяжелое впечатлѣніе производила наша артиллерія, которая изъ-за кризиса въ доставкѣ снарядовъ должна была беречь патроны и на бѣшеный огонь нѣмцевъ могла отвѣчать лишь рѣдкими выстрѣлами.

Въ моментъ сплошного артиллерійскаго огня нѣмцевъ передали изъ сосѣдней 6-й роты приказаніе командира 2-го баталіона выслать изъ 5-й роты поддержку въ распоряженіе командира 8 роты поручика Круглевскаго. Не имѣя возможности изъ-за порванной связи провѣрить это распоряженіе, командиръ роты приказалъ мнѣ съ полуротой бѣжать на лѣвый флангъ полка, гдѣ занимала окопы 8 рота. Вывелъ полуроту изъ окоповъ шаговъ на 80—100 назадъ и разомкнутымъ строемъ мы понеслись во весь духъ по лѣсу вдоль окоповъ 6 и 7 ротъ. Здѣсь также шель сплошной вой и грохотъ отъ разрывовъ. Обернулся назадъ и увидѣлъ двухъ-трехъ лежащихъ убитыхъ стрѣлковъ моей полуроты и нѣсколько отсталыхъ раненыхъ. Добѣжавъ до 8 роты, я направился къ блиндажу командира роты. Поручикъ Круглевскій былъ крайне удивленъ нашимъ появленіемъ, такъ какъ у него все обстояло благополучно. Отдохнувъ, не торопясь возвратились назадъ по окопамъ 2-го баталіона. Оказалось, командиръ баталіона т кого распоряженія не отдавалъ и все было вызвано чѣмъ-то возбужденіемъ въ крикомъ изъ 7 роты.

По возвращеніи мнѣ вскорѣ пришлось, по распоряженію командира роты, организовать подачу патроновъ въ 4 роту, гдѣ въ нихъ оказался острый недостатокъ. Стрѣлки, относившіе патроны, рассказывали о смѣлости и храбрости пулеметнаго старшаго унтеръ-офицера Тыреника, который, будучи съ пулеметомъ въ 4 ротѣ, своимъ огнемъ буквально косилъ нѣмецкія цѣпи, а въ моменты отсутствія патроновъ и вынужденнаго молчанія пулемета, вылѣзалъ на брустверь, швырялъ въ нѣмцевъ пустыя цинковыя коробки изъ подъ патроновъ, сопровождая это отборной бранью.

Ночью, по приказу свѣше, 5-й ротѣ было поручено достать языка. Для выполненія этого я съ однимъ взводомъ поползъ съ участка 4-й роты по несжатому полю къ нѣмецкимъ окопамъ съ цѣлью захватить секретъ, замѣченный влѣво отъ дороги, идущей отъ дер. Свинница-Королевская въ нашу сторону. Въ началѣ все шло благополучно. Подползли настолько близко, что ясно слышна была въ окопахъ нѣмецкая рѣчь и лязгъ ихъ котел-

ковъ. Видимо, шла раздача ужина. Остановилъ ползущій взводъ и самъ съ пятью стрѣлками поползъ дальше къ секрету. На разстояніи 30—40 шаговъ насъ обнаружили и два нѣмца изъ секрета, поднявшись во весь ростъ, со страшнымъ топотомъ въ ночной тишинѣ, понеслись къ своимъ окопамъ. Изъ оставшагося позади взвода кто-то изъ стрѣлковъ, услышавъ этотъ топоть, закричалъ «кавалерія». Вслѣдъ за этимъ нѣмцы открыли сильный ружейный и пулеметный огонь. Перебѣжками возвратились обратно, потерявъ взводнаго унтеръ-офицера убитымъ и двухъ стрѣлковъ ранеными.

Передъ лѣвымъ флангомъ 5-й роты находилась лощина, составлявшая прорывъ между окопами 4 роты и роты Его Высочества. Въ этотъ прорывъ нѣсколько разъ появлялись небольшія цѣпи противника, но каждый разъ огонь 6-й и 5-й ротъ останавливалъ ихъ движеніе и тѣмъ предотвращалъ охватъ фланговъ передовыхъ ротъ. Вечеромъ этого дня, когда бой стихъ, я, выставя секретъ въ лощинѣ, лично убѣдился въ дѣйствительности нашего стрѣлковаго огня, обнаруживъ нѣсколько десятковъ нѣмецкихъ труповъ и много брошенныхъ винтовокъ и касокъ. Одну винтовку и каску взялъ себѣ и въ ближайшей отпускъ отвезъ домой, какъ память о моемъ первомъ настоящемъ боѣ.

Несмотря на ураганный огонь и неоднократныя повторныя атаки въ теченіе двухъ дней, нѣмцамъ удалось захватить лишь небольшой совершенно разрушенный взводный окопъ роты Его Высочества, который они, не будучи въ состояніи его удержать, въ слѣдующую ночь оставили.

10-го іюня было получено распоряженіе атаковать ночью на всемъ фронтѣ арміи нѣмецкіе окопы. Въ районѣ полка было рѣшено атаковать въ прорывъ по лощинѣ между участками 4 роты и роты Его Высочества колоннами, почти что сомкнутымъ строемъ полка, взявъ самые малые интервалы какъ по фронту, такъ и въ глубину. Въ успѣхѣ атаки сомнѣній не было ни у офицеровъ, ни у стрѣлковъ. Возникалъ лишь вопросъ, сумѣемъ ли мы удержаться днемъ на захваченной позиціи, расположенной въ лощинѣ, безъ артиллерійской поддержки и безъ резервовъ. Полкъ уже изготавился для атаки и всѣ были въ большемъ нервномъ напряженіи. Неожиданно атака была отмѣнена, затѣмъ снова назначена въ новый часъ и вновь отмѣнена, и такъ три раза за одну ночь. Конечно, первоначальный порывъ ослабъ, нельзя было такъ играть на нервахъ.

Черезъ нѣсколько дней полкъ отвели въ резервъ и вечеромъ послѣ того начался общій отходъ арміи въ теченіе двухъ недѣль къ Брестъ-Литовску на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ. За этотъ отходъ серьез-

ныхъ боевъ полку нести не приходилось, но небольшія стычки съ противникомъ происходили почти на каждой изъ многочисленныхъ позицій, занимавшихся полкомъ. За время этого отхода полкомъ былъ выработанъ колоссальный навыкъ въ выборѣ и укрѣпленіи позицій. Лично я за этотъ отходъ научился быстро оцѣнивать характеръ мѣстности, что мнѣ въ особенности пригодилось въ гражданской войнѣ въ Сибири, безошибочно составляя себѣ планъ обороны или атаки. Стрѣлки за этотъ періодъ стали самыми отменными саперами. При наличіи хорошаго грунта и 50—60 большихъ лопатъ, рота успѣвала въ 3—4 часа отрывать сплошной окопъ полной профили съ небольшими ходами сообщенія въ тылъ, а при наличіи подходящаго матеріала удавалось сдѣлать и легкіе козырьки. Къ сожалѣнію, мы недолго задерживались на этихъ позиціяхъ. Начинаясь зарево отъ горящихъ въ тылу деревень указывало на вновь рѣшенный отходъ. Это хорошо зналъ и противникъ и я лично въ такихъ случаяхъ не разъ слышалъ ихъ крикъ изъ окоповъ: «до свиданья русскіе, сегодня уходите». Оставляли позицію обыкновенно между 10—12 часами ночи, шли всю ночь и часть утра среди неубранныхъ полей и оставленныхъ жителями селъ и деревень, многіе изъ которыхъ горѣли, будучи подожжены тыловыми частями арміи. Отходъ происходилъ безъ упорныхъ боевъ, безъ наступательнаго успѣха противника на фронтѣ нашихъ гвардейскихъ стрѣлковыхъ полковъ, но гдѣ-то вправо или влево былъ очередной прорывъ и шло выравниваніе фронта. Подошли къ Бресту и около него нашимъ глазамъ представилась жуткая тяжелая картина: десятки, сотни тысячъ русскихъ людей, бросивъ на произволь судьбы свои дома, молча и безропотно уходили бѣженцами все дальше и дальше на востокъ отъ своихъ родныхъ мѣстъ.

Изъ подъ Брестъ-Литовска Гвардію перекинули къ Вильнѣ, куда полкъ сосредоточился 11-го августа. Во время стоянки подъ Вильной прибыло въ полкъ изъ запаснаго баталіона новое пополненіе, которое привелъ прапорщикъ В. А. Степановъ. Послѣдній получилъ назначеніе въ 4 роту, а меня назначили командовать запасной ротой и совершенствовать ее боевую подготовку.

27-го августа полкъ занялъ боевую позицію предъ Вильной и участвовалъ въ упорныхъ бояхъ за прикрытіе Вильны *), въ которыхъ я, командуя запасной ротой, непосредственно участія не принялъ. 4-го сентября

*) Подробное описаніе боевъ подъ Вильной смотри въ книгѣ Э. А. Верцинскаго «Изъ Міровой войны», изд. 1931 г

на позиціи у д. Буйвидзишки запасная рота влилась въ составъ полка, и я вернулся младшимъ офицеромъ въ 5-ю роту. Изъ за Свенцянскаго прорыва было приказано хорошо подготовленную позицію у д. Буйвидзишки оставить и мы отступили за Вильно. 6-го сентября послѣ фланговаго марша полка вдоль линіи фронта прибыли въ госп. дворъ Лоша, гдѣ сошлись войска и штабы трехъ дивизій двухъ разныхъ корпусовъ. Для прикрытія фронта было выдвинуто въ наступившей темнотѣ боевое охраніе отъ Гвардейской стрѣлковой дивизіи. Часовъ въ 8—9 вечера 5-я рота нашего полка, получивъ точныя указанія о рубежѣ для занятія позиціи, но никакихъ данныхъ о противникѣ и могущихъ быть впереди нашихъ частяхъ, выдвинулась впередъ на развѣдку. Темень была изрядная; чуть ли не съ самаго мѣста расположенія шли съ дозорами и медленно подвигались къ поставленной цѣли. Часа черезъ два при помощи проводника и карты достигли пункта, который долженъ былъ служить центромъ для разбивки позиціи. Вскорѣ начали подходить другія роты полка, слѣдовавшія за нами. Командиры баталіоновъ отвели ротные участки, но ориентироваться въ темнотѣ было очень трудно. Все рѣдкій старый еловый лѣсъ, поросшій внизу густой молодой еловой порослью. Начали зарываться. Разсвѣтъ принесъ непріятность для двухъ нашихъ ротъ, окопавшихся другъ противъ друга чуть ли не подъ 45-ю градуснымъ угломъ. Спѣшно исправили ошибку, сдѣланную въ кромѣшной тѣмѣ, да еще въ лѣсу. Вырыли окопы и даже успѣли возвести легкіе блиндажи. Только около полудня появились нѣмецкіе развѣдчики. Мѣстность позволяла противнику быстро вести накапливаніе, въ особенности въ лощинѣ въ 100—120 шагахъ отъ нашей роты. Наша 2-ая батарея, корректируя стрѣльбу изъ окоповъ 5 роты, очень удачно обстрѣляла лощину. У нѣмцевъ произошла паника — крики, стоны и нѣсколько совершенно ошалѣвшихъ нѣмцевъ вылетѣли прямо на окопы 5-й роты и попадали подъ выстрѣлами стрѣлковъ. Въ лощинѣ наступила тишина и только съ темнотой тамъ опять послышались шумъ и говоръ людей.

Вечеромъ получили приказъ объ отходѣ, но осуществить его было не такъ легко. Противникъ все время освѣщаль наши окопы ракетами и вель ружейный огонь. Командиръ роты приказаль мнѣ вывести полуроту по звеньямъ, перебѣжками, а самъ остался руководить демонстративнымъ огнемъ и выводомъ другой полуроты. Огонь противника значительно усилился, видимо имъ былъ замѣченъ отходъ другихъ ротъ, начавшійся немного раньше нашего. Вылѣзая изъ блиндажа, я вдругъ получилъ страшнѣйшій ударъ по головѣ въ затылокъ, какъ говорится, посыпались искры изъ

глазь. Ну думаю, зацѣпило, дѣло дряннѣ. Однако, проведя рукой по головѣ, обнаружилъ, что на ней все цѣло, все на мѣстѣ за исключеніемъ фуражки, которую нащупалъ у себя подъ ногами. Засвѣтилъ электрической фонарь и увидѣлъ довольно длинную въ 3—4 вершка толщиной чурку, лежащую немного впереди меня. Это она и закатила мнѣ такой ударъ, скатившись со своего мѣста надъ входомъ въ блиндажъ при моемъ вылѣзани изъ него. Перебѣжалъ къ ближайшей большой ели и началъ выводить роту изъ окоповъ. Съ послѣднимъ звеномъ понесся со скоростью хорошаго борзого къ слѣдующей ели. Спасибо нѣмцамъ, они прекрасно освѣщали лѣсъ ракетами, а то при такой скорости бѣга я навѣрно посадилъ бы себѣ еще новую шишку на лбу. Выбравшись изъ сферы огня, сталъ поджидать командира роты съ остатками роты. Въ общемъ выбрались благополучно, потеряли лишь 2—3 стрѣлковъ ранеными.

Далѣе полкъ, занимая рядъ позицій и сдерживая наступленіе нѣмцевъ, продолжалъ свое отступленіе на м. Молодечно и Вилейку. Оба мѣстечка сильно пострадали отъ боевъ, бывшихъ нѣсколько дней тому назадъ, когда наши части разгибали нѣмецкую дугу, чуть было не сомкнувшуюся въ петлю надъ всей Виленской группой войскъ. 1-го октября полкъ прибылъ въ д. Мышки, близъ мѣст. Глубокое, гдѣ гвардія простояла въ армейскомъ резервѣ до начала ноября, когда ее перебросили на Юго-западный фронтъ. Въ началѣ ноября полкъ развернулся въ 3-баталіонный составъ.

15-го декабря состоялся Высочайшій смотръ 2-му Гвардейскому корпусу близъ станціи Волочискъ.

Мнѣ въ своей жизни пришлось нѣсколько разъ бывать на царскихъ смотрахъ: Будучи маленькимъ кадетомъ 2-го кадетскаго корпуса при дарованіи шефства корпусу; въ 1913 году кадетомъ Ярославскаго кадетскаго корпуса при посѣщеніи Государемъ города Ярославля; въ 1914 г. въ Москвѣ, будучи знаменщикомъ Александровскаго военнаго училища; и наконецъ подъ Волочискомъ въ рядахъ л. гв. 2 стр. Царскосельскаго полка. Безграничное счастье, радость и въ то же время готовыя брызнуть изъ глазъ слезы, какое-то особо ликующее чувство наполняли меня при видѣ Царя. Хотѣлось безконечно долго видѣть передъ собой Его лицо, съ добрыми и немного грустными глазами. Не умѣю правдиво передать тѣ волнующія чувства и переживанія, которыя подымались при видѣ Царя, Ихъ пойметъ лишь тотъ, кто пережилъ ихъ самъ въ своей жизни.

Декабрь — зимы еще нѣтъ, перепадали дожди; ночью заморозки, днемъ тепло; на дорогахъ изрядная грязь. При полку создавалась учебная команда, подъ начальствомъ поручика Круглевскаго; младшими офицерами были назначены подпоручикъ Котляровъ и я. Сначала мнѣ, да я думаю и другимъ, было немного трудно проводить весь день въ занятіяхъ, идущихъ большое количество часовъ по строго составленному распisanію. Въдѣ походная жизнь основательно отучила насъ отъ размѣренности и точности распределенія дневныхъ часовъ. Однако скоро привыкъ, тѣмъ болѣе что начальникъ команды самъ былъ очень строгъ и пунктуаленъ къ своимъ обязанностямъ.

Рождество застало насъ въ д. Шебенно Старо-Константиновскаго уѣзда Вѣльнской губерніи. Каждая рота устраивала елку съ танцами въ огромномъ сараѣ при госп. дворѣ Шебенно. Одна изъ полекъ, исполнявшихся нашимъ оркестромъ на этихъ елкахъ, получила названіе «полька Шебенно», да такъ и сохранила это названіе до конца войны. Огромнымъ успѣхомъ и вполне заслуженнымъ на всѣхъ танцахъ пользовалась красивая молодуха Женя, хозяйка хаты, гдѣ жили Котляровъ и я. Нашу хозяйку прозвали «Солохой» и думаю, прозвище это у моихъ однополчанъ, участниковъ войны, вызоветъ массу пріятныхъ воспоминаній, связанныхъ съ этимъ далекимъ и въ то же время близкимъ, хорошимъ, милымъ временемъ...

Великая война 1916—1917 годовъ.

Встрѣчу новаго 1916 года и крещеніе полкъ провелъ въ селѣ Шебенно и 9-го января перешелъ на новое мѣсто стоянки въ село Кошляки, удаленное лишь на 30 верстъ отъ с. Шебенно, но уже по ту сторону государственной границы, въ Галиціи. Уходъ изъ Шебенно сопровождался трогательными сценами прощанія; много слезъ было пролито хорошенькими хохлушками по уходившимъ стрѣлкамъ.

Кошляки очень большое село со старинной униатской церковью. Офицерское собраніе размѣстилось въ прекрасномъ зданіи школы, стѣны которой офицерами вскорѣ были украшены цѣлымъ рядомъ талантливыхъ рисунковъ, изображавшихъ разные характерные моменты изъ жизни полка.

Штабъ полка расположился въ господскомъ дворѣ села, у хозяина котораго гостили три миленькія племянницы изъ Вѣны, невольно застряв-

шія въ Кошлякахъ при побѣдоносномъ наступленіи русскихъ войскъ въ 1914 г. Присутствіе паненокъ явилось магнитомъ для многихъ офицеровъ полка. Раіонъ Кошлякъ изобиловалъ массой зайцевъ и лисицъ, на которыхъ организовывалось нѣсколько охотъ съ загономъ.

За все время нахождения полка въ резервъ шли усиленные занятія, чрезвычайно благотворно отражавшіяся на боевой подготовкѣ полка и внѣшнемъ видѣ стрѣлковъ въ общей массѣ. Къ 18-му февраля учебная команда закончила свою программу занятій и послѣ произведеннаго экзамена состоялся первый выпускъ изъ учебной команды на театрѣ военныхъ дѣйствій. Съ роспускомъ учебной команды офицерскій составъ команды былъ отпущенъ въ отпускъ.

Въ началѣ марта вся Гвардія была перекинута, какъ резервъ Верховнаго Главнокомандующаго, въ раіонъ Рѣжицы, за Сѣверо-западный фронтъ.

Съ прибытіемъ изъ отпуска въ новый раіонъ полка вновь получилъ назначеніе въ новую учебную команду, начальникомъ которой назначенъ поручикъ Маціевскій, а младшими офицерами кромѣ меня недавно прибывшіе въ полкъ прапорщики Кулаковъ и Владыкинъ. Учебная команда была расположена въ д. Штыканы, а по сосѣдству — 7-я рота поручика Агапова; недалеко, за небольшой рѣчкой, былъ раіонъ Гродненскихъ гусаръ.

Наступила весна. Пасхальную службу отецъ А. Ливанскій совершилъ въ походной церкви въ раіонѣ расположенія штаба полка. Послѣ службы стараніями хозяина офицерскаго собранія поручика А. В. Круглевскаго былъ накрытъ для офицеровъ прекрасный пасхальный столъ. Стрѣлкамъ кромѣ улучшеннаго стола выдавались яйца, куличи, бѣлый хлѣбъ и московская колбаса.

Съ уходомъ весеннихъ водъ и просыханіемъ почвы занятія въ полку и учебной командѣ шли очень интенсивно. Было обращено особое вниманіе на оборону позицій и сооруженіе укрѣпленныхъ полосъ по-инструкціямъ, выработаннымъ на основаніи опыта французовъ на Западномъ фронтѣ. Съ этой цѣлью, въ раіонѣ Штыканъ былъ созданъ цѣлый учебный укрѣпленный городокъ, къ устройству котораго привлекли всѣ роты, а общее руководство работами возложили на учебную команду. Въ этомъ городкѣ впервые были отрыты «лиси норы», сдѣланы пулеметные блокгаузы и вообще проведена огромная работа по детальной разработкѣ укрѣпленныхъ позицій. Учебная команда и роты полка здѣсь провели нѣсколько тактическихъ занятій по оборонѣ и атакѣ укрѣпленныхъ пунктовъ. Здѣсь же впервые

возникла въ полку мысль о широкомъ и планомѣрномъ использованіи ручной гранаты въ позиціонной войнѣ. Вопросъ гренадерскаго боя былъ поручиками А. С. Агаповымъ и К. М. Ткачевымъ детально разработанъ лѣтомъ 1916 г., проведенъ въ жизнь при обученіи стрѣлковъ, провѣренъ въ октябрьскихъ бояхъ полка и затѣмъ штабомъ арміи узаконенъ и распространенъ въ видѣ одобренной инструкціи по всей арміи.

Около 10-го мая полкъ въ составѣ Гвардіи перебросили по желѣзнымъ дорогамъ сначала въ районъ станціи Буслай, а въ первыхъ числахъ іюля выгрузили въ городъ Луцкъ для дальнѣйшаго слѣдованія черезъ мѣстечко Рожище на фронтъ.

Къ этому времени полкъ имѣлъ блестящій и хорошо подтянутый видъ. Вторая учебная команда уже закончила свое образованіе и влита въ роты. Полный комплектъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и стрѣлковъ. Цвѣтные погоны, петлицы мирнаго времени и серебряныя пуговицы придавали полку однообразный и щеголеватый видъ.

Приближалось 15-е іюля, день атаки войскъ Гвардіи на нѣмецкія позиціи впереди р. Стоходъ. Отъ Гвардейской стрѣлковой дивизіи въ первую линію для атаки были назначены л. гв. 3-й стр. Е. В. и л. гв. 4стр. И. Ф. полки съ общимъ направленіемъ на д. д. Щуринъ—Трыстень. Л. гв. 1 стр. Е. В. и л. гв. 2 стр. Царскосельскій полки составили резервъ дивизіи и были подтянуты на очень близкое разстояніе къ атакующимъ частямъ для развитія наступленія. За нами были сосредоточены полки Гвардейской кавалеріи.

Въ прекрасное, ясное іюльское утро заговорила русская артиллерія, а въ 1 часъ дня послѣ артиллерійской подготовки полки пошли въ атаку. Съ нетерпѣніемъ ожидали мы первыхъ свѣдѣній о начавшемся боѣ. Но вотъ прибыли уже въ тылъ первые раненые стрѣлки и изъ ихъ разсказовъ было видно, что успѣхъ боя на нашей сторонѣ. Вскорѣ и изъ штаба поступили радостныя вѣсти, что противникъ сбитъ съ сильно укрѣпленныхъ позицій и отходить, оставивъ въ нашихъ рукахъ плѣнныхъ, пулеметы и пушки; изъ числа послѣднихъ сохранилось въ памяти, что л. гв. 4стр. И. Ф. полкомъ взято четырнадцать.

Резервъ дивизіи по мѣрѣ продвиженія наступленія продвигался все впередъ и впередъ. На встрѣчу намъ проводили одну за другой группы плѣнныхъ нѣмцевъ. Особенно памятна одна группа плѣнныхъ, офицеровъ и солдатъ нѣмецкаго гусарскаго полка «Смерти», съ черепами на каскахъ и на груди. Эти плѣнные были остаткомъ эскадрона прикрытія,

ходившаго въ конную атаку на одну изъ ротъ 3-го полка при взятіи ими батареи въ районѣ Щурина. По немногу огонь артиллеріи затихаль и противникъ съ боемъ началъ отходить на сильныя заранѣе укрѣпленныя позиціи за Стоходомъ.

Къ вечеру нашъ полкъ получилъ приказъ смѣнить одинъ изъ наступавшихъ въ первой линіи полковъ и перейти вслѣдъ за отступающими нѣмцами на противоположный берегъ Стохода. Смѣнивъ впереди наступавшій полкъ, нашъ полкъ въ ночь съ 15-го на 16-е іюля ночеваль въ с. Щуринъ, ведя всю ночь и слѣдующій день развѣдку за отходящимъ противникомъ.

17-го полкъ подошелъ вплотную къ Стоходу, а съ наступленіемъ темноты 2-й и 3-й баталіоны полка послѣ упорныхъ боевъ переправились черезъ Стоходъ и овладѣли сильно укрѣпленной позиціей нѣмцевъ на высотѣ 90.000, близъ дер. Витонежъ.

Для сохраненія боеспособности полка командующій полкомъ полковникъ Стессель приказаль передъ наступленіемъ полка оттянуть отъ ротъ къ обозамъ 1-го разряда 50% офицерскаго и унтеръ-офицерскаго состава, которые къ вечеру 17-го были вновь подтянуты къ штабу полка и большей частью направлены къ своимъ ротамъ на пополненіе раненыхъ и убитыхъ среди команднаго состава. Лично я былъ задержанъ при штабѣ полка для формированія очередной учебной команды.

Изъ расположенія штаба полка я видѣль изумительную по своей красотѣ картину — разворачиванія въ боевой порядокъ л. гв. Измайловскаго полка, выдвинутаго изъ резерва для заполненія образовавшагося прорыва въ районѣ, чуть лѣвѣе нашей дивизіи. Двадцать лѣтъ спустя, передъ моими глазами ясно стоитъ широкая безлѣсная долина Стохода, залитая послѣдними лучами заходящаго солнца. Наши легкія батареи, стоящія среди рѣдкихъ участковъ засѣянныхъ полей, непрерывнымъ потокомъ выбрасываютъ снаряды на противоположный берегъ Стохода. Нѣмецкіе чемоданы, разсыкая русскія батареи, съ воємъ и скрежетомъ летятъ надъ нашими головами и падая взрываются со страшнымъ грохотомъ, вздымая цѣлые столбы земли къ небу. На этомъ фонѣ, какъ будто не замѣчая носящейся въ воздухѣ смерти, идутъ впередъ Измайловцы, неся среди своихъ колоннъ полковое знамя. Идутъ все впередъ и впередъ безъ малѣйшей задержки, безъ малѣйшей заминки, какъ на ученьи, измѣняя боевой строй полка въ зависимости отъ все усиливающагося артиллерійскаго огня противника.

Въ штабѣ полка понемногу выяснились подробности перехода нашими стрѣлками Стохода. Правѣ насъ перешли Стоходъ Московцы и также

овладѣли окопами нѣмцевъ. Ночью бой утихъ. Слышна была только временами довольно сильная ружейная и пулеметная стрѣльба и доносились со Стохода стоны раненыхъ. Всю ночь работали санитары, подбирая нашихъ и нѣмецкихъ раненыхъ, но ихъ было такъ много, что за ночь ихъ не смогли подобрать, а днемъ огонь противника не давалъ возможности санитарамъ работать. Были раненые, вынесенные только за третью и четвертую ночь; раны ихъ были ужасны отъ начинавшагося воспалительнаго процесса.

Ночь съ 18-го на 19-го іюля ознаменовалась цѣлымъ рядомъ яростныхъ контръ-атакъ нѣмцевъ, поддержанныхъ ураганнымъ огнемъ легкой и тяжелой артиллеріи. Всѣ атаки были отбиты, несмотря на то, что посылка подкрѣплений съ этого берега была совершенно немыслима. Оправившаяся послѣ погрома 15-го іюля и частично усиленная изъ резервовъ нѣмецкая артиллерія держала всю долину Стохода подъ бдительнымъ наблюдениемъ и появленіе самыхъ незначительныхъ группъ и даже отдѣльныхъ людей, идущихъ по долинѣ, вызывало открытіе ураганнаго заградительнаго огня. Утромъ 19-го числа при отбитіи контръ-атаки были убиты поручики Котелевскій и Серебренниковъ, первый въ 5-й, а второй — въ 8-й ротѣ.

Поручикъ Серебренниковъ былъ убитъ во время нашей штыковой контръ-атаки противъ атаки нѣмецкой пѣхоты, пытавшейся овладѣть окопами 2-го баталіона. Штыковая контръ-атака 8-й роты, поддержанная 7-й ротой, увѣнчалась большимъ частичнымъ успѣхомъ. Нѣмцы побѣжали; наши роты, преслѣдуя ихъ, подвинулись далеко впередъ вглубь нѣмецкаго расположенія, доходя мѣстами до батарей противника. Этотъ успѣхъ былъ такъ молніеносенъ и неожиданъ, что не былъ во время использованъ и поддержанъ резервами. Наши роты вернулись назадъ, приведя съ собой плѣнныхъ и нѣмецкіе пулеметы. Нѣмецкіе плѣнные показали, что противъ насъ прибыли двѣ нѣмецкія дивизіи, снятыя съ французскаго фронта.

19 и 20 іюля полкъ укрѣплялся на захваченныхъ позиціяхъ. Всѣ попытки противника овладѣть обратно высотой 90,00 нами отбивались съ большимъ для нѣмцевъ урономъ. 21-го іюля полкъ совместно съ Москвцами велъ атаки по занятію дер. Витонежь, но успѣха мы не имѣли.

Въ этихъ бояхъ полкъ понесъ весьма значительныя потери. Въ офицерскомъ составѣ было 2 убитыхъ и 9 раненыхъ; среди стрѣлковъ припоминается цифра въ 356 убитыхъ, чему соотвѣтствуетъ около 1800 раненыхъ стрѣлковъ.

Въ послѣдующіе мѣсяцы до половины октябрю включительно Гвардія все время занимала позиціи вдоль Стохода, ведя рядъ активныхъ, крайне

кровопролитныхъ боевъ на короткѣ для притяженія къ своему фронту резервовъ противника. Эти бои, носившіе чисто мѣстный характеръ, не давали никакихъ замѣтныхъ результатовъ, но стоили Гвардіи огромныхъ человѣческихъ жертвъ. Витонежъ, Большой и Малый Порскъ, Шельвовъ, Бубновъ, Корытница, Квадратный лѣсъ — вотъ тѣ мѣста, гдѣ русская Императорская Гвардія, истекая кровью, отдала всѣ лучшія свои силы, не имѣя возможности ихъ больше восполнить. Офицерскій составъ Гвардейской пѣхоты такъ порѣдѣлъ, что для пополненія его намъ на помощь пришла Гвардейская конница, давъ въ наши ряды часть своихъ офицеровъ. Для нашего полка были особенно кровопролитны бои подъ Шельвовымъ и Квадратнымъ лѣсомъ, въ каковыхъ полкъ потерялъ одними убитыми 5 офицеровъ, въ томъ числѣ л. гв. Драгунскаго полка штабсъ-ротмистра Ставскаго.

Для пополненія офицерскаго состава нужны были героическія мѣры. Еще весною 1916 г. были произведены, по представленію командира полка и съ согласія г.г. офицеровъ, въ прапорщики за боевое отличіе подпрапорщики Бучковскій и Марчукъ 1. Служебная опытность и привязанность ихъ къ полку были внѣ всякихъ сомнѣній и изъ нихъ выработались отличные боевые офицеры. Послѣ боевъ подъ Стоходомъ число офицеровъ, произведенныхъ изъ подпрапорщиковъ, было увеличено. Но потери въ Гвардіи въ офицерскомъ составѣ были столь значительны, что командующій 8-й арміей генераль Калединъ призналъ необходимымъ принимать въ полки Гвардіи на укомплектованіе прапорщиковъ, имѣвшихъ случайно въ резервѣ арміи, не считаясь съ особенностями службы и быта Гвардіи. Эти случайные прапорщики, присланные въ Гвардію въ большемъ числѣ, не имѣли ни служебнаго опыта, ни отдаленнаго знакомства съ традиціями Гвардіи, а потому не были въ состояніи заполнить образовавшійся пробѣлъ въ офицерскомъ составѣ и поддержать высокій духъ гвардейскихъ частей, что особенно сказалось въ дни революціи.

Изъ всѣхъ боевъ на Стоходѣ особенно тяжелы были бои подъ Квадратнымъ лѣсомъ, гдѣ, изъ-за слишкомъ близкаго разстоянія между скопами нашими и противника, артиллерія была лишена возможности вести правильную артиллерійскую подготовку и въ частности разрушать нѣмецкое проволочное загражденіе. Вслѣдствіе этого пришлось принимать совсѣмъ особый способъ веденія боя въ полевой войнѣ. Изъ одного изъ ротныхъ участковъ была заложена минная галлерейя въ сторону выступающаго нѣмецкаго окопа. Взрывъ мины разрушалъ часть нѣмецкаго окопа съ прово-

лочными загражденіями и давалъ возможность внезапной атакѣ ворваться въ нѣмецкій окопъ. Дальнѣйшее же распространеніе по окопамъ по фронту и по ходамъ сообщенія въ глубину шло исключительно выработанной въ полку системой пренадерскаго боя, вполне оправдавшей себя.

Конецъ 1916 и начало 1917 года Гвардія продолжала занимать позиціи примѣрно въ томъ же районѣ Стохода, готовясь къ весеннему наступленію.

Въ первое время революціи жизнь въ полку текла почти прежнимъ порядкомъ. Слишкомъ сильна была дисциплина среди стрѣлковъ и слишкомъ далеки они были отъ всякихъ революціонныхъ мыслей и идей. Революціонный ядъ разложенія сталъ исподволь разлагать полкъ только въ апрѣлѣ, маѣ мѣсяцахъ. Главными углубителями революціи оказались нѣкоторые прапорщики и врачи.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Гвардія входила въ составъ войскъ, принимавшихъ участіе въ наступленіи, извѣстномъ подъ названіемъ «наступленія Керенскаго». Наша дивизія заняла участокъ фронта на Бржезанскомъ направленіи противъ лѣса Дзике-Ланы. Мы должны были повторить прорывъ, сдѣланный наканунѣ Сибирскими стрѣлками, отошедшими въ исходное положеніе изъ второй укрѣпленной полосы нѣмцевъ, подъ вліяніемъ самыхъ незначительныхъ контръ-атакъ противника. За день или два до начала наступленія нашей дивизіи пришлось слушать А. Керенскаго, занимавшагося въ эти дни усиленнымъ подбадриваніемъ революціоннаго воинства. Дивизія была построена въ каре; наружно былъ еще сохраненъ видъ прежнихъ доблестныхъ Гвардейскихъ стрѣлковыхъ полковъ, но духъ уже былъ не тотъ. А. Керенскій появился на автомобилѣ и, выйдя изъ него, быстро пошелъ вдоль фронта полковъ. Мой глазъ уловилъ какое-то странное очень сильное качаніе стрѣлковъ въ первомъ полку. Долго я не могъ понять причину этого явленія и только подходъ А. Керенскаго къ фронту нашего полка разъяснилъ мнѣ его. Оказалось, Главковерхъ, обходя фронтъ, черезъ нѣкоторые промежутки совалъ свою руку стоящимъ въ строю стрѣлкамъ. Обходъ полковъ закончился. Машина Главковерха выѣхала на середину поля и влѣзшій на нее А. Керенскій сдѣлалъ знакъ рукой, по которому вся масса стрѣлковъ со страшнымъ шумомъ, тоготомъ и криками бросилась къ нему и окружила автомобиль. Рѣчь А. Керенскаго была усиленно уснащена выраженіями вродѣ: революціонная часть, революціонный долгъ, революціонныя завоеванія и т. п. Комедія смотра была окончена и полки ра-

зошлись по своимъ мѣстамъ въ резервъ войсковымъ частямъ, ходившимъ въ первое неудачное наступленіе.

Въ это время шла сильнѣйшая артиллерійская подготовка, продолжавшаяся непрерывно три дня и днемъ, и ночью. Я возвращался со своей 4-й ротой, которую незадолго до этого принялъ послѣ роспуска учебной команды. Умышленно прислушиваясь къ разговорамъ стрѣлковъ и стараясь самъ вызвать ихъ на разговоры по поводу только что бывшего смотра и рѣчи Главковерха, могу завѣрить, что все краснорѣчіе А. Керенскаго не принесло никакой пользы революціоннымъ войскамъ, всѣ вопли о революціонныхъ завоеваніяхъ, такой же чести и долгу были для стрѣлковъ пустыми, малопонятными словами. Вредъ же отъ рукопожатій А. Керенскаго въ строю былъ несомнѣнно огромный и былъ использованъ какъ аргументъ для агитаціи противъ офицеровъ. Я самъ слышалъ фразу: «Наши-то г. г. офицеры намъ руки не подають, значитъ они не съ нами, они наши враги».

Смѣнивъ наступавшихъ передъ нами Сибиряковъ, мы стали готовиться къ предстоящей атакѣ, которую намъ обѣщали подготовить очень мощной артиллерійской стрѣльбой. Что она будетъ мощной и дѣйствительной, говорило то количество орудій, которое было сосредоточено на нашемъ дивизионномъ участкѣ. Въ передней линіи окоповъ полка въ 900 шагахъ стояли моя 4 рота и рота Е. В., въ затылокъ намъ были расположены остальные роты полка; въ затылокъ нашему полку стоялъ одинъ изъ полковъ нашей дивизіи; въ затылокъ нашей дивизіи стояли еще три дивизіи въ резервѣ. Артиллерійскую подготовку на столь маленькомъ участкѣ фронта должны были вести: 4-ре 12-ти дм. пушки, 9-ть орудій отъ 8-ми до 11-ти дм. включительно, 18-ть мортиръ и гаубиць и наконецъ 72 легкихъ орудій. Кто видѣлъ дѣйствіе нашихъ артиллеристовъ, пойметъ, во что можно обратиться позицію противника при стрѣльбѣ въ теченіе 3-хъ сутокъ такимъ количествомъ орудій съ неограниченнымъ расходомъ снарядовъ.

При смѣнѣ Сибиряковъ я спросилъ у ихъ ротнаго командира о подробностяхъ ихъ наступленія. Онъ говорилъ, что нашъ огонь былъ такъ силенъ и дѣйствителенъ, что цѣпи Сибиряковъ заняли первыя двѣ линіи скоповъ почти безъ потерь. Самые окопы были скрыты съ земли, а ихъ защитники почти цѣликомъ уничтожены. Тѣ же, кто уцѣлѣлъ въ лисьихъ норахъ, были совершенно деморализованы и имѣли видъ лишившихся разсудка отъ 3-дневнаго сидѣнія подъ огнемъ нашихъ пушекъ.

Столь благоприятныя условія для наступленія, казалось, сулили намъ легкую возможность выполненія возложенной на насъ задачи. Но темныя

силы вели свою разрушительную работу въ полкахъ и искали причину, дабы увильнуть отъ наступленія. Такую причину нашли въ видѣ неподготовленности окоповъ нашей позиціи для наступательныхъ цѣлей. Правда, сѣть этихъ окоповъ была мало разработана, но конечно въ данномъ случаѣ не могла служить достаточно уважительной причиной для откладыванія назначеннаго наступленія. Однако полковой комитетъ, подъ давленіемъ нежелающихъ наступать, вынесъ постановленіе объ отсрочкѣ атаки впредь до улучшенія окоповъ нашего плацдарма до предѣловъ идеальнаго оборудованія. Постановленіе было вынесено весьма гибкое для нежелающихъ наступать и въ корнѣ нарушавшее всѣ планы и расчеты штабовъ на всемъ нашемъ активномъ фронтѣ того времени.

Въ результатѣ сидѣли нѣсколько дней въ окопахъ и вмѣсто движенія впередъ рылись какъ кроты въ землѣ. Въ одинъ изъ этихъ дней, кажется, 26-го іюня, при обходѣ участка своей роты я попалъ подъ сильный шрапнельный огонь нѣмцевъ и былъ легко раненъ въ руку шрапнельной пулей навывлетъ. Будь эта рана въ 16-мъ году, я вѣроятно остался бы въ строю, но въ создавшейся обстановкѣ это былъ хорошій поводъ для эвакуаціи въ тылъ, что я тогда сразу и осуществилъ.

Царское Село 1917—1918 г. г. Отъѣздъ въ Сибирь.

Конецъ 1917 г. засталъ меня въ должности начальника хозяйственной части Гвардіи 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго резервнаго полка *), куда я прибылъ по выздоровленіи отъ раны, полученной въ районѣ лѣса Дзике-Ланы. Должность начальника хозяйственной части я принялъ отъ полковника Вальдена, который въ это время былъ назначенъ командиромъ нашего резервнаго полка. Полкъ въ это время насчитывалъ около 6 тысячъ ѣдоковъ. Иначе какъ ѣдоками назвать тогдашнихъ стрѣлковъ нельзя, такъ какъ занятія почти не велись, а всѣ интересы стрѣлковъ были сосредоточены на ѣдѣ и поѣздкахъ въ Петроградъ. Октябрьскій большевицкій переворотъ былъ для полка полной неожиданностью. Отчетливо помню провалъ первыхъ митинговъ, устроенныхъ большевиками съ цѣлью при-

*) Въ іюнѣ 1917 г. Гвардіи 2-й стрѣлковый Царскосельскій запасный баталіонъ былъ переименованъ въ Гвардіи 2-й стрѣлковый Царскосельскій резервный полкъ. Одновременно Гвардейская стрѣлковая запасная бригада была переименована въ Гвардейскую стрѣлковую резервную дивизию.

влекъ полкъ на свою сторону. Только прїездъ на одинъ изъ митинговъ Л. Троцкаго, обладавшаго огромнымъ ораторскимъ талантомъ, заставилъ полкъ открыто встать на сторону большевиковъ и даже выступить противъ частей Временнаго правительства, двигавшихся на Петроградъ со стороны Гатчины. На этихъ боевыхъ дѣйствіяхъ полка останавлиюсь нѣсколько подробнѣе, но точныхъ датъ мѣсяца я уже сейчасъ не помню.

Полкъ въ составѣ полныхъ 12-ти ротъ и пулеметной команды, подъ командой полковника Вальдена, выступилъ послѣ обѣда къ станціи Александровской для задержанія казачьихъ частей, наступавшихъ отъ Гатчины на Петроградъ. При выступленіи полка было обнаружено отсутствіе при своихъ частяхъ командира баталіона капитана Котлярова и ротнаго командира поручика Коняева. Это обстоятельство дало поводъ для развитія сильной агитаціи противъ офицеровъ вообще, а главнымъ образомъ противъ офицеровъ, прибывшихъ въ полкъ изъ дѣйствующей арміи. Особенно злостную агитацію вели прапорщики Судзиловскій и Гучинскій и военный чиновникъ Игнатовъ. Отсутствіе капитана Котлярова дало поводъ нѣкоторымъ «орателямъ» настаивать на принятіи мною баталіона въ командованіе. Мой отказъ со ссылкой на необходимость организаціи довольствія полка на фронтѣ и чрезвычайная поспѣшность выступленія полка оставили этотъ вопросъ нерѣшеннымъ. Только, спустя нѣсколько дней, послѣ окончательнаго захвата власти большевиками, былъ поднятъ вопросъ о предавніи насъ всѣхъ троихъ суду. Суду полкового комитета мои объясненія оказались достаточными, а Б. Н. Котлярова и А. И. Коняева полковой комитетъ объявилъ врагами народа.

Съ уходомъ полка ушли на фронтъ и другія части гарнизона, при чемъ я былъ удивленъ, увидѣвъ въ проходившей по шоссе тяжелой батарееѣ, въ качествѣ какого-то начальства, нашего пулеметнаго старшаго унтеръ-офицера Шаруна.

Наступилъ вечеръ, а за нимъ и ночь. Царское замирало и только часовъ около 12-ти ночи тишина была нарушена разрывами двухъ тяжелыхъ снарядовъ, одинъ изъ которыхъ попалъ въ мѣстный военный госпиталь и убилъ 4-хъ санитаровъ. Затѣмъ опять наступила тишина. Только около 3-4 часовъ утра послышались шумъ и крики бѣгущихъ людей со стороны дер. Аракчеевки. Оказалось, весь Царскосельскій гарнизонъ бѣжалъ съ фронта назадъ въ казармы. Утро наступившаго дня было наполнено шумомъ, гамомъ и криками нѣсколькихъ тысячъ «товарищей», митинговавшихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ районѣ нашихъ казармъ. Среди стрѣл-

ковъ мелькали штатскія фигуры и чужіе солдаты, явно писарского вида, усиленно уговаривавшіе стрѣлковъ быть авангардомъ революціи и задержатъ казаковъ у Царскаго Села до подхода матросовъ и рабочихъ дружинъ. Эти уговоры имѣли успѣхъ и часовъ около 8-ми утра стрѣлки стали располагаться цѣпями на Софійскомъ плацу. Два тяжелыхъ орудія стали у нашей полковой церкви на позицію. Около орудій опять суетился Шарунъ. Увидя меня, бродившаго изъ любопытства тутъ же, Шарунъ подошелъ и, отдавъ честь по всѣмъ правиламъ, сказалъ: «А здорово я ночью пуганулъ царскосельскихъ буржуевъ». Не понимая смысла его фразы, я попросилъ объясненій, на что онъ, хитро улыбаясь, сообщилъ: «Да вѣдь это я пустилъ ночью два снаряда по Царскому». Теперь мнѣ стала понятна исторія происхожденія двухъ разрывовъ, нарушившихъ тишину минувшей ночи. Долженъ отмѣтить, что у Шаруна по отношенію ко мнѣ были какія-то особыя симпатіи. Онъ всегда былъ очень вѣжливъ, предупредителенъ и разговорчивъ со мной. Возможно, что это было результатомъ его прохожденія у меня въ 1916 году полковой учебной команды, которую онъ прекрасно окончилъ.

Итакъ Софійскій плацъ и Баболовскій паркъ какъ-будто должны были вскорѣ стать мѣстомъ боевыхъ дѣйствій. Часовъ около 9 утра показался со стороны дер. Аракчеевки броневой автомобиль, слѣдомъ за которымъ шли 2-3 сотни казаковъ. Влѣво отъ шоссе выѣхала на рысяхъ 6-орудійная батарея и снялась съ передковъ.

Появленіе казаковъ внесло снова въ цѣпи стрѣлковъ массу шума, криковъ и брани. Въ это время полевой штабъ «авангарда революціи» находился въ нашемъ офицерскомъ собраніи. Работой штаба руководили — какой-то рыжій вихрястый писарь Главнаго Штаба и какой-то штатскій, какъ мнѣ позже удалось узнать, преподаватель Царскосельскаго реального училища. Въ составѣ штаба было также нѣсколько прапорщиковъ изъ резервныхъ полковъ Царскосельскаго гарнизона. Полковника Вальдена въ это время съ полкомъ не было; онъ, по словамъ стрѣлковъ, съ частью полка отошелъ прямо на Петроградъ.

Броневику медленно приближался къ цѣпямъ и на разстояніи 500-600 шаговъ остановился, выкинувъ бѣлый флагъ. Въ сторону цѣпей выѣхалъ казакъ и предложилъ начать переговоры. Къ броневнику отъ Царскаго Села отправилась делегація, которая часовъ около 10-ти вернулась обратно и объявила, что въ броневикѣ сидитъ самъ Керенскій, и что онъ требуетъ слезить по правую сторону шоссе оружіе, гарантируя въ этомъ случаѣ

всѣмъ полную безнаказанность за бунтъ противъ правительства. Срокъ выполненія требованія былъ данъ до 11 часовъ утра, послѣ чего, въ случаѣ невыполненія требованія, будетъ открытъ огонь. Совѣщаніе штаба, проходя въ бурной обстановкѣ, отклонило требованіе Керенскаго и готовилось къ оборонѣ. Наступило 11 часовъ. Батарея молчала. Это вызвало усмѣшки и остроты со стороны «товарищей» по адресу Керенскаго. Въ 11 ч. 30 м. повторилась высылка делегацій, требованія были прежнія, срокъ — до 1 часа дня. Опять послѣдовалъ отказъ выполнить требованіе и назначенныи часъ миновалъ безъ единого выстрѣла. Черезъ нѣкоторое время переговоры опять возобновились; требованія Керенскаго все тѣ же, срокъ данъ до 3 часовъ дня. Комедія переговоровъ внесла въ штабъ и среди стрѣлковъ полную увѣренность въ ихъ безнаказанности. Штабъ вышелъ изъ помѣщенія офицерскаго собранія и расположился на мостикѣ отъ шоссе къ собранію.

Стрѣлка часовъ подходила къ 3-мъ часамъ. На этотъ разъ, ровно въ 3 часа, батарея открыла бѣглый огонь. Я находился въ канцеляріи полка и насчиталъ 25-30 орудійныхъ разрывовъ. Одновременно съ артиллерійской стрѣльбой поднялась сильная, беспорядочная ружейная стрѣльба, которая черезъ 5-10 минутъ совершенно прекратилась. Подойдя къ окнамъ, выходящимъ въ садъ, я увидѣлъ толпы «товарищей», въ паникѣ несущихся по шоссе къ Баболовскому парку и Софійскому плацу. Минутъ черезъ 10-25 все стихло и никакихъ признаковъ «авангарда революціи» больше не было. Выйдя на улицу, я прежде всего увидѣлъ нѣсколько труповъ на мѣстѣ штаба, среди которыхъ былъ и учитель реального училища.

Казачья батарея снялась съ позиціи и вытягивалась на шоссе. Броневикъ съ сотнями медленно подходилъ къ нашимъ казармамъ. Шаруновскія пушки были брошены у церкви. Около 4 часовъ казаки прошли мимо казармъ Царскосельскаго стрѣлковаго полка и, дойдя до казармъ Императорскихъ стрѣлковъ, стали располагаться на ночлегъ. На Царское Село быстро спускалась темнота осенняго вечера, полная жуткой тишины и неизвѣстности.

Авангардъ революціи въ паникѣ удиралъ въ Петроградъ, переполняя поѣзда пригороднаго движенія. Казаки никакой активности не проявили и устраивались на ночлегъ.

Въ 6 часовъ вечера я направился на вокзалъ и съ первымъ поѣздомъ уѣхалъ въ Петроградъ. На вокзалѣ въ Петроградѣ бросалось въ глаза присутствіе массы какихъ-то штатскихъ съ винтовками и красными повязка-

ми на рукавахъ. Петроградъ притихъ и явно чего-то ждалъ. На трамваѣ добрался до квартиры невѣсты на Гулярной улицѣ. Въ карманѣ у меня имѣлось разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ съ дочерью старшаго дѣлопроизводителя Крестьянскаго Поземельнаго банка Р. И. Астафьевой, вѣнчаніе съ которой было назначено на 29-е октября ст. стилия.

Но вотъ и 29 число. Съ утра шелъ дождь. Слышна была ружейная, пулеметная и рѣдкая орудійная стрѣльба — это большевики громили Владимірское военное училище. Моментъ вѣнчанія приближался. Возникло сомнѣніе въ подачѣ кареты для поѣздки въ церковь, но все обошлось благополучно. Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ подъ гулъ выстрѣловъ все продолжавшейся осады Владимірскаго училища. Мой отпускъ кончился; надо было ѣхать въ Царское, гдѣ, по свѣдѣніямъ газетъ, власть перешла вновь къ большевикамъ.

Рано утромъ 2-го ноября я возвратился въ Царское Село. По дорогѣ съ вокзала встрѣтилъ большую нестройную вооруженную колонну рабочихъ, среди которыхъ мелькали женскія юбки тоже съ винтовками или съ санитарными сумками. Видъ — гордыхъ побѣдителей. Въ полку какъ будто все было по старому, какъ 5 дней тому назадъ. Стрѣлки—въ казармахъ, офицеры отъ бездѣлья играли въ собраніи на билліардѣ. На квартирѣ меня ждалъ сюрпризъ. Мой денщикъ Ѳедоръ Ульяновъ, остававшійся все время на квартирѣ въ Царскомъ, при отступленіи казачьихъ частей и самокатчиковъ отъ Пулкова черезъ Царское Село, подобралъ брошенный вполне исправный мотоциклетъ и казачью пику. Ѳедоръ, какъ малый ребенокъ, возился около мотоциклета, мечтая о томъ фурорѣ, который онъ произведетъ у себя въ деревнѣ, появившись со своимъ трофеемъ.

Со словъ участниковъ меня посвятили въ подробности дѣйствія полка послѣ бѣгства изъ Царскаго Села. На окраинахъ Петрограда бѣжавшій «авангардъ революціи» съ большимъ трудомъ былъ приведенъ въ порядокъ и поздно ночью, совмѣстно съ рабочими дружинами и матросами изъ Кронштадта, былъ выдвинутъ въ районъ Пулково — Средняя Рогатка. Съ утра наступившаго дня завязался бой съ казаками, занявшими Пулковскія высоты. Матросы и рабочія дружины пошли въ наступленіе и, неся огромныя потери, упорно вели атаки. Батарея казаковъ неоднократно переходила на картечь, настолько упорны и настойчивы были атаки большевиковъ. Видя упорство атакующихъ и свое одиночество, казаки черезъ нѣсколько часовъ боя, не понеся особенныхъ потерь, а просто подъ вліяніемъ моральнаго упадка духа начали отступленіе, знаменовавшее собой побѣду большеви-

ковъ. Будь наканунѣ Керенскій болѣе активенъ, забудь онъ хотя бы на одинъ день свой методъ уговоровъ и открой казачья батарея свой огонь не въ 3 часа дня, а въ 9 часовъ утра, исходъ большевицкаго возстанія былъ бы несомнѣнно другой.

3-го ноября были назначены торжественныя похороны жертвъ революціи Царскосельскаго гарнизона. Такъ какъ налицо ихъ было очень мало, человекъ 10-12, то рѣшили прихватить и 4-хъ санитаровъ, которыхъ отправилъ къ праотцамъ снарядъ Шаруна. Съ большой помпой и шумомъ похоронили всѣхъ въ паркѣ противъ Александровскаго дворца.

Въ полку жизнь первоначально шла прежнимъ порядкомъ, но болѣзнь полковника Вальдена принесла первую большевицкую ласточку. Временно командующимъ полкомъ полковой комитетъ назначилъ поручика Смолина, бывшего подпрапорщика 3 роты, произведеннаго въ офицеры за боевыя отличія въ 1916 году. Съ этого момента началась полная анархія въ полку. Занятія въ полку прекратились, писаря заходили въ канцелярію больше изъ любопытства, чѣмъ для работы, отчетность запускалась, начались массовыя самовольныя отлучки.

Помимо начальника хозяйственной части полка въ полку еще состоялъ хозяйственный комитетъ изъ представителей стрѣлковъ по одному стрѣлку отъ каждой роты и команды. Предсѣдателемъ хозяйственнаго комитета состоялъ уже ранѣе упоминавшійся старшій унтеръ-офицеръ Шарунъ. Начальникъ хозяйственной части полка членомъ хозяйственнаго комитета не состоялъ, но его приглашали на засѣданія комитета съ правомъ совѣщательнаго голоса. Занимался комитетъ разговорами о различныхъ способахъ хозяйственныхъ заготовокъ для питанія полка, такъ какъ въ то время интендантство часто отказывало въ отпускѣ нѣкоторыхъ продуктовъ питанія. Припоминается, что при содѣйствіи хозяйственнаго комитета были командированы въ Самарскую губернію старшій унтеръ-офицеръ Губаревъ, доставившій оттуда два вагона муки, и въ Вологодскую губернію — старшій унтеръ-офицеръ Воронинъ, закупившій тамъ 250 пудовъ сливочнаго масла. По прибытіи этого масла въ Петроградъ оно было реквизировано Петроградскимъ продовольственнымъ комитетомъ. Выручать это масло первоначально выпало на меня, но я не добился успѣшныхъ результатовъ. Тогда хозяйственный комитетъ съ благословенія полкового комитета командировалъ къ предсѣдателю Петроградскаго продовольственнаго комитета товарищу Бадаеву вооруженную полуроту. Послѣ долгихъ разговоровъ и угрозъ удалось получить обратно и привезти въ Царское Село 125 пудовъ

масла, а за остальные 125 пудовъ масла получить деньги по дѣйствительной цѣнѣ. Для своихъ операцій хозяйственный комитетъ бралъ деньги изъ суммъ полковой лавочки.

Поползли слухи о скоромъ мирѣ и хозяйственный комитетъ полка, подъ предсѣдательствомъ старшаго унтеръ-офицера Шаруна, приступилъ къ учету всего имущества полка на предметъ дѣлежа и перевода всего, что можно, въ звонкую монету. Быстро распродали полковую лавочку, распродали остатки строительныхъ матеріаловъ отъ постройки новыхъ казармъ, продали инструменты и матерьялы полковыхъ мастерскихъ, такъ какъ они болѣе никому не были нужны за отсутствіемъ желающихъ работать. Хозяйственный комитетъ пыталъ, потѣлъ и сопѣлъ надъ отчетными книгами полка дореволюціоннаго времени, безцѣльно ища въ нихъ какихъ-либо криминаловъ. Учетъ забытыхъ до отказа полковыхъ цейхгаузовъ носилъ прямо юмористическій характеръ. Для счета обмундированія ежедневно дѣлался нарядъ въ 35—40 стрѣлковъ, которые умудрялись къ моменту окончанія работъ надѣвать на себя по 2-3 смѣны бѣлья, по 2 суконныя гимнастерки и двое шароваръ и въ такомъ видѣ покидать складъ. Черезъ двѣ-три недѣли, обнаруживъ эти хищенія, полковой комитетъ разразился въ приказѣ по полку истерикой, призывая стрѣлковъ къ революціонной честности, дисциплинѣ и т. д. Послѣ этого приказа учетъ продолжался и была обнаружена массовая нехватка среди уже пересчитанныхъ предметовъ обмундированія. Вскорѣ учетъ совсѣмъ прекратился, такъ какъ хищенія шли прежнимъ порядкомъ.

Наступилъ 1918 годъ. Полкъ изъ-за массоваго дезертирства замѣтно порѣдѣлъ. Довольствіе полка становилось еще болѣе труднымъ. Въ интендантскихъ складахъ часто наступали періоды отсутствія то однихъ, то другихъ продуктовъ. Большую поддержку въ это время мнѣ оказала артель въ 30 стрѣлковъ-рыбаковъ, отпущенныхъ мною въ началѣ ноября домой въ низовья Волги съ тѣмъ, что они ежемѣсячно будутъ высылать въ полкъ 600 пудовъ малосоленой рыбы изъ своего улова. Рыба поступала регулярно, очень хорошаго качества и стоила полку гроши, такъ какъ мы несли расходы только за тару и соль.

Слухи о мирѣ все больше и больше занимали умы стрѣлковъ. Увольненіе по домамъ стрѣлковъ старшихъ сроковъ службы еще болѣе усилило въ нихъ надежду на скорый миръ. Шарунъ ускореннымъ темпомъ перегонялъ все, что было можно, на деньги, и хозяйственный комитетъ обзавелся своимъ отдѣльнымъ денежнымъ ящикомъ, обѣщая стрѣлкамъ при дѣлежѣ золотыя

горы. Шли разговоры о продажѣ казармъ, искали покупателя. Пока что начали продажу обстановки офицерскаго собранія и офицерскихъ вещей, сложенныхъ въ складъ при выступленіи въ походъ. Много стрѣлковъ устроились на частную службу въ Петроградъ и возвращались лишь по вечерамъ въ казармы, какъ въ свою квартиру.

У меня тоже возникъ квартирный вопросъ. Послѣ женитьбы мы устроились въ новомъ офицерскомъ флигелѣ. Однажды ночью мы съ женой приняли холодный душъ; жильцы надъ нами заморозили водопроводъ и изъ лопнувшихъ трубъ насъ окатило изряднымъ количествомъ холодной воды. Попытка исправить трубы не имѣла успѣха, никто не желалъ работать. И въ дальнѣйшемъ не было гарантіи въ неповтореніи подобныхъ душей. Переѣхалъ въ старый офицерскій флигель въ квартиру, ранѣе занимаемую полковникомъ Седергольмомъ. Она была свободна и прошлой осенью была прекрасно отремонтирована полковникомъ Матвѣевымъ. Квартирный вопросъ былъ улаженъ и я проживалъ, какъ недорѣзанный буржуй, въ прекрасной барской квартирѣ.

Возникъ новый — продовольственный вопросъ. Комитетъ Шаруна началъ сильно интересоваться продуктовымъ складомъ и сталъ готовиться къ его ликвидаціи. Тамъ дѣйствительно было чѣмъ поживиться. Запасы нѣкоторыхъ продуктовъ были огромны. Сахаръ, рисъ, мука, хлопковое масло имѣлись въ очень большомъ количествѣ. Завѣдовалъ складомъ старшій унтеръ-офицеръ Елкинъ, очень не сочувствовавшій всѣмъ революціоннымъ завоеваніямъ. Въ виду ожидаемой перспективы онъ, по собственной инициативѣ, предложилъ меня снабдить всѣми продуктами. Изъ перенесенныхъ въ мою квартиру запасовъ я смогъ оказать продовольственную помощь и нашимъ офицерамъ, обосновавшимся въ Петроградъ и открывшимъ тамъ табачный магазинъ.

Приближалась весна. Полкъ таялъ, какъ весенній снѣгъ. Изъ 6000 ѣдоковъ остались 1500—2000. Дѣятельность Шаруна продолжала процвѣтать, но на него стали нажимать стрѣлки, требуя дѣлежа денегъ. Хитрый хохоль подъ разными предлогами оттягивалъ дѣлежъ. Полковой оркестръ, пользовавшійся вполнѣ заслуженной славой за свою игру, нанялся играть въ Тверскую Мануфактуру и подъ командой старшаго унтеръ-офицера Петрова уѣхалъ въ Тверь.

Въ февралѣ, какъ снѣгъ на голову, свалились свѣдѣнія о прорывѣ нѣмцевъ и движеніи ихъ на Псковъ-Лугу-Нарву. Паника была неописуемая. Раздавались истерическіе вопли ораторовъ на митингахъ съ требованіемъ

итти на фронтъ защищать «красный октябрь», но всѣ призывы были тщетны. Брошенный въ армію лозунгъ «по домамъ» взялъ окончательно верхъ. Шарунъ сталъ экстренно дѣлать продовольственный складъ и цейхгаузъ и выдалъ каждому стрѣлку по 20 рублей. Послѣдняя цифра вызвала взрывъ ругани по адресу Шаруна, но спорить было некогда. Нѣмцы наступали, да и ссвдепъ, видя настроеніе «авангарда революціи», поставилъ определенное требованіе полку разѣхаться по домамъ въ 48 часовъ, грозя въ противномъ случаѣ прислать матросовъ для ускоренія демобилизаціи. Матросскій аргументъ сыгралъ роль пресловутаго скипидара. Казармы опустѣли. Гвардій 2-й стрѣлковый Царскосельскій резервный полкъ пересталъ существовать.

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ разѣзда стрѣлковъ по домамъ, проходя мимо казармъ, я увидѣлъ извозчика съ нагруженными на него чьими-то солдатскими вещами. Вдругъ изъ дверей казармы появился Шарунъ въ киверѣ, въ погонахъ, при саблѣ и шпорахъ, съ карабиномъ черезъ плечо и, поздоровавшись со мною, бросилъ извозчику: «На вокзалъ, 25 рублей». Бѣдный ванька, получавшій въ это время за такой конецъ 1½ рубля, сдѣлалъ недоумѣвающее лицо, но началъ снимать съ саней на землю солдатскія вещи своего прежняго сѣдока. Шарунъ быстро возвратился съ двумя объемистыми чемоданами, поставилъ ихъ на сани, самъ сѣлъ, проѣзжая мимо меня, остановившагося наблюдать эту сцену, взялъ подъ козырекъ и, хитро улыбаясь, сказалъ: «Счастливо оставаться, господинъ капитанъ. Вотъ видите, все въ порядкѣ. Полкъ впереди, денежный ящикъ сзади», при этомъ онъ многозначительно хлопнулъ себя по груди. По самымъ скромнымъ подсчетамъ онъ увезъ больше 100.000 рублей.

Тихо и пусто въ Царскомъ. Живу на положеніи свободнаго гражданина. Въ Петроградѣ понемногу происходятъ аресты офицеровъ, а потому совмѣстно съ другими полковыми офицерами начали думать о вредѣ Петроградскаго климата и желательности своевременной эвакуаціи въ другія мѣста. Намѣтили Сибирь, Алтай, городъ Бійскъ. Проектировали тамъ организовать совмѣстную торговлю, сельское хозяйство, вообще мирный трудъ. Выработывали маршрутъ и эшелонированіе группы. Рѣшили: К. М. Ткачевъ, А. А. Тюнеговъ, А. В. Круглевскій, Б. П. Николаевъ съ женой, С. И. Залѣвскій, Б. К. Котляровъ съ женой и я съ женой.

Послѣ Пасхи, распродавъ съ женой все наше имущество, переѣхали въ Петроградъ. Вскорѣ, по слухамъ, началось въ Сибири возстаніе бѣлыхъ. Такъ какъ въ Питерѣ больше дѣлать было нечего, то мы стали собираться

къ отъѣзду. Рѣшили ѣхать съ женой налегкѣ. Я — во всемъ штатскомъ, запасшись паспортомъ на имя демобилизованнаго писаря Гвардіи 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго резервнаго полка. Кромѣ паспорта у меня еще было переселенческое свидѣтельство, выданное изъ Переселенческаго управленія. Послужной списокъ тоже былъ со мной. Приобрѣтены были желѣзнодорожные билеты на 5-е іюня до г. Рыбинска, дальше маршрутъ намѣчался по Волгѣ до Самары. До Рыбинска дѣхали въ спальномъ купе 1 класса, какъ въ доброе старое время. Такъ какъ пароходъ отходилъ черезъ сутки, то остановились въ гостиницѣ. О своемъ проѣздѣ оставилъ письмо по условленному адресу. Мы еще спали въ гостиницѣ, какъ вдругъ часовъ въ 5 утра послѣдовалъ стукъ въ дверь и раздались голоса: «провѣрка документовъ». Отворилъ дверь; за нею — матросы и чернявый типъ въ кожаной курткѣ. Показалъ писарской паспортъ и переселенческое свидѣтельство. Послужной списокъ и браунингъ лежали на ночномъ столикѣ, прикрытые фуражкой. Начали обыскивать чемоданы. Въ головѣ только одна мысль, а вдругъ подымутъ фуражку. Все сошло благополучно, ушли. Обыскъ продолжался въ сосѣднихъ номерахъ. По возвращеніи оттуда обыскивающіе снова отворили дверь въ мой номеръ, и матросъ, пристально смотря мнѣ въ лицо, сказалъ: «А все-таки по рожѣ вижу, что это офицеръ»; но и на этотъ разъ все сошло благополучно. Не придавъ должнаго вниманія этой фразѣ, товарищи снова покинули номеръ. Послѣ ихъ ухода было только одно желаніе — скорѣе на пароходъ, подальше отъ гостиницы. Часовъ въ 8 утра отправились на пристань и по пути узнали отъ швейцара, что Рыбинскъ объявленъ на осадномъ положеніи. Былъ якобы раскрытъ заговоръ. Шли обыски и аресты въ городѣ. Это извѣстіе еще больше усилило наше желаніе покинуть городъ. У пристани стоялъ пароходъ, на который еще наканунѣ нами были взяты билеты. Отходъ парохода былъ назначенъ на вечеръ, поэтому посадки пассажировъ еще не было. Пошелъ къ капитану и просилъ его въ видѣ исключенія разрѣшить намъ погрузиться сейчасъ. Получивъ согласіе, поспѣшилъ обратно въ гостиницу за вещами, потребовалъ счетъ и съ большимъ удовольствіемъ покинулъ гостиницу, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ пережилъ визитъ «товарищей», который могъ кончиться весьма печально.

Погрузились на пароходъ и съ нетерпѣніемъ ожидали вечера. Вотъ и третій гудокъ, отчалили и плавно пошли внизъ по Волгѣ. На утро Ярославль. У меня съ нимъ сохранилось много воспоминаній по кадетскому корпусу. Вышли съ женой на берегъ пройтись по знаменитымъ липовымъ бульварамъ. Изъ разговоровъ съ новыми пассажирами и изъ газетъ узнали, что бѣлое движе-

ніе успѣшно развивается и что Самара взята бѣлыми. Черезъ два часа пароходъ двинулся дальше. Все шло благополучно. Прошли Нижній и приближались къ Казани. Въ Казани вновь оставилъ условленный слѣдъ о своемъ проѣздѣ. Здѣсь мы начали уже чувствовать наше приближеніе къ фронту гражданской войны. У пристани шла погрузка красноармейцевъ, пушекъ и интендантскихъ грузовъ. Нашимъ пароходомъ никто не интересовался; послѣ положенной остановки пошли дальше на Симбирскъ.

Здѣсь насъ ожидала масса сюрпризовъ и новостей. Во-первыхъ, дальше насъ отказывались пропускать, такъ какъ бѣлые быстро шли отъ Самары вверхъ по Волгѣ; во-вторыхъ, потребовали освободить пароходъ для нуждъ военнаго командованія. Положеніе создалось не очень пріятное. Послѣ митинга пассажировъ рѣшили итти въ совдепъ и требовать немедленной отправки дальше внизъ на Самару. Отправились толпой въ три-четыре тысячи человекъ. Орали, кричали, ругались, грозились у зданія совдепа и наконецъ добились согласія на предоставленіе трехъ баржъ съ буксирнымъ пароходомъ, кои повезутъ насъ дальше черезъ фронтъ. Началось переселеніе съ пароходовъ на баржи. Я совместно съ нѣсколькими другими лицами устроился на ведущемъ насъ буксирѣ «Портъ-Артуръ» въ каютѣ команды, уплативъ за это нѣкоторую мзду товарищамъ матросамъ. Совдепъ потребовалъ у каждого отъѣзжающаго наличіе спеціального пропуска. Сошелъ на берегъ къ мѣсту выдачи пропусковъ на одной изъ пристаней и довольно быстро получилъ таковой. Здѣсь мнѣ очень помогло переселенческое свидѣтельство, а особенно мастичный штампъ «Народный Комиссаріатъ Земледѣлія», сдѣланный поверхъ стараго министерскаго бланка. Товарищъ, которому я предъявилъ это свидѣтельство, что-то медлил съ выдачей пропуска, но мое указаніе на штампъ привело его въ умиленіе и съ любезной улыбкой на лицѣ со словами: «Ну, если нашъ Народный Комиссаріатъ Земледѣлія выдалъ вамъ документъ, то мы не въ правѣ васъ задерживать», товарищъ выдалъ мнѣ пропускъ. На слѣдующее утро двинулись въ дальнѣйшій путь. Шли медленно, на ночь становились на якорь. У пристаней мѣстные жители снабжали насъ массой самыхъ разнообразныхъ слуховъ. Говорили о близости бѣло-краснаго фронта и о свирѣпыхъ обыскахъ въ селѣ Богородскомъ, гдѣ якобы отбираютъ всѣ деньги, свыше 500 рублей, и излишки вещей, по усмотрѣнію обыскивающихъ. Въ село Богородское мы должны были прійти подъ вечеръ и тамъ ночевать. Въ связи съ этими слухами явилась новая забота, какъ быть съ деньгами, а ихъ у меня было съ собой довольно много; кромѣ денегъ меня беспокоили послужной списокъ

и браунингъ. Рѣшился итти къ капитану буксира и посовѣтоваться съ нимъ насчетъ денегъ и прочаго. Капитанъ, уже водившій баржи черезъ фронтъ, подтвердилъ наличіе обысковъ. Онъ предполагалъ, что его обыскивать не будутъ, и соглашался взять на храненіе всѣ мои излишки. Отдалъ капитану документы, револьверъ и большую часть денегъ, остальные деньги тщательно спряталъ въ своихъ вещахъ.

Вскорѣ подошли къ Богородскому. Поставивъ баржи противъ теченія на якоря, буксиръ остановился у крайней баржи къ пристани. Человѣкъ 10—15 кожаныхъ куртокъ съ кольтами и винтовками начали обыскъ съ крайней дальней отъ насъ баржи. Изъ любопытства пошелъ посмѣтрѣть на процедуру обыска. Впечатлѣніе было неутѣшительное: буквально трясли каждую вещь, нѣкоторыхъ раздѣвали до нага, провѣряли документы и многимъ, главнымъ образомъ молодымъ, отказывали въ дальнѣйшемъ правѣ прѣзда. Солнце сѣло за горизонтъ, стало быстро темнѣть. Это внесло надежду, что очередь обыска на буксирѣ дойдетъ уже въ полной темнотѣ и что тщательный обыскъ болѣе 2000 человѣкъ изрядно надоѣстъ товарищамъ. Мои предположенія вполнѣ оправдались. Осмотръ послѣдней баржи происходилъ въ полной темнотѣ и очень поверхностно; главнымъ образомъ освѣщали фонаремъ физиономіи и по получаемому впечатлѣнію дѣлали свое заключеніе о возможности дальнѣйшей поѣздки. Невольно всталъ въ памяти рыбинскій обыскъ и слова матроса о моей «офицерской рожѣ». Но обыскивающіе у насъ на буксирѣ, быстро пройдя по нему, бросили нѣсколько указаній капитану и безъ всякаго обыска сошли на берегъ, уведя съ собой 50—60 человѣкъ, лишенныхъ права дальнѣйшаго слѣдованія. Всѣ вздохнули свободнѣй, такъ какъ на слѣдующій день около полудня должны были быть у бѣлыхъ.

Съ разсвѣтомъ пошли дальше, вывѣсивъ предварительно на всѣхъ мачтахъ бѣлыя простыни въ знакъ нашихъ самыхъ мирныхъ замысловъ. Часовая стрѣлка подвигалась къ полудню. Скоро долженъ былъ быть городъ Сенгелей, уже занятый бѣлыми. Недалеко отъ него шелъ навстрѣчу подъ трехцвѣтнымъ флагомъ вооруженный пушкой и пулеметами буксиръ бѣлыхъ и подалъ намъ сигналъ объ остановкѣ. Баржи стали на якоря. Бѣлый буксиръ подошелъ къ намъ вплотную, всѣ радостно его привѣтствовали. Произошла неожиданная встрѣча командира бѣлаго буксира со своимъ роднымъ братомъ, который вмѣстѣ со своей молоденькой женой совершали путь на нашемъ буксирѣ въ одной каютѣ съ нами. Двинулись дальше къ Са-

марѣ. Капитанъ возвратилъ мнѣ въ полной сохранности все сданное ему на храненіе и получилъ отъ меня въ благодарность 500 рублей.

Придя въ Самару и переѣхавъ въ гостиницу, мы съ женой рѣшили здѣсь немного отдохнуть.

Сибирь.

Вскорѣ мы съ женой двинулись въ дальнѣйшій путь на Алтай и благополучно доѣхали до города Бійска. Совершая этотъ переѣздъ, мы удивлялись обилію всякой снѣди, которую крестьянки выносили къ проходящимъ поѣздамъ: бѣлый хлѣбъ, масло, молоко, сыръ и горы всякой домашней и дикой жареной птицы. И это въ то самое время, когда Петроградъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сидѣлъ безъ всѣхъ этихъ продуктовъ.

Бійскъ довольно грязный, небольшой, въ 30.000 жителей, уѣздный городъ, но несомнѣнно городъ съ очень большимъ будущимъ. Поражало огромное количество богатыхъ людей изъ числа старожиловъ. Называли до 20-ти фамилій, имѣвшихъ состояніе больше одного милліона золотыхъ рублей, изъ нихъ человекъ 5—6 исчисляли свое состояніе отъ 5—18 милліоновъ рублей. Всѣ эти состоянія были нажиты въ короткій срокъ на торговлѣ съ мѣстными туземцами въ Алтай и въ Монголіи. Промышленность была развита слабо: нѣсколько мельницъ, кожевенный заводъ, шубно-пимокатные заводы, махорочная фабрика, брезентовый заводъ и нѣсколько маслобойныхъ заводовъ на весь огромный Алтай. Но сельское хозяйство, скотоводство, коневодство, сыровареніе были развиты чрезвычайно сильно.

По прибытіи въ Бійскъ я нѣкоторое время присматривался къ окружающей обстановкѣ и не являлся къ начальнику гарнизона. Мнѣ былъ не по душѣ явно соціалистическій духъ, бывший первое время въ бѣломъ движеніи въ Сибири: у офицеровъ не было погонъ, отданіе чести было отмѣнено. Только съ возстановленіемъ всего этого я въ началѣ августа 1918 г. явился въ комендантуру.

Назначеніе получилъ тутъ же въ г. Бійскѣ — начальникомъ Административнаго отдѣла управленія начальника Бійскаго военнаго раіона. Это учрежденіе представляло изъ себя что-то очень сложное: въ немъ были сосредоточены и гражданскія, и военныя функціи власти. На этой должности мнѣ приходилось имѣть дѣло, главнымъ образомъ, съ представителями мѣстной общественности, съ которыми у меня скоро установились хорошія отношенія и мнѣ частенько приходилось выступать посредникомъ въ ссорахъ

моего начальника, полковника Кабакова, съ разными лицами изъ мѣстной торгово-промышленной общественности. Въ Бійскѣ 18-го сентября 1918 г. у меня родилась дочь.

Вскорѣ я былъ откомандированъ въ распоряженіе Ставки въ г. Омскѣ, гдѣ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ получилъ предложеніе сформировать отрядъ Особаго назначенія для Алтайской губерніи. Пока, до выполненія всѣхъ формальностей, пришлось ѣхать въ Екатеринбургъ въ распоряженіе Начальника Военныхъ Сообщеній Сибирской арміи. У Начвосо временно сидѣлъ безъ дѣла, такъ какъ тамъ уже знали о моемъ скоромъ назначеніи по М. В. Д. Вслѣдъ за мною также благополучно пробрались къ Бѣлымъ мои полковые товарищи. Въ штабѣ арміи встрѣтилъ А. А. Тюнегова, который тамъ занималъ должность генерала для порученій. Въ Екатеринбургѣ же видѣлся съ А. В. Круглевскимъ и С. А. Агаповымъ, которые туда пріѣзжали изъ Челябинска, съ мѣста своей тогдашней службы. Съ продвиженіемъ Сибирской арміи къ Вяткѣ переѣхалъ въ Пермь и тамъ дня черезъ 3—4 получилъ приказъ о назначеніи меня начальникомъ отряда Особаго назначенія Алтайской губерніи. Одновременно приказомъ Верховнаго Правителя я былъ произведенъ въ полковники.

Въ серединѣ апрѣля 1919 г. я пріѣхалъ въ Барнаулъ и сразу же приступилъ къ формированію отряда. Отрядъ составлялся изъ добровольцевъ численностью въ 1000 человекъ пѣхоты (4-е роты), 300 конныхъ (2-ѣ сотни и конно-вьючная пулеметная команда), броневой автовзводъ и взводъ легкой артиллеріи. Притокъ добровольцевъ былъ хорошій. Условія службы въ отрядѣ прекрасныя: рядовой получалъ въ мѣсяць 340 рублей жалованья при готовомъ столѣ и обмундированіи. Насколько хорошо обстояло дѣло съ притокомъ добровольцевъ, настолько же плохи были дѣла съ матеріальной частью: не было винтовокъ, сѣделъ, обмундированія, а о бронемашинахъ и пушкахъ даже не приходилось мечтать.

Денегъ давали много и предлагали самому пріискивать возможности, чтобы одѣть и вооружить отрядъ. Конскій составъ я покупалъ на мѣстѣ, сѣдла и обмундированіе заказывалъ въ Военно-Промышленномъ комитетѣ, небольшое количество винтовокъ досталъ у начальника гарнизона. Одновременно въ Ново-Николаевскѣ шло перевооруженіе 5-й Польской дивизіи, при содѣйствіи французской военной миссіи, французскими винтовками. Поѣхалъ въ Ново-Николаевскѣ и просилъ у поляковъ освобождающіяся у нихъ русскія винтовки. Получилъ согласіе на выдачу 300 винтовокъ при условіи доставки за каждую винтовку 4-хъ пудовъ сливочнаго масла. Возвратившись

въ Барнаулъ, я подѣлился результатами своей поѣздки съ нѣкоторыми членами мѣстнаго Биржевого комитета, отъ которыхъ совершенно неожиданно получилъ обѣщаніе это дѣло устроить. Дѣйствительно въ теченіе одной недѣли я получилъ отъ Биржевого комитета въ даръ 1200 пудовъ масла, которые сразу же передалъ 5-й Польской дивизіи въ обмѣнъ на 300 винтовокъ и 30.000 патроновъ къ нимъ.

Все это было капля въ морѣ. Нужно было еще гдѣ-то достать пулеметы, недостающія винтовки и патроны къ нимъ. Неожиданно для себя блестяще разрѣшилъ этотъ вопросъ. Только-что прибывшій въ отрядъ поручикъ Можайскій, ссылаясь на свои связи и знакомства въ Омскѣ, предложилъ кое-что тамъ для отряда достать, но безъ ликеровъ и винъ этого сдѣлать не брался. Городъ Бійскъ въ 1918—1919 г.г. славился на всю Западную Сибирь какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшими ренсковыми погребями. Учтывая это, отправился въ гор. Бійскъ и безъ особаго труда получилъ изъ мѣстныхъ складовъ 400 бутылокъ винъ и ликеровъ для лѣчебныхъ надобностей отряда. Изъ нихъ 180 бутылокъ упаковалъ въ ящики и съ поручикомъ Можайскимъ направилъ въ Омскъ. Черезъ двѣ недѣли возвратился поручикъ Можайскій съ сіяющей физіономіей. Командировка дала блестящіе результаты. Было получено и привезено: 1000 винтовокъ, 500.000 патроновъ, 12 пулеметовъ системы «Санъ-Этьенъ», 18 пулеметовъ «Шоша», 250 французскихъ палашей и одинъ вагонъ бумажной и суконной мануфактуры. Воистину, бутылка хорошаго вина оказалась сильнѣе всякихъ официальныхъ просьбъ, требованій, приказовъ и распоряженій. Въ связи съ этимъ отрядъ принялъ видъ воинской части и началъ принимать участіе въ небольшихъ дѣлахъ противъ красныхъ партизанъ Рогова и Мамонтова, дѣйствовавшихъ въ это время на Алтаѣ.

Въ іюль мѣсяцѣ одна конная сотня отряда, дѣйствуя совмѣстно съ ротой 51-го Сибирскаго полка, ночевала въ селѣ Павловскомъ, въ 60-ти верстахъ отъ Барнаула и была ночью окружена большимъ отрядомъ красныхъ партизанъ въ 1200 человекъ. Занявъ по тревогѣ оборонительную позицію въ церковной оградѣ, сводный отрядъ подъ командой командира сотни моего отряда, штабсъ-капитана Рождественскаго 2-го, въ теченіе 3-хъ сутокъ отбилъ нѣсколько повторныхъ атакъ, но понесъ большія потери: 26 человекъ было убито и 45 ранено, изъ коихъ потомъ въ госпиталѣ умерло еще 11 человекъ. Кромѣ того были убиты всѣ лошади, такъ какъ каменная ограда церкви не скрывала ихъ отъ пуль противника; эти убитыя лошади служили отряду пищей во все время осады. Выручать Павловскій гарни-

зонтъ ходилъ весь наличный составъ отряда. Послѣ небольшого боя красные бѣжали, понеся за время осады и бѣгства значительныя потери. Въ этомъ бою отрядомъ было захвачено у красныхъ одно самодѣльное орудіе, стрѣлявшее гвоздями и кусками нарѣзаннаго желѣза. Это орудіе было нами привезено въ Барнауль, а при нашемъ окончательномъ уходѣ изъ города тамъ оставлено. Спустя много лѣтъ, просматривая совѣтскій журналъ, я видѣлъ въ немъ изображеніе этого орудія, какъ помѣщеннаго въ военный музей Ленинграда.

Формированіе отряда, вѣрнѣе его обученіе, я никакъ не могъ довести до намѣченнаго конца — все время приходилось высылать въ разные концы губерніи небольшія части для ликвидаціи красныхъ. Попытка протестовать противъ использованія въ борьбѣ съ красными мало обученныхъ людей и просилъ дать 1½—2 мѣсяца на обученіе отряда въ полномъ составѣ, но это по обстоятельствамъ времени не удавалось сдѣлать.

Красные партизаны все больше и больше усиливали свою дѣятельность въ Алтай. Былъ установленъ фактъ существованія, гдѣ-то въ районѣ Томска, спеціального штаба, руководившаго всей работой красныхъ партизанъ. Филиальное отдѣленіе этого штаба было раскрыто въ окрестностяхъ Бійска и при содѣйствіи одной моей сотни захвачено съ поличнымъ матеріаломъ. Всего было арестовано 23 человекъ, среди которыхъ оказалось 14 евреевъ, большинство которыхъ прибыло изъ СССР спеціально для этой работы. Ихъ всѣхъ повѣсили. Среди красныхъ партизанъ большой процентъ составляли дезертиры бѣлой арміи, которыхъ руководящій красный штабъ направлялъ на Алтай для усиленія партизанщины. Снабженіе бѣлой арміи мясомъ, масломъ, хлѣбомъ, а также обувью и теплой одеждой шло въ значительной степени съ Алтая и наличіе красныхъ партизанъ сильно тормозило снабженіе.

Осенью 1919 г. Омскъ рѣшилъ произвести основательную чистку Алтая отъ красныхъ и прислалъ для этого недавно сформированную бригаду егерей подъ командой полковника Бранденбурга. Видъ у бригады былъ прекрасный, обмундирована и вооружена отлично. Выступивъ вдоль линіи желѣзной дороги Барнауль—Семипалатинскъ, бригада должна была, двигаясь съ запада на востокъ, прижать партизанъ къ рѣкѣ Оби и здѣсь ихъ ликвидировать при помощи моего отряда и другихъ частей Барнаульскаго гарнизона. Сначала все шло гладко; отъ Бранденбурга поступалъ рядъ побѣдныхъ телеграммъ. Вдругъ связь и всякія свѣдѣнія прекратились, а черезъ 3—4 дня неожиданно появился въ Барнауль полковникъ Бранден-

бургъ съ жалкими остатками своей бригады. Оказалось, что егеря перешли на сторону красныхъ, захвативъ съ собою много офицеровъ, а также пушки, пулеметы и много боевыхъ припасовъ. Мнѣ до сихъ поръ эта трагедія осталась совершенно непонятной и необъяснимой. На формированіе егерей Омскомъ было удѣлено особое вниманіе; бригада на 75% состояла изъ интеллигентной молодежи и во всякомъ случаѣ большинство егерей имѣло законченное среднее образованіе.

При создавшейся обстановкѣ моему отряду стало очень трудно вести борьбу съ красными партизанами. Эту задачу до известной степени облегчило прибытіе въ Барнаулъ нѣкоторыхъ войсковыхъ частей 1-й Сибирской арміи, отведенныхъ съ фронта для отдыха и на пополненіе.

Поздно осенью въ районѣ города Камня Алтайской губерніи развернулась слѣдующая позорная страница изъ дѣйствій нашихъ союзниковъ. 5-ая польская дивизія была переброшена изъ Ново-Николаевска подъ Камень для борьбы съ красными партизанами. Она мастерски изобразила наступленіе на партизанъ, а еще болѣе мастерски разыграла отступленіе подъ натискомъ превосходныхъ силъ противника и буквально ограбила все мирное населеніе района Камня и самый городъ Камень. Особенно пострадалъ отъ этихъ «боевыхъ дѣйствій» госп. Винокуровъ, у котораго въ селѣ Тюменцево былъ прекрасный конскій заводъ, насчитывавшій сотни чистокровныхъ матокъ и производителей. Цѣнность этого завода была огромна для края. Учитывая это, правительство еще во время Великой войны вело съ г. Винокуровымъ переговоры о покупкѣ въ казну завода, предлагая за него болѣе 4-хъ милліоновъ рублей. Поляки начисто забрали всѣхъ лошадей, нагрузили ими и другимъ добромъ нѣсколько баржъ и пароходовъ и уплыли обратно въ Ново-Николаевскъ. Масса жалобъ, протоколовъ и всякихъ разслѣдованій было послѣдствіемъ этихъ боевыхъ дѣйствій, но все это не дало никакихъ благопріятныхъ результатовъ для пострадавшихъ лицъ. Въ эту же операцію изъ состава 5-й польской дивизіи цѣликомъ ушелъ къ краснымъ Литовскій баталіонъ.

Отходъ арміи адмирала Колчака.

Дѣла на Сибирскомъ фронтѣ въ это время шли неважно. Арміи быстро откатывались съ Урала и только на рѣкѣ Тоболѣ остановились, перейдя съ довольно большимъ успѣхомъ въ контръ-наступленіе. Въ этомъ наступленіи особенно отличилась 11-я Уральская дивизія, подъ начальствомъ гене-

раль-маіора А. В. Круглевскаго, награжденнаго за эти бои, приказомъ по арміи Верховнаго Правительства, георгіевскимъ оружіемъ. Временный успѣхъ этого наступленія вскорѣ смѣнился общимъ отходомъ, виновникомъ котораго явились украинскіе «курени», цѣликомъ перешедшіе къ Краснымъ и оголившіе фронтъ на большомъ участкѣ.

Положеніе на фронтѣ становилось катастрофическимъ. Отданъ былъ цѣлый рядъ городовъ Западной Сибири и фронтъ приближался къ Омску, который спѣшно стали эвакуировать. Въ первую очередь уѣхали наши союзники чехи, забирая огромное количество вагоновъ и нагружая ихъ до отказа всякимъ добромъ, въ видѣ сукна, тысячи пудовъ чушковой мѣди, свинца, сборудованія электрическихъ станцій, заводскихъ станковъ, десятковъ вагоновъ съ сливочнымъ масломъ и сыромъ, піанино, роялей и вообще всѣмъ тѣмъ, что имѣло валютную цѣнность. Все это было забрано чехами у «благодарнаго населенія» на Уралѣ и въ Сибири. Большинство этихъ товаровъ в послѣдствіи были проданы въ Манчжуріи и буквально забили мѣстный рынокъ. Вырученная ими за нихъ валюта послужила основнымъ капиталомъ для созданнаго въ Прагѣ банка Чешскихъ легионеровъ, существующаго и по настоящее время. Къ этому основному капиталу повидимому прилипъ и тотъ вагонъ русскаго золота, который таинственно исчезъ въ Иркутскѣ изъ общаго числа 40 вагоновъ золотого запаса правительства адмирала Колчака. Исчезновеніе вагона золотого запаса совпало съ передачей чехами охраны золота блѣднорозовому «Политическому Центру», свершившему переворотъ въ Иркутскѣ, незадолго до подхода къ нему бѣлой арміи.

Эвакуація союзниковъ шла съ полнымъ комфортомъ въ теплушкахъ, сбставленныхъ кроватями съ пружинными матрацами, мягкой мебелью и другимъ добромъ, по 8—10 нижнихъ чиновъ на вагонъ. Командный составъ совершалъ это путешествіе съ еще большимъ комфортомъ въ классныхъ вагонахъ. Русская власть на желѣзнодорожной линіи фактически перестала существовать. Всѣмъ распоряжались чехи, поляки и другія военныя миссіи союзниковъ. Все это внесло полную дезорганизацію въ планъ эвакуаціи и въ планъ общаго отхода бѣлыхъ армій. Заботясь только о собственной шкурѣ, они насильственно продвигали на востокъ свои желѣзнодорожные составы съ прекрасно вооруженными войсками чеховъ и поляковъ, силою отбирая паровозы у русскихъ эшелоновъ. Въ остановленныхъ ими русскихъ эшелонахъ погибли десятки тысячъ русскихъ женщинъ, дѣтей и стариковъ отъ голода, холода, тифа и пуль красныхъ.

Отходъ арміи намѣчался до рубежа рѣки Оби, гдѣ предполагалось

оказать сильное сопротивление краснымъ. Несмотря на большое количество Сибирскихъ казачьихъ полковъ, спеціально призванныхъ подъ ружье для защиты своей столицы, оборона на рѣкѣ Оби не удалась и Омскъ палъ. Началась эвакуація Алтая. Въ это же время стало замѣтно сильное шевеленіе эсеровъ. При благосклонномъ участіи нѣкоторыхъ омскихъ министровъ и генерала Пепеляева, командующаго 1-й Сибирской арміей, снятой съ фронта для отдыха и расположенной вдоль рѣки Оби, подготавливался политическій переворотъ.

Въ первыхъ числахъ октября 1919 г. я отправилъ на востокъ отдѣльнымъ эшелонемъ семь чиновъ отряда, въ томъ числѣ и свою, снабдивъ эшелонъ большимъ запасомъ продовольствія и спеціальной охраной.

Съ паденіемъ Омска нормальная связь съ высшимъ начальствомъ была почти утеряна; стали поступать отдѣльныя, часто противорѣчащія другъ друга распоряженія. Началь я подготавливать свой отрядъ къ долгому походу, использовавъ особенно благопріятныя условія къ снабженію его всѣмъ необходимымъ. Начальникъ конскаго запаса усиленно просилъ принять у него нѣсколько сотъ лошадей, съ которыми онъ, изъ-за отсутствія связи, не зналъ, что дѣлать; команда его на 75% разбѣжалась, некому было кормить и ухаживать за лошадьми. Военно-Промышленный комитетъ предложилъ взять сани, сбрую, полушубки, катанки — все изъ числа оплаченныхъ заказовъ Интендантства, котораго не подавало никакихъ признаковъ о своемъ существованіи и мѣстонахожденіи. Представитель министерства Снабженія просилъ помочь разгрузить его склады отъ мануфактуры и другихъ товаровъ. Всѣ и все стали давать теперь безъ денегъ и безъ всякой канцелярской переписки, удовлетворяясь лишь распиской за моей подписью. Всѣ эти предложенія я широко использовалъ. Отрядъ я прекрасно одѣлъ въ однообразные черные рсмановскіе плушубки, валенки и папахи. Отъ начальника конскаго запаса взялъ болѣе 400 хорошихъ лошадей и за счетъ сокращенія пѣхоты сформировалъ 3-ю и 4-ю сотни, а также довелъ свой обозъ до 180 коней, который смогъ поднять большое количество груза и остатокъ моей пѣхоты въ 150 человекъ.

Октябрь подходилъ къ концу. Всѣ гражданскія учрежденія выѣхали изъ Барнаула и вся власть сосредоточилась въ рукахъ командира 3-го Барнаульскаго пѣхотнаго полка полковника Камбалына, назначеннаго, какъ старшій въ чинѣ, командующимъ Барнаульской группой войскъ. Составъ этой группы былъ слѣдую-

шимъ: 3-й Барнаульскій пѣх. полкъ, полкъ Голубыхъ уланъ, Запасный Воткинскій полкъ, артиллерія дивизіи Морскихъ стрѣлковъ и мой отрядъ; всего около 2200 штыковъ, 1000 сабель при 24 пушкахъ и 38 пулеметахъ разныхъ системъ. Одновременно со сформированіемъ этой группы войскъ было получено распоряженіе Ставки удерживать во что бы то ни стало Барнаулъ до подхода 3-й арміи, которая должна была къ намъ подойти 10—11 ноября.

Въ первыхъ числахъ ноября весь Алтай былъ въ рукахъ красныхъ партизанъ численностью въ 30—40 тысячъ человекъ, и только самъ г. Барнаулъ съ мѣстностью, радіусомъ въ 8—10 верстъ, былъ еще свободенъ отъ нихъ. Городъ Бійскъ въ описываемое время былъ также оставленъ бѣлыми. Его гарнизонъ совмѣстно съ добровольческими формированіями, проведенными въ послѣдній моментъ, подъ общимъ командованіемъ капитана Сатунина, ушелъ въ глубь горъ, надѣясь продолжать борьбу, базируясь на Монголію. Подобная затѣя вполне заслуживала должнаго къ себѣ вниманія, но объ этомъ, конечно, нашимъ штабамъ надо было подумать гораздо раньше и провести по строго разработанному плану. У Сатунина все вылилось въ авантюру. Уйдя въ горы, онъ прежде всего объявилъ независимость Алтая, а себя чуть ли ни алтайскимъ царькомъ, чиня судъ и расправу главнымъ образомъ массовыми порками и мордобитіемъ. Его дѣятельность продолжалась недолго. Во время парада, устроеннаго своимъ частямъ, онъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ винтовки однимъ добровольцемъ, котораго при обходѣ войскъ ударилъ по лицу. Это событіе повліяло деморализующе на его части и большинство изъ нихъ, прекративъ всякое сопротивленіе краснымъ, ушло въ Кобдо въ Монголію. Съ Бійской группой войскъ ушелъ одинъ взводъ моего отряда, находившагося въ тотъ моментъ во временной командировкѣ въ г. Бійскѣ. Фамилія командира этого взвода прапорщика Кайгородова мнѣ, много лѣтъ спустя, неоднократно встрѣчалась въ сообщеніяхъ о дѣйствіяхъ бѣлыхъ партизанъ на Алтаѣ. Всѣ свѣдѣнія объ отрядѣ капитана Сатунина мною были получены отъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ походѣ и выбравшихся оттуда черезъ Кобдо-Улясутай-Ургу въ г. Харбинъ.

Приближалось 10-е ноября. Уже нѣсколько дней мы сидѣли безъ всякой связи съ внѣшнимъ міромъ. Желѣзнодорожныя лініи отъ Барнаула на Ново-Николаевскъ и на Семипалатинскъ были въ нѣсколькихъ мѣстахъ заняты красными партизанами, наступавшими также съ запада на г. Барнаулъ и вначалѣ легко отгонявшимися на 10—12 верстъ отъ города. Миновали

10-е, 11, 12, 13 и 14 ноября, о приближеніи какихъ-либо бѣлыхъ частей не было никакихъ признаковъ. Партизаны огромной массой подходили вплотную къ городу съ запада, съвера и юга. Оборона города еще затруднялась прилегавшимъ огромнымъ сосновымъ бѣромъ, протяженіемъ въ 100 съ лишнимъ верстъ. Съ утра, 16-го ноября, красные партизаны настойчиво пытались проникнуть въ городъ, но были отброшены съ большими для нихъ потерями. По показаніямъ плѣнныхъ атаманъ Мамонтовъ сосредоточилъ къ Барнаулу до 20 тысячъ партизанъ; къ счастью, у послѣднихъ было мало винтовокъ, лишь два пулемета и 3—4 пушки, стрѣлявшихъ рѣдкимъ огнемъ. 17-го и 18-го ноября атаки красныхъ продолжались и временно имъ даже удавалось занять нѣкоторыя наиболѣе удаленныя части города. При отраженіи красныхъ большую помощь оказывали пушки Морскихъ стрѣлковъ, имѣвшихъ огромный запасъ снарядовъ и буквально засыпавшихъ ими наступавшихъ. При такой огневой поддержкѣ мой отрядъ 17-го и 18-го числа дважды ходилъ выбивать красныхъ изъ древообдѣлочнаго завода, оба раза удачно и безъ серьезныхъ потерь. На совѣщаніи начальниковъ частей, 18-го ноября, было рѣшено въ ночь съ 18-го на 19-е оставить Барнаулъ и занять позицію на правомъ берегу р. Оби противъ самаго города, такъ какъ новая позиція имѣла массу преимуществъ для дальнѣйшей обороны. Обозы были переведены еще днемъ, а въ 9—10 часовъ вечера начался отходъ строевыхъ частей и занятіе намѣченныхъ участковъ за рѣкой Обью.

Участокъ моего отряда составила деревня Частьюнка, вплоть до желѣзнодорожнаго моста, и уступомъ вправо — село Павалиха. Въ послѣдній моментъ передъ уходомъ изъ города откуда-то съ востока подошла рота 51-го Сибирскаго полка, которая была влита въ мой отрядъ. Кромѣ этой роты моему отряду были еще приданы 6 орудій дивизіи морскихъ стрѣлковъ.

19-го ноября мы простояли спокойно на своихъ позиціяхъ противъ Барнаула, ведя лишь конную развѣдку. Красные, занявъ Барнаулъ, стали чинить судъ и расправу. Вечеромъ къ намъ перебѣжало нѣсколько жителей города, рассказавшіе жуткія сцены мести красныхъ. Отъ нихъ я узналъ о судьбѣ офицера отряда прапорщика Григорьева. Въ послѣдній моментъ, передъ уходомъ отряда изъ Барнаула, онъ совмѣстно съ начхозомъ отряда, поручикомъ Пентеговымъ, захватили изъ денежнаго ящика болѣе 500.000 рублей сибирскихъ денежныхъ знаковъ и самовольно остались въ городѣ. Они полагали остаться безнаказанными, рассчитывая на свои связи въ Алтайскомъ торномъ кооперативѣ. Однако Григорьевъ въ первый же день прихода крас-

ныхъ былъ повѣшенъ на перекладинѣ воротъ собственнаго дома. Въ дер. Частьюнкѣ пришлось разстрѣлять двухъ солдатъ отряда, замѣченныхъ въ агитаціи за переходъ къ краснымъ. Эти два случая послужили отряду хорошимъ урокомъ, и въ дальнѣйшемъ, на всемъ многотысячноверстномъ отходѣ отряда по Сибири, совершенно не было умышленно отставшихъ.

20-го ноября со стороны красныхъ проявилась нѣкоторая активность; подошелъ къ желѣзнодорожному мосту наспѣхъ оборудованный бронепоездъ, отогнанный нашимъ пулеметнымъ и орудійнымъ огнемъ. Вечеромъ, по своему почину, выслалъ одну конную сотню на усиленную развѣдку съ порученіемъ занять городскую набережную и захватить плѣнныхъ. Сотня подъ трескъ беспорядочной ружейной стрѣльбы красныхъ заскочила въ городъ, захватила пять партизанъ и вернулась, понеся потери лишь въ одного легко раненаго солдата и двухъ убитыхъ лошадей. Плѣнные подтвердили присутствіе въ городѣ большого количества партизанъ и, кромѣ того, сообщили объ ожидаемомъ скоромъ подходѣ регулярныхъ красныхъ частей. Последнее свѣдѣніе оказалось для насъ большой неожиданностью; вслѣдствіе полной оторванности, мы ничего не знали о судьбѣ бѣлыхъ армій.

21-е и 22-е ноября прошли безъ какихъ-либо измѣненій на фронтѣ; развѣдка съ нашей стороны, небольшая активность со стороны красныхъ развѣдчиковъ. Дни стояли ясные и тихіе и какъ будто ничего не предвѣщало безконечныхъ, утомительныхъ многоверстныхъ переходовъ, которые намъ вскорѣ пришлось совершать, отступая все дальше и дальше на востокъ Сибири. 23-го при штабѣ отряда рѣшили устроить традиціонныя сибирскія пельмени съ хорошей закуской и выпивкой. Надо отмѣтить, что при отходѣ изъ Барнаула на правый берегъ р. Оби Барнаульскимъ полкомъ на станціи Алтайская было обнаружено два товарныхъ состава, биткомъ набитыхъ мороженымъ мясомъ, свиной, бараниной, дичью, сливочнымъ масломъ, швейцарскимъ сыромъ и другими земными благами богатѣйшаго Алтая. Все это было распределено между войсковыми частями и въ походѣ, долгое время спустя, можно было видѣть чиновъ отряда, съ аппетитомъ уминавшихъ за одинъ присѣсть кусокъ швейцарскаго сыра фунта въ 1½-2 вѣсомъ.

Часовъ около 12 дня сѣли за столъ и только успѣли проглотить по нѣсколько пельменей, какъ гдѣ-то правѣе д. Частьюнки, въ районѣ с. Павалиха, занятой приданной мнѣ ротой 51-го Сибирскаго полка и одной сотней моего отряда при 4-хъ пулеметахъ, послышалась довольно сильная ружейная стрѣльба. Это обстоятельство нарушило нашу трапезу и заставило съ трево-

гой ждать сообщеній о причинахъ стрѣльбы, которая съ каждой минутой все усиливалась. Около часу дня пришло первое донесеніе изъ с. Павалихи отъ командира конной сотни о начавшемся сильномъ наступленіи красныхъ на с. Павалиху съ сѣверо-запада, т.-е. не со стороны Барнаула. Огонь справа все усиливался и вскорѣ къ нему присоединился огонь легкихъ пушекъ красныхъ. Приданныя мнѣ пушки не могли стрѣлять, такъ какъ изъ-за сплошного лѣса, окружавшаго с. Павалиху, и за отсутствіемъ телефоновъ нельзя было корректировать стрѣльбу на мѣстѣ боя. Около 3-хъ часовъ дня отошла изъ с. Павалиха къ дер. Частьюнка конная сотня, отъ командира которой узналъ, что красные, силою въ 1000—1200 человекъ съ большимъ количествомъ пулеметовъ и при 2-хъ орудіяхъ, заняли с. Павалиху и что рота 51-го Сибирскаго полка въ безпорядкѣ отошла въ сѣверо-восточномъ направленіи. Занявшіе Павалиху красные дальнѣйшей активности не проявили. По донесеніи о томъ командующему группой войскъ полковникъ Камбалинъ пріѣхалъ самъ ко мнѣ около 6 ч. вечера и, обсудивъ создавшееся положеніе, рѣшилъ начать дальнѣйшій отходъ въ сѣверномъ направленіи, вдоль Алтайской желѣзной дороги, съ тѣмъ, чтобы выйти на Сибирскую магистраль гдѣ-либо въ районѣ Ново-Николаевска. Для выполнения этого отхода надо было пробиться черезъ с. Павалиху, занятую красными, такъ какъ другихъ дорогъ, удобопроходимыхъ для артиллеріи и обозовъ, не было. Было рѣшено атаковать Павалиху наступавшей ночью и, въ случаѣ успѣха, пройти ее и выйти на трактъ, идущій на село Тальменку; на случай неуспѣха атаки былъ намѣченъ другой путь отхода по лѣснымъ труднопроходимымъ дорогамъ, что неизбежно повело бы къ большимъ потерямъ въ артиллеріи и обозахъ.

Ночную атаку долженъ былъ выполнить мой отрядъ. Часамъ къ 10-ти вечера я подошелъ лѣсомъ къ с. Павалихѣ, но здѣсь наше движеніе было обнаружено красными, открывшими по намъ сильный ружейный и пулеметный огонь. Утеря внезапности ночной атаки, сильно осложнила поставленную мнѣ задачу. Рѣшилъ использовать приданную мнѣ артиллерію, рассчитывая больше на ея моральный эффектъ. Вставъ на дорогу, ведущую на Павалиху, орудія открыли огонь, но первый же выстрѣлъ ознаменовался тѣмъ, что тѣло орудія, оторвавшись отъ компрессера, полетѣло назадъ и въ нѣсколькихъ саженьяхъ сзади упало въ снѣгъ. Оказалось, что французская сталь не выдерживаетъ 40-градусные сибирскіе морозы. Это свойство французскихъ орудій артиллеристамъ было извѣстно, но въ спѣшкѣ они забыли ихъ разогрѣть. Спѣшно стали ставить подъ орудія спеціально имѣвшіяся въ

батареѣ печки, разожгли дрова и только послѣ длительного согрѣванія нѣжныхъ «француженокъ» вновь открыли изъ пушекъ огонь. Послѣдній, конечно, не наносилъ краснымъ сильнаго урона, но моральное впечатлѣніе было таково, что огонь красныхъ сталъ принимать явно безпорядочный характеръ, что дало моимъ цѣпямъ возможность занять часть села. Къ этому моменту подошли остальные части группы войскъ съ полковникомъ Камбалинымъ. Онъ приказалъ мнѣ прекратить дальнѣйшее продвиженіе цѣпей впередъ и вести лишь демонстративный огонь, прикрывая проходъ войскъ черезъ занятую часть села. Выходъ частей на трактъ пршелъ вполне благополучно, несмотря на то, что его приходилось осуществлять буквально подъ самымъ носомъ у красныхъ. Часа въ 2—3 ночи я началъ свой отходъ вслѣдъ за остальными частями на с. Тальменку. За эти сутки отрядъ понесъ потери въ 9 человекъ убитыхъ и 17 раненыхъ. Положеніе послѣднихъ было чрезвычайно трудное. Медицинскій персоналъ отряда состоялъ лишь изъ двухъ очень хорошихъ классныхъ фельдшеровъ, а главное раненымъ приходилось лежать на саняхъ и все время двигаться куда-то въ неизвѣстность. Переходъ отъ Павалихи до Тальменки, верстъ 35—40, совершили благополучно, но, подойдя къ Тальменки, узнали, что село занято красными и нужно было ихъ снова выбивать. Эту задачу взялъ на себя 3-й Барнаульскій полкъ съ пулеметами моего отряда, такъ какъ ихъ пулеметы были въ отдѣлѣ отъ полка, гдѣ-то въ Томскѣ. Часамъ къ 2-мъ дня красные были выбиты изъ Тальменки и, оставивъ много убитыхъ и плѣнныхъ, ушли на сѣверъ вдоль линіи желѣзной дороги. Въ этомъ бою былъ убитъ начальникъ пулеметной команды моего отряда поручикъ Романовъ. Изъ опроса плѣнныхъ выяснилось, что мы въ тылу 30-й Совѣтской дивизіи товарища Блюхера, къ составу которой плѣнные принадлежали. Это обстоятельство заставило измѣнить планъ отступленія съ сѣвернаго направленія на сѣверо-восточное съ выходомъ на Сибирскую магистраль у города Мариинска. Переночевавъ въ с. Тальменки, мы на утро двинулись дальше большими переходами и съ большой осторожностью, чтобы скорѣе выйти изъ соприкосновенія съ 30-й Совѣтской дивизіей. Выполнить поставленную задачу удалось только черезъ 5-6 переходовъ, но за это время изъ Барнаульской группы безслѣдно исчезъ Воткинскій запасный полкъ, двигавшійся по отдѣльному самостоятельному маршруту. Попытки обнаружить его нашей развѣдкой, высланной на путь его движенія, не дали никакихъ результатовъ. На первомъ или второмъ переходѣ отъ селенія Тальменки обнаружили печальные слѣды

роты 51-го Сибирскаго полка, покинувшей свои позиціи у с. Павалихи. Командиръ роты поручикъ Степановъ, офицеры и часть надежныхъ солдатъ были ночью перебиты, а рота перешла къ краснымъ.

Раіонъ нашего движенія къ г. Маріинску былъ занятъ красными партизанами Рогова и Щетинина, уже въ теченіе 5—6 мѣсяцевъ бывшими полными хозяевами положенія. Въ селахъ вездѣ были введены совдепы, церкви во многихъ мѣстахъ сожжены; населеніе при нашемъ приближеніи въ рядѣ деревень разбѣгалось въ тайгу, напуганное разказами красныхъ партизанъ о нашихъ звѣрствахъ. Наше появленіе для красныхъ партизанъ, приготовлявшихся къ встрѣчѣ красныхъ войскъ, было полной неожиданностью. Иногда это ожиданіе красныхъ мы использовали въ своихъ цѣляхъ. Высылая впередъ небольшую часть съ красными бантами и флагами, мы входили въ связь съ красными партизанами и при ихъ помощи организовывали себѣ въ селахъ торжественную встрѣчу при участіи совдеповъ въ полномъ составѣ. Эти встрѣчи иногда дорого обходились краснымъ. Въ селѣ Маслянино Томской губерніи совдепъ въ полномъ составѣ, въ 21 человекъ, послѣ встрѣчи былъ нами повѣшенъ на телеграфныхъ столбахъ передъ своимъ зданіемъ. Красный цвѣтъ часто дѣйствовалъ намъ на пользу. Въ одномъ селѣ, покинутомъ жителями, я приказалъ вывѣсить надъ домами красныя тряпки; спустя часа два въ село вернулись сотни жителей, а также прибыли партизаны съ важными письменными донесеніями. Въ такой обстановкѣ мы двигались почти до самого г. Маріинска, за одинъ-два перехода до котораго вошли въ связь съ арьергардами отступавшей арміи адмирала Колчака. За всѣ эти долгіе переходы пришлось быть свидѣтелемъ многихъ тяжелыхъ картинъ, особенно при проходѣ Томской тайги и Маріинской тайги. Передъ моими глазами еще сейчасъ стоитъ узкая таежная дорога, тянущаяся на 120—150 сличнимъ верстъ безъ всякаго жилья. Жуткая тишина этой щели въ вѣковомъ лѣсу, при 40-градусномъ морозѣ, нарушалась только пискомъ рябчиковъ, да бредомъ и стонами больныхъ и раненыхъ людей. Медленно, гуськомъ, другъ за другомъ, ѣхали конные люди и двигались сани. По мѣрѣ продвиженія вглубь все чаще попадались сброшенные съ дороги въ сугробы сани и лошади; часто на саняхъ лежали трупы людей, а попадались и еще живые люди, выбившіеся изъ силъ въ борьбѣ съ сибирской тайгой. Угрюмо и молча проходили мимо нихъ тысячи здоровыхъ людей, въ душѣ сознавая, что можетъ быть завтра или немного позже ихъ ждетъ такая же участь.

Барнаульская группа войск, войдя въ районъ арьергардовъ арміи, подь вліяніемъ общаго безпорядочнаго движенія и хаоса потеряла единство управления и разбилась на рядъ самостоятелно двигавшихся частей. Учитывая всю невыгодность движенія въ арьергардѣ — отсутствіе фуража, продовольствія, смѣны конскаго состава — я рѣшилъ выходить усиленными переходами въ голову арміи, что мнѣ и удалось осуществить при подходѣ къ городу Красноярску.

Вспоминая прошлое, не могу умолчать о странномъ безпокойствѣ, охватывавшемъ меня въ минуты особой опасности и заставлявшемъ меня дѣйствовать подь натискомъ какого-то непонятнаго предчувствія. Это особое чутье дважды избавляло мой отрядъ отъ полной гибели или во всякомъ случаѣ отъ очень большихъ потерь.

Первый случай былъ при проходѣ Маринской тайги. Отрядъ, подойдя въ сумеркахъ, расположился на отдыхъ въ небольшой дереушкѣ, лежащей у самого входа въ тайгу. Деревня была набита самыми разнообразными частями арміи до отказа. Изъ разспросовъ выяснилось, что нѣкоторыя части ждутъ уже около сутокъ своей очереди для входа въ таежную щель и дальнѣйшаго движенія на востокъ. Высланная мною развѣдка донесла, что нѣтъ никакой надежды рассчитывать попасть вскорѣ въ ленту саней, втягивающихся въ тайгу. Поэтому я рѣшилъ заночевать въ дереушкѣ. Часовъ въ 11 или 12 ночи меня начала мучить мысль о неизбежности драмы, если красные вздумали бы насъ атаковать въ этой ловушкѣ. Реальныхъ причинъ для возможности такой атаки не было никакихъ. Лично я уже давно не видалъ красныхъ войскъ, а партизаны пока что были также въ этомъ районѣ мало активны. Однако навязчивость мысли о возможномъ нападеніи заставила меня въ 3 часа ночи отдать приказъ — бросить пулеметы «Санъ-Этьенъ», предварительно испортивъ ихъ, бросить всѣ излишнія сани, за исключеніемъ 15 съ больными и ранеными и, посадивъ всѣхъ людей отряда верхомъ, двинуться дальше. Подойдя къ входу въ тайгу, мы начали движеніе гуськомъ по снѣгу цѣлиной вдоль края дороги, съ трудомъ продвигая оставшіяся 15 саней. Наше движеніе вызвало неистовую ругань со стороны ожидавшихъ своей очереди частей. Я приказалъ продираться во что бы то ни стало и использовать малѣйшую возможность выхода на санную дорогу, такъ какъ продолжительное движеніе по снѣгу, доходившему лошадямъ чуть ли не до брюха, несомнѣнно, могло печально закончиться для отряда. Пройдя такимъ порядкомъ по сплошному снѣгу 350—500 сажень, головѣ второй сотни удалось заскочить на дорогу, воспользовавшись слу-

чайно образовавшимся разрывомъ въ непрерывно двигающейся лентѣ саней. Слѣдомъ за второй сотней втянулась голова отряда и вообще весь отрядъ. Этотъ нашъ маневръ вызвалъ вновь неистовый ревъ ругани очутившихся сзади людей. Но дальше мы уже медленно продвигались по твердой укатанной дорогѣ. Пройдя версть 5—6, услышали сзади себя сильную беспорядочную стрѣльбу. Только выйдя изъ тайги, узнали, что причиной стрѣльбы было нападеніе большого отряда красныхъ партизанъ Щетинина на деревушку и захватъ ими почти безъ сопротивленія въ плѣнъ многотысячной массы людей, ожидавшихъ своей очереди входа въ тайгу.

Случай, подобный описанному, произошелъ со мной еще разъ на станціи Кемчугъ, гдѣ я также среди ночи подъ вліяніемъ какого-то необъяснимаго безпокойства поднялъ людей и ушелъ съ отрядомъ дальше на востокъ. На разсвѣтѣ Кемчугъ былъ атакованъ красными и въ ихъ руки попали обозы, артиллерія и масса плѣнныхъ. Кемчугъ представлялъ изъ себя сплошь забитое и заставленное санями, лошадьми и людьми многотысячное скопище временъ Батыя или Чингисхана и выйти оттуда подъ пулями можно было дѣйствительно только чудомъ. Позже оказалось, что одновременно со мною ночевали въ Кемчугѣ наши Царскосельскіе стрѣлки А. В. Круглевскій и С. И. Залѣсскій. Они выскочили оттуда подъ пулями красныхъ относительно благополучно, но число бойцовъ въ дивизіи Круглевскаго послѣ Кемчуга уменьшилось сразу на 50 процентовъ. Здѣсь погибли многіе мои знакомые по Сибирской арміи, въ томъ числѣ: генераль-маіоръ Биснекъ, генеральнаго штаба генераль-маіоръ Церетели со своимъ штабомъ отдѣльной конной бригады атамана Анненкова, полковникъ Андрушкевичъ съ полкомъ Голубыхъ уланъ и многіе другіе.

Отрядъ большими переходами быстро продвигался все дальше и дальше на востокъ среди многотысячной никѣмъ неруководимой арміи адмирала Колчака. Каждая войсковая часть шла по своему собственному почину и усмотрѣнію. Давно была утеряна связь съ высшими штабами и съ красными регулярными войсками. Гдѣ послѣднія находились, никто не зналъ, да какъ-то и не интересовались. У всѣхъ была одна мысль — подальше на востокъ, какъ будто тамъ насъ ожидало что-то особенно радостное, свѣтлое и пріятное. Подошли къ городу Щеглову съ надеждой въ немъ немного отдохнуть, помыться и пополнить свои запасы чая, сахара, бѣлья и медикаментовъ, но городъ оказался занятымъ красными партизанами. На встрѣчу моему отряду уже двигалось нѣсколько тысячъ саней съ людьми, въ паникѣ

метущихся отъ города въ разныя стороны съ цѣлью обойти городъ другими путями. Остановивъ отрядъ въ деревнѣ, расположенной въ 1—2 верстахъ отъ Щеглова, я выслалъ въ сторону города развѣдку, а самъ пытался среди метущихся начальниковъ частей найти желающихъ принять участіе въ атакѣ города. Увы, въ большинствѣ случаевъ меня даже не достаивали мотивированнымъ отказомъ, а просто молча начинали усиленно «понужать», что на сибирскомъ жаргонѣ значитъ погонять, лошадей. Грустно было смотреть на эту картину и сознавать, что это были тѣ самые люди, которые всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ творили патныя чудеса въ горахъ Урала и на путяхъ къ Волгѣ.

Высланная мною развѣдка, попавъ при приближеніи къ окраинѣ города подъ сильный обстрѣлъ, вернулась назадъ, но привела съ собой бѣжавшаго изъ города жителя, со словъ котораго я узналъ, что въ Щегловѣ 1200—1500 красныхъ партизанъ. Количество, конечно, небольшое, но все-таки непосильное для одолѣнія однимъ моимъ отрядомъ, въ которомъ въ это время было человѣкъ 500—600 боеспособныхъ людей при 18-ти пулеметахъ «Шоша». Рѣшилъ послѣдовать примѣру другихъ частей и обтекать городъ съ сѣверной стороны. Вытянувъ отрядъ на только-что пройденную мною дорогу, я прошелъ по ней въ обратномъ направленіи 2—3 версты, какъ встрѣтилъ большую санно-конную колонну, двигавшуюся на г. Щегловъ. Изъ опросовъ неожиданно узналъ, что это остатки 11-й Уральской дивизіи, которою командовалъ мой однополчанинъ генераль-маіоръ А. В. Круглевскій. Разыскалъ его сани въ серединѣ колонны и нашелъ къ своему удовольствію въ нихъ не только А. В. Круглевскаго, но и С. И. Залѣскаго. Послѣ радостныхъ привѣтствій сообщилъ о занятіи города Щеглова красными партизанами и о неоправдавшихся надеждахъ отдохнуть въ немъ. Въ два счета мы сговорились съ генераломъ Круглевскимъ объ атакѣ города. Въ 11-й Уральской дивизіи сохранилось около 2000—2500 бойцовъ при пулеметахъ и даже при нѣсколькихъ орудіяхъ, возимыхъ правда въ разобранномъ видѣ на саняхъ. Быстро заняли только-что оставленную мною деревню и, расположивъ въ центрѣ пѣхотныя цѣпи, а на флангахъ поставивъ конныя части, начали наступленіе на городъ. Сибирскіе красные партизаны, по опыту моихъ неоднократныхъ столкновеній съ ними, никогда не принимали атаки и при приближеніи къ нимъ наступающихъ на 500—700 шаговъ начинали утекать. И на этотъ разъ они остались вѣрны себѣ и при указанномъ сближеніи пытались удрать. Однако, они, видимо, прозѣвали быстрое охватывающее движеніе нашихъ конныхъ частей и попались подъ ихъ уда-

ры. На слѣдующій день нами было собрано на мѣстѣ боя болѣе 300 труповъ красныхъ партизанъ.

Въ городѣ красными были сожжены соборъ и разстрѣлено нѣсколько десятковъ мѣстныхъ буржуевъ и интеллигентовъ. Отдохнувъ здѣсь три дня, пополнили свои запасы чая, сахара, табаку и медикаментовъ и, принявъ въ свои ряды нѣкоторое число добровольцевъ, двинулись дальше. Движеніе частей продолжало итти все тѣмъ же хаотическимъ, безобразнымъ порядкомъ. Нѣкоторыя дороги такъ забивались отступающими войсками, что въ лежащихъ на нихъ селахъ нельзя было достать ни фуража, ни продовольствія для отряда, а избы до того переполнялись людьми, что фактически нельзя было въ нихъ влѣзть; частенько приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ при 30—40 градусныхъ морозахъ.

Большими переходами быстро приближались мы къ г. Красноярску. Послѣ одного изъ такихъ переходовъ часамъ къ 10 утра прибыли на станцію Минино, гдѣ я расположился съ отрядомъ на отдыхъ у желѣзнодорожной водокачки. Къ югу отъ водокачки тянулась огромная высокая желѣзнодорожная насыпь, сплошь забитая поѣздными составами. Черезъ полчаса послѣ прихода ко мнѣ явился офицеръ штаба главнокомандующаго генерала Каппеля, передалъ мнѣ распоряженіе генерала явиться къ нему и попутно проявилъ большую любознательность къ составу и боеспособности моего отряда. Генераль Каппель, выразивъ мнѣ благодарность за внѣшній порядокъ и воинскій видъ отряда, движеніе котораго онъ наблюдалъ изъ окна своего вагона, освѣтилъ мнѣ положеніе около Красноярска и отдалъ распоряженіе о зачисленіи моего отряда въ конвой Ставки. Оказалось, что Красноярскъ занятъ взбунтовавшимися частями мѣстнаго гарнизона, подъ руководствомъ генерала Зеневича, принадлежавшаго къ ставѣ социалистовъ Пепеляевского окруженія. Взбунтовавшійся гарнизонъ не пропускалъ эшелоны черезъ Красноярскъ, а сдѣланная наканунѣ попытка выбить социалистическое воинство изъ города успѣха не имѣла. Правда, попытка эта дѣлалась негодными средствами; были брошены въ наступленіе 2000—3000 челсвѣкъ полицейскихъ, жандармовъ, охранниковъ и контрразвѣдчиковъ, собранныхъ со всей Сибири и отступавшихъ въ авангардѣ арміи, подъ командой жандармскаго генерала Макри. Тутъ же въ вагонѣ мнѣ Главнокомандующій отдалъ приказъ выстроить отрядъ къ 3-мъ часа дня у дороги,

ведущей отъ станціи Мѣнино къ селу Мѣнино. Туда же къ вечеру должны были перейти всѣ штабы, пересаживавшіеся изъ вагоновъ на сани.

Сдѣлавъ нужныя распоряженія черезъ сопровождавшаго меня адъютанта, я пошелъ разыскивать эшелонъ штаба арміи генерала Войцеховскаго, также здѣсь застрявшаго, въ которомъ служилъ мой полковой товарищъ А. А. Тюнеговъ. Послѣдняго я засталъ за подготовкой къ выгрузкѣ изъ вагона и распредѣленіемъ какихъ-то вещей, не то штабной лавочки, не то какихъ-то нерозданныхъ подарковъ среди чиновъ штаба; мнѣ онъ также презентовалъ пакетъ. Здѣсь же я встрѣтилъ другого однополчанина Б. Н. Котлярова, который явно нервничалъ, такъ какъ его жена чувствовала недомоганія съ признаками на тифъ, да къ тому же онъ не былъ увѣренъ въ пригодности своихъ лошадей для дальнихъ переходовъ. Я предложилъ Б. Н. Котлярову ѣхать съ моимъ отрядомъ, гдѣ лошадиный вопросъ былъ вполне благополученъ, были даже заводныя лошади. Котляровъ предложеніе принялъ и обѣщалъ быть къ 3-мъ часамъ на сборномъ мѣстѣ отряда. Отъ А. А. Тюнегова узналъ о нахожденіи еще гдѣ-то по близости нашихъ Царскосельскихъ стрѣлковъ — генераль-маіора К. М. Ткачева и полковника И. П. Пацковскаго. С. А. Агаповъ же гдѣ-то въ пути застрялъ.

Въ 3 часа дня, выстроивъ отрядъ, поджидалъ Б. Н. Котлярова, но онъ такъ и не прибылъ къ моменту начала движенія на село Мѣнино. Этотъ небольшой переходъ закончился къ 5—6 часамъ вечера, и мы расположились въ селѣ, сплошь забитомъ воинскими частями. Большинству людей пришлось спать на воздухѣ; въ распоряженіе отряда достались только двѣ избы, куда я помѣстилъ своихъ раненыхъ и сыпнотифозныхъ; съ грѣхомъ пополамъ я залѣзъ со своимъ адъютантомъ въ одну изъ нихъ и завалился спать.

Въ 12 часовъ ночи мнѣ привезли изъ Ставки приказъ о совмѣстной атакѣ Красноярска въ 8 часовъ утра 24-го декабря 1919 г. Мой отрядъ былъ назначенъ на лѣвый флангъ атакующей группы съ заданіемъ овладѣть Военнымъ городкомъ; правѣе меня должна была вести атаку Уфимская стрѣлковая дивизія, а еще правѣе — 8-я Камская дивизія. Для выполненія поставленной задачи надо было къ разсвѣту подтянуть отрядъ къ исходному положенію и войти въ связь съ Уфимской дивизіей. Въ 3 часа ночи, взявъ проводника, двинулся съ отрядомъ по направленію къ Красноярску и около 5—6 часовъ утра сосредоточилъ отрядъ въ д. Солоновка, въ 2—2½ верстахъ отъ города. Съ началомъ разсвѣта выслалъ развѣдку въ сторону Военнаго городка, который изъ д. Солоновки, также какъ и весь городъ Красноярскъ, былъ виденъ какъ

на ладони. Одновременно выслалъ разъѣздъ для связи съ Уфимцами, штабъ дивизіи которыхъ, согласно приказа Главнокомандующаго, долженъ былъ находиться въ домѣ путевого желѣзнодорожнаго сторожа, недалеко отъ меня. Вскорѣ разъѣздъ, высланный къ Уфимцамъ, вернулся съ сообщеніемъ, что никакихъ Уфимцевъ въ указанномъ мѣстѣ найти не могъ; вновь выслалъ офицерскій разъѣздъ въ томъ же направленіи съ приказомъ хорошо обслѣдовать боевой участокъ Уфимской дивизіи. Моя конная развѣдка, высланная въ сторону Всеннаго городка, въ 1000—1200 шагахъ отъ послѣдняго попала подъ ружейный огонь красныхъ партизанъ, послѣ чего, сойдя шаговъ на 500—700, продолжала наблюдение за противникомъ. Вотъ уже наступило 8 часовъ утра, часъ предположенной атаки, а о моихъ сосѣдяхъ — Уфимцахъ не было ни слуху, ни духу.

Въ такомъ же положеніи оставались свѣдѣнія развѣдки объ Уфимцахъ въ десятомъ часу утра, когда въ тылу, со стороны села Мѣнино, поднялась сильная беспорядочная ружейная стрѣльба, причина каковой для меня была совершенно не ясна. Черезъ нѣкоторое время изъ района все непрекращающейся стрѣльбы начали показываться небольшія группы конныхъ и саней, движеніе которыхъ носило явно паническій характеръ. Вскорѣ дер. Солонька набилась тысячами такихъ людей, въ паникѣ рассказывавшихъ о нападении красныхъ партизанъ на станцію и село Мѣнино. Стрѣлки часовъ приближались къ 2-мъ часамъ, надеждъ на появленіе Уфимцевъ уже не было никакихъ, а потому, присоединивъ свои развѣдки къ отряду, вывелъ его изъ деревни и остановилъ въ 1—2-хъ верстахъ, сѣвернѣе ея. Вывода отряда изъ д. Солоньки требовала создавшаяся тамъ паническая обстановка и начавшаяся сильная агитація за переходъ на сторону Красноярскаго гарнизона. Плоды этой агитаціи я вскорѣ увидѣлъ собственными глазами, въ видѣ сначала десятковъ, сотенъ, а потомъ тысячъ людей, которые, бросивъ оружіе, потянулись въ городъ. Все большія и большія массы двигались со всѣхъ сторонъ къ Красноярску, при чемъ особенно бросалось въ глаза массовое присутствіе среди нихъ Сибирскихъ казаковъ. Какъ многоликое чудовище затишь и притаился городъ, раскрывъ только свои пасти въ видѣ улицъ, въ которыя непрерывнымъ потокомъ текли и поглощались все новые и новые тысячи людей. Оставшись безъ моральной поддержки и потерявъ способность къ сопротивленію, люди эти добровольно отдали себя въ жертву на тризну красному дьяволу. . . Я не берусь утверждать, что цифра въ 70—80 тысячъ человекъ, сдавшихся подъ Красноярскомъ, по моимъ наблюденіямъ, очень точна. По свѣдѣніямъ Краснаго Архива, эта цифра

опредѣлена въ 130 тысячъ, правда, включивъ въ нее и 5-ую Польскую дивизию. Послѣдняя безславно окончила свое существованіе подъ Красноярскомъ, къ которому она доѣхала съ комфортомъ въ насильно захваченныхъ поѣздныхъ составахъ.

Судьба сдавшихся подъ Красноярскомъ людей на 75% окончилась смертью — или отъ пули чекиста, или отъ тифа. Разказы нѣсколькихъ чело-вѣкъ, чудомъ вырвавшихся изъ числа этихъ тысячъ и значительно позже пробравшихся въ Харбинь, вѣяли ужасомъ и такой жутью, что средневѣковая инквизиція, по сравненію съ красноярской дѣйствительностью, казалась дѣтской забавой.

Я продолжалъ стоять съ отрядомъ въ полѣ на виду у Красноярска. Около 2½ часовъ дня въ сторонѣ отъ меня, приблизительно въ одной верстѣ, показалась голова огромной многотысячной санно-конной колонны, которая безъ дорогъ, шириной въ нѣсколько десятковъ саней, быстро двигалась въ сѣверовосточномъ направленіи съ явнымъ намѣреніемъ обойти городъ. Впереди колонны въ саняхъ, запряженныхъ тройкой, стояла фигура чело-вѣка, руководившаго движеніемъ всей этой конно-людской массы. Это движеніе по чистому полю съ сопки на сопку, изъ лощины въ лощину представляло изъ себя грандіозное зрѣлище. Въ руководителѣ движенія я узналъ генерала Войцеховскаго. Въ виду безцѣльности дальнѣйшаго маяченія моего отряда передъ г. Красноярскомъ я двинулъ свой отрядъ также безъ дорогъ вслѣдъ за удалявшейся колонной, съ намѣреніемъ выйти на станицу Есаульскую, лежащую на рѣкѣ Енисей, верстахъ въ 20—30 сѣвернѣе Красноярска. Проводникомъ этого бездорожного марша мною былъ предусмотрительно взятъ одинъ старикъ изъ дер. Солоновки.

Пройдя всего 3—4 версты, предстояло пересѣчь Енисейскій трактъ. Приблизившись къ нему на 1200—1500 шаговъ, неожиданно появилась влѣво отъ насъ колонна саней, изъ которыхъ стали выскакивать люди и разсыпаться въ цѣпь. Остановивъ отрядъ, выслалъ разъѣздъ для выясненія политической окраски этихъ людей. Одновременно съ движеніемъ моего разъѣзда отъ неизвѣстной цѣпи отдѣлилось нѣсколько конныхъ, которые приблизительно на серединѣ раздѣлявшаго насъ разстоянія сѣхались. Переговоривъ, мой разъѣздъ вернулся и старшій въ немъ унтеръ-офицеръ доложилъ, что ему сказали, что это 12-й Ижевскій полкъ, но одновременно онъ высказалъ сомнѣніе въ правдивости этого, такъ какъ у говорившихъ былъ самый партизанскій видъ. Цѣпи якобы Ижевцевъ все разростались и я приказалъ приготовить къ бою пулеметы «Шоша». Вслѣдъ за тѣмъ

выслалъ новый разъѣздъ подъ командой корнета Докторина. Повторилась встрѣча разъѣздовъ, но на этотъ разъ разъѣзды вскорѣ отскочили другъ отъ друга, обмѣнявшись револьверными выстрѣлами, а затѣмъ противолежащая цѣпь начала стрѣлять по моему отряду. Подскакавшій корнетъ Докторинъ доложилъ, что это 17-й имени атамана Щетинкина полкъ. Ввязываться въ бой мнѣ не было смысла. Приказавъ пулеметчикамъ задержавшись дать двѣ-три очереди по краснымъ, я карьеромъ вывелъ свои сотни изъ подъ обстрѣла. Пули усиленно свистѣли надъ головой. Проскакавъ 300—400 сажень, отрядъ скрылся въ лошинѣ, гдѣ я привелъ въ порядокъ своихъ людей и выяснилъ наши потери, каковыя оказались въ числѣ 1 раненаго пулеметчика и 5 раненыхъ лошадей. Одновременно обнаружилъ исчезновеніе съ своей головы фуражки, что при 30-градусномъ морозѣ вещь не особенно пріятная. Дѣлать было нечего, нужно было скорѣе уходить на станицу Есаульскую, куда отрядъ благополучно и прибылъ около 7—8 часовъ вечера.

Станица Есаульская большая, въ тысячу съ лишнимъ дворовъ была до отказа заполнена самыми разнообразными частями остатковъ арміи. Пытался найти штабъ генерала Каппеля, но въ Есаульской о немъ не было никакихъ свѣдѣній. Явился къ генералу Войцеховскому и доложилъ ему о дѣйствіяхъ отряда за минувшій день. Генераль подтвердилъ мнѣ о неизвестности мѣстонахожденія штаба Главнокомандующаго и предложилъ мнѣ съ моимъ отрядомъ слѣдовать дальше въ качествѣ конвоя его арміи. Въ штабѣ разыскалъ А. А. Тюнегова, благополучно выбравшагося изъ предкрасноярской каши. О Б. Н. Котляровѣ свѣдѣній не было.

Возератившись къ себѣ въ отрядъ, установилъ связь съ штабомъ арміи генерала Войцеховскаго и завалился спать, еле стоя на ногахъ отъ всѣхъ послѣднихъ передрагъ. Ночью получилъ приказъ о дальнѣйшемъ переходѣ на сѣверъ по рѣкѣ Енисей. Это былъ первый приказъ, полученный войсковою частью на походѣ чуть ли не отъ Ново-Николаевска до Красноярска. Приказъ точно указывалъ маршрутъ и порядокъ слѣдованія частей. Долженъ отмѣтить, что генераль Войцеховскій сумѣлъ съ этого момента объединить вокругъ себя самыя разнообразныя части арміи, придать имъ воинскій видъ и упорядочить дальнѣйшее движеніе. Численность войскъ, объединенныхъ тогда генераломъ Войцеховскимъ, простиралась до 12—15 тысячъ бойцовъ съ большимъ количествомъ семей, раненыхъ и больныхъ людей. Изъ Есаульской ранѣ насъ, 23 или 24 декабря, ушли дальше на во-

стокъ по Московскому тракту части арміи генерала Вержбицкаго, для которыхъ обходъ г. Красноярска обошелся вполне благополучно.

Наступило утро 25-го декабря 1919 г., первое Рождество, встрѣченное въ такой обстановкѣ. Во исполненіе приказа рано утромъ сталъ вытягивать свой отрядъ къ штабу арміи и тутъ неожиданно выяснилъ, что мои 3-я и 4-я сотня, вѣрнѣе ѣздящая пѣхота, со всѣми своими офицерами куда-то безслѣдно исчезли. Всѣ попытки выяснитъ на мѣстѣ причину и направленіе ушедшихъ сотенъ не дали положительныхъ результатовъ; были только смутныя указанія, что они присоединились къ группѣ самостоятельныхъ частей и ушли куда-то на сѣверъ къ г. Енисейску. Къ этимъ исчезнувшимъ сотнямъ я еще вернусь въ концѣ своихъ воспоминаній и подробно опишу причины ихъ ухода и ихъ дальнѣйшую судьбу. Исчезновеніе двухъ сотенъ уменьшило мой отрядъ почти на половину и онъ свелся къ двумъ сотнямъ и конно-пулеметной командѣ, численностью около 250—300 человекъ. Съ этого момента до конца существованія бѣлой арміи мой отрядъ получилъ наименование «Алтайскаго коннаго отдѣльнаго дивизиона».

Сдѣлавъ по Енисею переходъ верстъ въ 25—30, ночевали въ деревнѣ, а еще черезъ одинъ или два перехода взяли направленіе отъ р. Енисея на сѣверо-востокъ къ деревнѣ Полуденной съ намѣреніемъ отъ нея выйти на рѣку Канъ и уже по послѣдней рѣкѣ снова выйти къ линіи Сибирской желѣзной дороги. Деревня Полуденная небольшая деревушка таежныхъ звѣролововъ и смолокуровъ, которые къ нашему предположенію двигаться дальше по рѣкѣ Канъ отнеслись какъ къ затѣѣ сумасшедшихъ. Дѣло въ томъ, что рѣка Канъ изобилуетъ массой горячихъ ключей, дѣйствіе которыхъ даже при 30—35 градусахъ мороза по Реомюру покрываетъ ледъ слоемъ текущей воды до полуаршина высоты и образуетъ много промоинъ во льду. Сверхъ того намъ предстояло пройти по Кану 105 верстъ, не встрѣчая на своемъ пути никакого жилья. Картина жуткая, но такъ какъ другихъ дорогъ впередъ на востокъ не имѣлось, то другого выхода не было.

Здѣсь надо упомянуть, что на первомъ или второмъ переходѣ отъ Есаульской былъ обнаруженъ генералъ Каппель съ остатками своего штаба, который и присоединился къ группѣ войскъ генерала Войцеховскаго. Повидимому, будучи морально потрясенъ красноярской трагедіей, генералъ Каппель ѣхалъ какъ пассажиръ, не вмѣшиваясь въ распоряженія командующаго группой.

Генералъ Войцеховскій приказалъ мнѣ выслать развѣдку на рѣку Канъ, протекающую отъ деревни въ 5—6 верстахъ. Вскорѣ я получилъ до-

несеніе съ сообщеніями, что рѣка Канъ окутана туманомъ отъ воды, покрывающей почти всюду ея ледъ, но усиливающійся морозъ началъ парализовать дѣйствія ключей; если морозъ будетъ еще крѣпчать, то утромъ по Кану можно будетъ двигаться санямъ и коннымъ людямъ. Съ тревогой мы ожидали дальнѣйшихъ свѣдѣній отъ развѣдки, которая къ счастью черезъ нѣкоторые промежутки времени стала присылать все новыя и новыя донесенія о замерзаніи воды подъ дѣйствиємъ все усиливающегося мороза. Имѣя эти данныя, штабъ отдалъ приказъ о выступленіи войскъ къ рѣкѣ Канъ, назначивъ Алтайскій дивизіонъ въ голову колонны.

При первыхъ лучахъ солнца я спустился съ берега на ледъ Кана, скованнаго къ этому моменту сильнымъ морозомъ въ 40—45 градусовъ по Реомюру. Взошедшее яркое солнце освѣтило массу саней и конныхъ, вытянувшихся лентой на ледяной поверхности рѣки, сдавленной съ обѣихъ сторонъ почти отвѣсными огромной высоты горными берегами, поросшими на всемъ своемъ протяженіи вѣковымъ дремучимъ лѣсомъ. Быстро продвигались мы впередъ къ конечной цѣли этого 105-верстнаго ледяного перехода. Я ѣхалъ верхомъ на маленькой рыжей лошаdkѣ, енисейкѣ, которую пришлось взять на одной изъ заимокъ подъ Красноярскомъ въ обмѣнъ на одну изъ моихъ лошадей, выбившуюся окончательно изъ силъ.

Къ вечеру, къ своему ужасу, стали замѣчать, что морозъ сдаетъ и коегдѣ на льду уже снова выступила вода, окутывая воздухъ клубами пара. Наши лошади какъ будто инстинктомъ почувствовали охватившее людей волненіе и, несмотря на сдѣланныя почти безъ отдыха 70—80 верствъ, все двигались впередъ, совсѣмъ не уменьшая скорости своего бѣга. Позднимъ вечеромъ, часовъ въ 8—9, я наткнулся на нѣсколько брошенныхъ саней, попавшихъ у берега въ плохо замерзшую полыню. Эти сани вызвали у меня полное недоумѣніе, такъ какъ впереди моего дивизіона не должно было быть никакихъ частей. Позже я узналъ, что эти сани принадлежали генералу Каппелю и его штабу, которые выѣхали на р. Канъ часа на 2—3 раньше нашего. При этомъ генераль Каппель, помогая вытаскивать людей и отпрягать лошадей провалившихся саней, промочилъ себѣ ноги и затѣмъ ихъ сильно отморозилъ. Морозъ все сдавалъ и сдавалъ, все чаще стали попадаться на пути участки льда, затопленные водой, но, слава Богу, и нашъ переходъ приближался къ концу. Наконецъ, часовъ около 12 ночи, до нашего слуха долетѣлъ лай многочисленныхъ собакъ, вѣстникъ человѣческаго жилья, а вмѣстѣ съ нимъ и заслуженнаго отдыха послѣ только-что совершеннаго небывалаго перехода. За день, въ 15 часовъ, было пройдено

110 верстъ при страшномъ морозѣ и безъ всякаго жилья и возможности обогрѣться на всемъ протяженіи.

Вѣхавъ въ довольно большую деревню, объятую глубокимъ сномъ, мой дивизионъ быстро занялъ избы для себя и слѣдующаго немного сзади штаба. Войдя въ избу, я буквально свалился на кровать отъ усталости, отказавшись даже отъ обильной ѣды, предложенной мнѣ хозяевами, имѣвшими сына въ одной изъ частей арміи адмирала Колчака и болѣвшими душой за его судьбу. Всю ночь и наступившее утро продолжали подходить къ деревнѣ части войскъ. Чѣмъ позже онѣ приходили, тѣмъ тяжелѣе имъ пришлось итти по Кану, который при упавшемъ морозѣ до 25—30 градусовъ взялъ обильную жатву среди людей, уснувшихъ въ немъ вѣчнымъ сномъ. Прибытіе въ деревню со стороны рѣки Канъ штаба генерала Каппеля, а вслѣдъ за нимъ моего дивизиона было принято мѣстными жителями за явленіе сверхъестественнаго порядка, близкаго по ихъ представленію къ чуду или какой-то чертовщинѣ. Никто изъ мѣстныхъ жителей не зналъ случая прохода Кана въ зимнее время и у нихъ существовало глубокое убѣжденіе въ его непроходимости.

Сдѣлавъ дневку въ этомъ селѣ, двинулись дальше и вскорѣ, соединившись съ группой войскъ генерала Вержбицкаго, продолжали нашъ путь по тракту вдоль желѣзнодорожной линіи.

Желѣзная дорога въ этотъ моментъ была въ исключительномъ пользованіи союзниковъ, которые силой забирали паровозы у русскихъ эшелонъ для продвигенія своихъ эшелонъ на востокъ. При этомъ русскіе эшелоны беспомощно застревали и оставлялись на произволь судьбы.

Нашъ быстрый отходъ на востокъ и особенно сдача въ плѣнъ подъ Красноярскомъ 5-й Польской дивизіи, слѣдовавшей въ аррьергардѣ союзныхъ эшелонъ, поставили большое количество чешскихъ желѣзнодорожныхъ составовъ, бывшихъ въ хвостѣ ихъ эшелонъ, въ непосредственное соприкосновеніе съ красными войсками. Это обстоятельство заставило чеховъ начать уплотненіе своихъ составовъ, перегружая людей и пружы изъ заднихъ эшелонъ въ впереди идущіе. Этимъ они сокращали число своихъ поѣздовъ и увеличивали скорость своего продвигенія. Мнѣ неоднократно пришлось видѣть подобное переселеніе и уплотненіе вагоновъ съ 8-ми пассажирами до 16-ти человекъ.

Армія продолжала свое движеніе на Иркутскъ. Мы обошли городъ Канскъ, такъ какъ онъ былъ занятъ красными и особаго интереса для насъ не представлялъ. Прошли станцію Тайшетъ, раіонъ которой въ теченіе

всего блага движенія въ Сибири считался крайне неспокойнымъ изъ-за наличія тамъ сильной красной партизанской организаціи. Гдѣ-то въ районѣ Тайшета скончался отъ гангрены обмороженныхъ на Канѣ ногъ генераль Каппель. Тѣло его въ гробу слѣдовало вмѣстѣ съ арміей и по приходѣ въ Читу было предано землѣ. При нашемъ уходѣ изъ Читы прахъ Главногокомандующаго былъ вырытъ и перевезенъ въ Харбинъ, гдѣ и погребенъ въ оградѣ Иверской церкви.

Армія все ближе и ближе подходила къ Иркутску, въ которомъ къ этому времени былъ произведенъ переворотъ «Политическимъ Центромъ» изъ соціаль-революціонеровъ подъ руководствомъ соціаль-революціонера штабсъ-капитана Калашникова. Начавъ вооруженную борьбу съ Верховнымъ правителемъ адмираломъ Колчакомъ, Политическій центръ одновременно провозглашалъ борьбу съ большевиками.

Иркутскъ, чувствуя наше приближеніе и могущія въ связи съ этимъ произойти репрессіи, сооранализовалъ близъ станціи Зима сильный красный заслонъ, рассчитывая, что мы на немъ сломимъ себѣ шею. Для этого заслона были въ большомъ количествѣ использованы рабочіе съ Черемховскихъ каменноугольныхъ копей. Мѣсто для заслона было выбрано весьма удачно, такъ какъ наше движеніе къ ст. Зимѣ пролетало по довольно узкому дефиле, ограниченному съ обѣихъ сторонъ высокими горами, поросшими на много верстъ вглубь таежнымъ лѣсомъ безъ всякихъ признаковъ жилья. Красные заняли въ верстѣ впереди станціи рядъ холмовъ, на которыхъ наспѣхъ вырыли окопы неполной профили. Впереди позиціи простиралось гладкое поле, свободно обстрѣливаемое на 1—2 версты.

Атака бѣлыхъ началась съ утра, при очень сильномъ морозѣ въ 30—35 градусоѡ, прямо въ лобъ непріятельской позиціи. Наши цѣпи, понеся большія потери отъ огня красныхъ и отъ мороза, шагахъ въ 500—600 отъ позиціи красныхъ залегли и не смогли продвинуться дальше. Положеніе создалось почти катастрофическое. Несмотря на казавшуюся невозможность, все же была предпринята попытка осуществить обходъ. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ Ижевскому полку, подчиненному Круглевскому, удалось сбойти правый флангъ красныхъ и ударить имъ въ тылъ, что привело къ блестящимъ результатамъ. Красныя части смѣшались и начали отступать, преслѣдуемья нашей конницей съ фронта. Много сотенъ красныхъ было нами порублено и болѣе 300 человекъ взято въ плѣнъ. Кромѣ того, придя на ст. Зиму, мы приняли отъ чеховъ еще 1500 красныхъ, которые при своемъ бѣгствѣ нарушили станціонную нейтральную зону и были тамъ чехами

разоружены. Въ селеніи Зима мы простояли два дня на отдыхѣ. За это время наша контръ-развѣдка произвела среди плѣнныхъ отборъ около 600-700 болѣе сознательныхъ товарищей и въ ночь передъ нашимъ отходомъ изъ селенія Зимы разстрѣляла ихъ за околлицей. Жуткая картина сохранилась въ моей памяти въ связи съ нашимъ выступленіемъ изъ Зимы на Черемхово. Раннее морозное утро; вправо отъ дороги, по которой мы уходили, простиралось поле, сплошь усыянное трупами разстрѣлянныхъ красныхъ. Среди этихъ труповъ копошились человѣческія фигуры, разыскивавшія среди нихъ близкихъ имъ людей, и, найдя ихъ, укладывали на маленькія дѣтскія санки и медленно возвращались въ село. Дальнѣйшее движеніе къ Иркутску протекало вполне спокойно и благополучно. Прошли Черемхово, гдѣ несомнѣнно царила къ намъ враждебность, тщательно скрытая послѣ экзекуціи на ст. Зима.

Вотъ, наконецъ, и Иркутскъ, входъ въ который, какъ и въ большинствѣ пройденныхъ городовъ, для насъ былъ закрытъ возставшимъ гарнизономъ. Проведя небольшой бой, мы частью своихъ силъ заняли предмѣстье города, станцію Иннокентьевскую, отдѣленную отъ города рѣкой Ангарой. Здѣсь среди высшихъ чиновъ арміи намѣтились два мнѣнія о дальнѣйшемъ способѣ нашихъ дѣйствій. Одни настаивали на атакѣ города, другіе склонялись къ обходу Иркутска. Генераль Войцеховскій черезъ чеховъ вошелъ въ переговоры съ Политическимъ Центромъ, предлагая ему на выборъ: или нашу атаку города, или выдачу намъ части золота изъ золотого запаса адмирала Колчака, которое къ этому времени было французскимъ генераломъ Жаненомъ передано краснымъ вмѣстѣ съ преданнымъ имъ Верховнымъ правителемъ адмираломъ Колчакомъ. Въ случаѣ выдачи намъ части золота генераль Войцеховскій давалъ гарантію въ нашемъ мирномъ обходѣ города и дальнѣйшемъ уходѣ на востокъ. Переговоры шли два дня, за которые выяснилось, что Политическій Центръ, узнавъ о разгромѣ его заслона у Зимы, срочно вывезъ все золото куда-то на сѣверъ по направленію къ Бадайбо. Время этихъ переговоровъ было нашимъ штабомъ использовано для развѣдки силъ противника въ городѣ, а также для подготовки на случай нашей атаки. Были собраны кое-гдѣ уцѣлѣвшія въ частяхъ пушки, къ нимъ присоединились нѣсколько мортиръ и гаубиць, захваченныхъ нами при занятіи Иннокентьевской, и даже была начата пристрѣлка по наиболѣе важнымъ пунктамъ города. Развѣдка дала малоутѣшительныя свѣдѣнія. Руководителю переворота штабсъ-капитану Калашникову удалось собрать въ городѣ большое число красныхъ партизанъ, что вмѣстѣ съ по-

краснѣвшимъ гарнизономъ составило внушительную цифру, чуть ли не равную всей нашей арміи. Кромѣ того, городъ спѣшно опутывался колючей проволокой, на улицахъ возводились баррикады.

Отсутствіе въ городѣ золота и несомнѣнно большія потери, которыя намъ было суждено понести при атакѣ города, заставили командованіе принять рѣшеніе — обойти Иркутскъ. На это рѣшеніе въ большой степени повліяла предсмертная воля генерала Каппеля — «беречь людей».

Отелекусь нѣсколько въ сторону и расскажу о незаурядныхъ перипетіяхъ съ моимъ хорошимъ знакомымъ и другомъ—А. Е. Мееръ, есауломъ Забайкальскаго казачьяго войска, частично связанныхъ со ст. Иннокентьевской. Есауль Мееръ, коренной офицеръ лейбъ Павлоградскаго гусарскаго полка, послѣ Русско-Японской войны приписался къ Забайкальскому казачьему войску и остался служить на Дальнемъ-Востокѣ. Великая война застала его командиромъ конвойной сотни при русскомъ консулѣ въ городѣ Кобдо въ Монголіи. Во время бѣлаго движенія въ Сибири есауль Мееръ исполнялъ обязанности начальника Бійской уѣздной милиціи, гдѣ и установились мое знакомство и дружба съ нимъ. Передъ нашимъ оставленіемъ Алтая есауль Мееръ былъ переведенъ въ Барнаулъ на должность чиновника особыхъ порученій при Алтайскомъ губернаторѣ, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Кукаретинѣ, съ которымъ и выѣхалъ въ эшелонѣ на востокъ. Испытавъ на себѣ общую судьбу русскихъ эшелоновъ — безконечное стояніе на станціяхъ и полустанкахъ изъ-за регулярнаго отбирания союзниками паровозовъ, онъ, видя невозможность дальнѣйшаго движенія въ эшелонѣ, гдѣ-то подъ Маріинскомъ выгрузилъ жену съ вещами и поселилъ ее у желѣзнодорожнаго служащаго въ пристанціонномъ поселкѣ, самъ же частью верхомъ, частью на тормозахъ союзныхъ эшелоновъ добрался до ст. Минино. Здѣсь, встрѣтивъ мой отрядъ, присоединился къ нему для дальнѣйшаго слѣдованія. Доѣхавъ со мной до ст. Иннокентьевской, есауль Мееръ сталъ меня усиленно уговаривать свернуть гдѣ-либо съ дальнѣйшаго пути въ Монголію, рисуя перспективы радужной мирной жизни тамъ. Онъ имѣлъ въ Монголіи массу знакомствъ среди самыхъ вліятельныхъ лицъ и не сомнѣвался въ легкости осуществленія своихъ надеждъ. Для большей увѣренности въ проведеніи своего плана онъ рѣшилъ изъ Иннокентьевской пробраться въ Иркутскъ, повидать тамъ нѣкоего купца Винтовкина, имѣвшаго въ Монголіи многомилліонныя предпріятія, и получить отъ него всякаго рода документы, обезпечивавшіе бы намъ безпрепятственный въѣздъ и первоначальную возможность устроиться въ Монголіи. Послѣ свиданія съ Вин-

товкинымъ есауль Мееръ рассчитывалъ использовать движеніе чешскихъ эшелоновъ, меня догнать гдѣ-либо въ районѣ Верхнеудинска и уже послѣ того свернуть въ Монголію.

Первая часть плана начала осуществляться въ Иннокентьевской, гдѣ я распрощался съ есауломъ Мееромъ, вторая же часть плана никогда не осуществилась, такъ какъ ни въ Верхнеудинскѣ, ни въ Читѣ, гдѣ мы пробыли почти 8 мѣсяцевъ, есауль Мееръ не появился и я уже считалъ его погибшимъ въ совѣтскомъ раю. Каково же было мое удивленіе, когда, въ сентябрѣ 1920 года, я его встрѣтилъ съ женою на ст. Манчжурія въ Китаѣ. Послѣ радостныхъ объятій онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее. Попытка проникнуть въ Иркутскъ кончилась для него арестомъ, но прекрасное владѣніе нѣмецкимъ языкомъ дало ему возможность выдать себя за нѣмецкаго военноплѣннаго оберъ-лейтенанта Меера, пробирающагося изъ Западной Сибири на востокъ съ цѣлью дальнѣйшаго слѣдованія черезъ Китай къ себѣ на родину. Это заявленіе вполнѣ удовлетворило красныхъ и они его водворили въ лагерь военноплѣнныхъ. Позже онъ поступилъ къ нимъ на службу и выписалъ къ себѣ жену. Въ связи съ начавшейся въ августѣ и сентябрѣ 1920 года эвакуаціей нѣмецкихъ военноплѣнныхъ изъ Сибири масса эшелоновъ съ ними была направлена для слѣдованія на родину черезъ ст. Манчжурію и дальше на портъ Дайрень (Дальній). Есауль Мееръ прибылъ на ст. Манчжурію въ качествѣ коменданта одного изъ эшелоновъ съ нѣмецкими военноплѣнными и я наблюдалъ отчетливое козыряніе нѣмцевъ своему оберъ-лейтенанту. Воображаю, какъ были бы удивлены всѣ эти Карлы, Францы и Фридрихи, если бы узнали, что ихъ комендантъ не нѣмецкій оберъ-лейтенантъ, а самый настоящій есауль русской арміи. Въ качествѣ нѣмецкаго оберъ-лейтенанта есауль Мееръ доѣхалъ до Гамбурга, а оттуда уже направился дальше къ себѣ на родину въ Либаву.

Простоявъ въ Иннокентьевской 3-4 дня, значительно отдохнувъ и широко пополнѣвши всѣмъ тѣмъ, что было нами найдено въ огромныхъ мѣстныхъ интендантскихъ складахъ, армія поздно вечеромъ начала обходъ Иркутска съ южной стороны. Обтекали городъ въ непосредственной близости, такъ что мѣстами намъ былъ ясно слышенъ лай собакъ и при свѣтѣ луны видны дома окраинъ города. Двигались съ возможной осторожностью и мѣрами охраненія, такъ какъ каждую минуту можно было ожидать активности со стороны красныхъ. Эта напряженность движенія нервировала людей и лошадей и временами прорывалась въ панику. Въ моментъ таковой мой дивизионъ, потерявъ управленіе и порядокъ движенія, оторвался

отъ своего обоза и безслѣдно потерялъ 8 саней съ 16-ю сыпнотифозными больными, судьба которыхъ такъ и осталась неизвѣстной.

При свѣтѣ зародившагося дня штабъ арміи и мой дивизионъ въ 3-4 верстахъ отъ города пересѣкли желѣзнодорожную линію, идущую на востокъ отъ Иркутска, затѣмъ почти весь наступившій день двигались вдоль рѣки Ангары и заночевали въ деревнѣ, не доходя 30 верстъ до села Лиственичнаго. На слѣдующее утро мы продолжали нашъ маршъ и заночевали въ Лиственичномъ, огромномъ прибрежномъ селѣ на Байкальскомъ озерѣ. Здѣсь же на другомъ берегу Ангары находилась станція Байкаль, откуда начиналась Круго-Байкальская желѣзная дорога. Въ Лиственичномъ впервые я лакомился байкальской рыбой омулемъ, славящейся своей нѣжностью вкуса на всемъ Дальнемъ-Востокѣ.

Еще за нѣсколько переходовъ до Иркутска я перемѣнилъ свой способъ передвиженія съ верховой лошади на сани, въ которыхъ ѣздилъ совместно съ А. А. Тюнеговымъ. Этимъ мы достигли значительнаго сбереженія силъ нашихъ лошадей, такъ какъ сани возились по очереди лошадьми Тюнегова и моими. Наши ночевки также происходили совместно въ какой-либо изъ избъ. Обыкновенно вмѣстѣ съ нами ночевало и большое количество офицеровъ штаба, изъ которыхъ часть ѣхала съ женами и дѣтьми. Упомяну здѣсь фамиліи нѣкоторыхъ офицеровъ, совершившихъ вмѣстѣ съ нами этотъ походъ: генераль-лейтенантъ С. С. Джунковскій — л. гв. Драгунскаго полка, генераль-маіоръ Б. И. Новаковъ — л. гв. 3 стр. Е. В. п., генераль-маіоръ В. В. Семеновъ — л. гв. 4 стр. И, Ф, п., генеральнаго штаба ген.-маіоръ Брендель, генераль-маіоръ Г. И. Зольднеръ, генераль-маіоръ Фельдманъ, полковникъ Радоманъ, корнетъ Н. Н. Гончаровъ, войсковой старшина В. А. Михайловъ — л. гв. Сводно-каз. п., генеральнаго штаба полковникъ Базаревскій. За исключеніемъ полковника Базаревскаго, гдѣ-то отставшго при обходѣ Иркутска, всѣ указанные лица, благополучно совершивъ походъ, выбрались въ Читту, а позже — въ Манчжурію.

Отъ Лиственичной нашъ путь въ теченіе одного перехода лежалъ вдоль берега озера до деревни Голоустая и только отсюда, взявъ кратчайшее направленіе на ст. Мысовую, мы пересѣкли Байкаль, достигавшій въ этомъ мѣстѣ 90 верстъ ширины.

Рано утромъ части арміи начали спускаться на ледъ Байкала, который лежалъ передъ нашими глазами какъ огромный звѣрь, скованный въ ледяныя цѣпи суровыми сибирскими морозами. Мѣстные жители повѣст-

вовали о страшныхъ лѣтнихъ и осеннихъ буряхъ, свирѣпствующихъ на насъ и ежегодно уносящихъ десятки жизней прибайкальскихъ рыбаковъ. Да не только лѣтомъ и осенью этотъ звѣрь проявлялъ кровожадность; оказывалось, и зимой онъ не прочь былъ полакомиться человѣческимъ мясомъ. Будучи скованъ чуть ли не саженымъ льдомъ, онъ разрывалъ эти оковы и образовывалъ во льду огромныя трещины, шириной въ нѣсколько саженей, въ которыхъ гибли оказавшіеся на этомъ мѣстѣ обозы, пересѣкавшіе въ большомъ количествѣ Байкаль въ зимнее время. Образование этихъ трещинъ сопровождалось страшнымъ грохотомъ и издали очень напоминало звукъ разрыва хорошаго артиллерійскаго снаряда. Эти разрывы льда, правда, были не долговѣчны и уже черезъ нѣсколько минутъ трещины снова заполнялись надвинувшимся льдомъ, оставляя отъ образовавшагося огромнаго разрыва только слѣдъ въ видѣ канавы, шириною до аршина. Учитывая возможность подобныхъ сюрпризовъ, войсковыя части при выходѣ на озеро запасались досками, жердями и вообще разнымъ матерьяломъ, изъ котораго въ случаѣ надобности можно бы было соорудить мостки черезъ такія трещины. Часовъ въ 10 утра вступили на Байкаль штабъ арміи и мой дивизионъ. Впереди на снѣжно-ледяной поверхности озера виднѣлась огромная на много верстъ движущаяся лента саней и конныхъ людей, которая извиваясь напоминала собою змѣю чудовищныхъ размѣровъ.

День стоялъ солнечный и ясный. Несмотря на это, противоположный берегъ Байкала, куда устремлены были наши взоры, почти не былъ виденъ. Только съ трудомъ можно было разобрать неясныя очертанія горъ, обозначавшихъ противоположную береговую линію. Все дальше и дальше мы подвигались впередъ. Сзади оставался угрюмый и въ то же время поразительно величественный въ своей дикой красотѣ берегъ Байкала, постепенно теряя ясность и четкость своихъ очертаній. Затѣмъ наступилъ моментъ, когда передъ нашими глазами направо и налево тянулось безконечное ледяное поле и только впереди и сзади эта безконечность льда и снѣга заканчивалась неясно вычерченными горными массивами.

Пройдя верстъ тридцать, наткнулись на трещину во льду, черезъ которую уже былъ сооруженъ переѣздъ изъ досокъ и жердей. При проѣздѣ шли разговоры, что эта трещина поглотила нѣсколько жизней. Было ли это въ дѣйствительности такъ, не берусь утверждать; я только видѣлъ околѣвшую лошадь, зажатую въ трещину.

Съ наступленіемъ сумерекъ штабъ арміи и дивизионъ, продѣлавъ къ этому времени большую половину пути, остановились на отдыхъ для кор-

межки лошадей и подкрѣпленія скудной ѣдой своихъ силъ. Подкормивъ лошадей, двинулись дальше. Часовъ въ 8-9 вечера начали вдали чуть чуть мерцать огоньки станціи Мысовой. Прошло еще 3-4 долгихъ часа, пока мы, наконецъ, не ощутили подъ ногами вмѣсто льда твердую землю. Конецъ пути изобиловалъ массой брошенныхъ лошадей, которыя, выбившись изъ силъ и понуро опустивъ головы, стояли въ сторонѣ отъ дороги и глазами, полными грусти и тоски, съ укоромъ смотрѣли вслѣдъ уходившимъ людямъ, жизнь которыхъ они не разъ спасали за долгіе мѣсяцы Сибирскаго похода. Узнавъ объ этихъ брошенныхъ лошадахъ, жители Мысовой, захвативъ съ собой торбы съ фуражомъ, отправились на озеро съ надеждой, подкрѣпивъ обреченныхъ на смерть лошадей, доставить ихъ къ себѣ домой.

Мысовая—большая станція съ большимъ пристанціоннымъ селомъ, въ которомъ въ то время краснаго духа не было и въ поминѣ, такъ какъ здѣсь несли охрану вмѣсто чеховъ части японскаго экспедиціоннаго корпуса. Спокойно и мирно отдохнули мы нѣсколько дней въ Мысовой. Почти цѣликомъ разгрузили свои обозы отъ раненыхъ и больныхъ, которыхъ погрузили въ санитарные поѣзда, поданные изъ Читы. Погрузку произвели безъ опасенія за судьбу раненыхъ и не боясь, что паровозъ отъ санитарнаго поѣзда могъ бы очутиться передъ чешскимъ составомъ.

Дальше наше движеніе отъ Мысовой направлялось на г. Верхнеудинскъ и прошло относительно спокойно. Только у селенія Кабанье пришлось немного пострѣлять, чтобы оттуда выбить красныхъ партизанъ. Въ селѣ Кабанѣ меня поразило наличіе огромнаго каменнаго зданія еврейской синагоги. Было какъ-то непонятно, чтобы здѣсь, вдали отъ всякихъ крупныхъ жилыхъ центровъ, могло бы проживать значительное число евреевъ.

Въ концѣ февраля мы прибыли въ Верхнеудинскъ. Здѣсь насъ застала масленица 1920 года. По этому случаю, организовавъ сначала блины у себя, мы съ А. А. Тюнеговымъ были приглашены на блины къ И. П. Пацковскому. Однако эти блины прошли въ грустной обстановкѣ, такъ какъ жена Игоря Павловича, молодая чрезвычайно интересная женщина чувствовала себя нездоровой и даже принимала гостей, оставаясь лежать въ постели. Несмотря на это, она пыталась быть веселой и привѣтливой хозяйкой, радуясь вмѣстѣ со всѣми нами скорому концу нашихъ утомительныхъ скитаній. Увы, на грани этого долгожданнаго конца, ей суждено было уйти изъ только что начавшейся сознательной самостоятельной жизни въ иной міръ. На станціи Хилокъ Забайкальской желѣзной дороги жена Игоря

Павловича скончалась отъ сыпного тифа и тѣло ея было тамъ же предано землѣ.

Въ Верхнеудинскѣ лично для меня окончилось сибирское «понужаніе». Отсюда я получилъ приказаніе генерала Войцеховскаго выѣхать вмѣстѣ съ генераломъ Ткачевымъ на бронепоездѣ атамана Семенова въ Читу для информаціи атамана Семенова о состояніи двигающейся арміи и о заготовкѣ для нея помѣщеній, продовольствія, фуража и обмундированія. Продавъ за безцѣнокъ своихъ трехъ лошадей, изъ которыхъ двѣ продѣлали со мною весь путь отъ Барнаула до Верхнеудинска, я со своимъ вѣстовымъ погрузился на броневикъ.

1-го или 2-го марта, т.-е. какъ разъ послѣ 100 дней почти непрерывныхъ зимнихъ переходовъ, я очутился на перронѣ Читинскаго вокзала. Жизнь въ Читѣ была ключемъ. Крахъ правительства адмирала Колчака поставилъ передъ атаманомъ Семеновымъ трудную задачу — организовать оборону восточной части Забайкалья отъ надвигающихся вслѣдъ за нами красныхъ частей. Въ Читѣ К. М. Ткачевъ, здѣсь же на вокзалѣ сразу послѣ нашего пріѣзда, встрѣтилъ нѣсколькихъ офицеровъ изъ частей 11-ой Уральской дивизіи, въ которой онъ одно время командовалъ полкомъ и бригадой. У этихъ офицеровъ, получивъ отъ нихъ любезное приглашеніе, мы и расположились на жительство, но въ первый же вечеръ моего пріѣзта въ Читу у меня началась сильная головная боль и обнаружилась повышенная температура, заставившая меня лечь въ постель. На слѣдующій день нашего пріѣзда сослуживцы Константина Макаровича Ткачева въ его честь устроили у себя на квартирѣ парадный ужинъ, но я принять въ немъ участія не могъ, такъ какъ все увеличивавшійся жаръ и страшная головная боль не дали возможности вылѣзть изъ кровати.

На слѣдующее утро я пригласилъ врача, который сразу опредѣлилъ у меня наличіе сыпного тифа и распорядился о помѣщеніи меня въ военный госпиталь. Добравшись до госпиталя и оформивъ опросныя формальности въ канцеляріи, я направился въ ванную, гдѣ уже потерялъ сознаніе, которое вернулось только черезъ три недѣли. За это время у меня сохранились такія яркія бредовыя воспоминанія, что я долго не могъ понять, было ли это со мною въ дѣйствительности, или это лишь бредовыя фантазіи больного мозга.

За время моего безпамятства въ Читу пришли остатки арміи адмирала Колчака, общей численностью въ 30.000 человекъ, т. е. приблизительно лишь одна десятая часть арміи дошла съ Урала до Читы. Мое возвраще-

ніе къ сознанію дѣлало моимъ частымъ посѣтителемъ А. А. Тюнегова, который внимательно слѣдилъ за ходомъ моей болѣзни и одно время, на основаніи словъ доктора, сомнѣвался въ моемъ исцѣленіи. Стараніями Александра Алексѣевича я былъ въ періодъ своего безпамятства изъ общей палаты, гдѣ больные лежали вповалку и на кроватяхъ, и на полу, перемѣщенъ въ палату съ нормальными больничными условіями, что несомнѣнно сыграло большую роль въ благополучномъ исходѣ моей болѣзни. Медленно возстанавливались мои силы. Только черезъ мѣсяць послѣ моего прихода въ сознаніе я смогъ, еле передвигая ноги, и то съ посторонней помощью, добираться до ванной комнаты. До того меня въ ванную носилъ на рукахъ безъ особыхъ усилій санитаръ татаринъ; видимо, я за болѣзнь очень похудѣлъ, принимая во вниманіе мой ростъ въ 2 аршина 12 вершковъ и нормальный вѣсъ въ 6½ пудовъ. Однако все исцѣляющее время и мои 24 года взяли верхъ и на страстной недѣлѣ великаго поста я выписался изъ госпиталя и поселился въ гостиницѣ «Селектъ», въ одномъ номерѣ съ И. П. Пацковскимъ. Послѣдній послѣ только что перенесеннаго тифа, хотя и въ болѣе легкой формѣ, выглядѣлъ ужасно. Худой, желтый, осунувшійся, съ ужаснымъ горемъ на душѣ изъ-за смерти жены онъ внушалъ своимъ однополчанамъ серьезныя опасенія.

Во время нахождения моего въ госпиталѣ Чита была удивлена сильной ружейной и орудійной стрѣльбой, продолжавшейся чуть ли не цѣлый день въ тылу у красныхъ, которые къ этому времени уже охватили городъ съ западной стороны плотнымъ полукругомъ, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ города. Причина этой стрѣльбы разъяснилась лишь съ выходомъ на нашу сторону нѣсколькихъ сотъ пробившихся сквозь красныхъ вооруженныхъ людей, оказавшихся остатками самостоятельной группы войскъ, ушедшей съ ночевки въ станицѣ Есаульской на сѣверъ къ городу Енисейску; съ группой пришли также остатки 3-й и 4-й сотенъ моего бывшаго отряда. Вскорѣ послѣ этого событія меня въ госпиталѣ навѣстилъ штабъ-капитанъ Куликовъ, командиръ 4-й сотни моего отряда. Искренно раскаиваясь, онъ посвятилъ меня во всѣ детали ухода сотенъ и рассказалъ всѣ подробности ихъ дальнѣйшаго движенія вплоть до выхода въ Читу.

По словамъ штабъ-капитана Куликова, инициаторомъ движенія на г. Енисейскъ былъ генераль Сукинъ, командиръ Оренбургской казачьей бригады, который уговорилъ принять участіе въ этомъ движеніи полковника Камбалына, командира 3-го Барнаульскаго полка, а послѣдній въ свою очередь черезъ своихъ офицеровъ—командировъ 3-й и 4-й сотенъ моего отряда.

Главными мотивами образования самостійниковъ были беспорядки и хаосъ, царившіе въ движеніи до Красноярска, что конечно не сулило ничего хорошаго въ будущемъ. Не рассчитывая встрѣтить сочувствія въ моемъ лицѣ, обѣ сотни рѣшили тайно уйти съ ночлега въ станицѣ Есаульской.

Движеніе на сѣверъ по Енисею шло вначалѣ вполне благополучно. На 4-мъ или 5-мъ переходѣ обѣ сотни или вѣрнѣе посаженная на лошадей пѣхота штабсъ-капитана Куликова и капитана Никольскаго, слѣдую въ аррьергардѣ всей группы, попали въ засаду, устроенную ими красными партизанами. Будучи ими атакованы буквально со всѣхъ четырехъ сторонъ и понеся сразу большія потери, они были принуждены прекратить сопротивленіе и сдаться въ плѣнъ. Капитанъ Никольскій былъ въ этомъ бою убитъ, а остатки уцѣлѣвшихъ людей, въ количествѣ 150-160 человекъ, посажены по 3-4 человека на заранѣ приготовленные сани и въ сопровожденіи небольшого конвоя отправлены въ какую-то деревню въ западномъ направленіи. Это печальное событіе произошло въ 2-3 часа дня, такъ что отправленіе плѣнныхъ въ деревню совпало съ наступленіемъ полной темноты. Штабсъ-капитанъ Куликовъ попалъ въ числѣ плѣнныхъ на самыя послѣднія сани, гдѣ кромѣ него сидѣли два солдата его роты; возница и одинъ конвоиръ были отъ красныхъ партизанъ.

Отъѣхавъ версть пять или шесть, штабсъ-капитанъ Куликовъ обратилъ вниманіе, что конвойный, упорно зѣвая, началъ дремать. Это обстоятельство зародило въ немъ планъ побѣга, объяснивъ его своимъ двумъ спутникамъ по несчастью, частью шопотомъ, а больше знаками. Получивъ ихъ одобреніе, онъ сталъ выжидать болѣе удобный моментъ для приведенія его въ исполненіе, когда ихъ сани нѣсколько отстали отъ впереди идущихъ. По знаку штабсъ-капитана Куликова одинъ солдатъ бросился на возницу и сталъ его душить за горло, другой взялъ въ руки вожжи, дабы еще больше оторвать сани отъ впереди слѣдовавшихъ, самъ же штабсъ-капитанъ Куликовъ сталъ душить спящаго конвоира. Минуть черезъ 10 штабсъ-капитанъ Куликовъ почувствовалъ подъ сжатыми пальцами безжизненный трупъ конвоира, въ то же время удалось задушить возницу. Затѣмъ они сани повернули и во весь духъ понеслись назадъ къ р. Енисей, гдѣ выкинули трупы. Взявъ путь вслѣдъ прошедшей здѣсь днемъ группы войскъ генерала Сукина, они ихъ догнали часовъ въ 11-12 вечера на ночлегъ въ деревнѣ. Доложивъ генералу Сукину о всемъ пережитомъ, штабсъ-капитанъ Куликовъ получилъ отъ него приказаніе присоединиться въ качествѣ про-

водника къ двумъ сотнямъ Оренбуржцевъ, высланныхъ немедленно для освобожденія плѣнныхъ.

Двѣ Оренбуржскія сотни быстро продвигались перемѣнными аллюрами и на разсвѣтѣ, какъ снѣгъ на голову, свалились въ деревню, на мирно спавшихъ партизанъ, которые почти безъ всякаго сопротивленія побросали оружіе и сами очутились въ положеніи плѣнныхъ. Освобожденные люди здѣсь же на мѣстѣ были вооружены и даже въ большинствѣ нашли своихъ собственныхъ лошадей среди партизанскихъ. Простоявъ въ этой деревнѣ до вечера и давъ людямъ и лошадямъ хорошенько отдохнуть, Оренбуржцы и мои вновь воскресшія сотни тронулись догонять свой отрядъ. Партизаны, взятые въ плѣнъ, были въ деревнѣ оставлены на свободѣ и только 5 человекъ изъ ихъ начальства были передъ уходомъ разстрѣляны. Благополучно вновь соединившись съ Оренбуржской казачьей бригадой, штабсъ-капитанъ Куликовъ со своими сотнями продолжалъ двигаться на г. Енисейскъ. Немного не доходя послѣдняго, вся группа генерала Сукина свернула на востокъ и вышла по р. Верхней Тунгузкѣ на р. Ангару, по которой и продолжала свое движеніе въ сторону озера Байкаль. Движеніе по Верхней Тунгузкѣ и Ангарѣ шло совершенно спокойно. Мѣстное населеніе, состоявшее изъ инородцевъ и старообрядцевъ, жило совершенно обособленной замкнутой жизнью. Будучи освобождено отъ воинской повинности, оно имѣло очень смутное понятіе о Міровой войнѣ, а о революціи населеніе вообще не имѣло никакого представленія. Несмотря на расположеніе этихъ селеній на столь сѣверной широтѣ, тамошніе жители вели большія сельскія хозяйства и жили въ полномъ достаткѣ, имѣя все необходимое для крестьянскаго быта. Изобиліе рыбы, дичи и всякаго звѣрья въ тѣхъ мѣстахъ было таково, что осетрина, осетровая икра, рябчики, тетерева, медвѣжати́на, лососина, дикія утки и гуси являлись повседневною пищею населенія. Возстановливая въ памяти лично мной видѣнную привольную и богатую жизнь Алтая, Западной и Центральной Сибири невольно приходятъ на умъ рассказы о мѣстахъ съ «молочными рѣками и кисельными берегами».

Спокойное и мирное движеніе войскъ генерала Сукина по Ангарѣ при приближеніи къ Байкалу кончилось. Здѣсь они попали въ раіонъ красной партизанщины, которая, опьяненная успѣхами надъ арміей адмирала Колчака, бросилась на группу войскъ генерала Сукина съ явнымъ намѣреніемъ уничтожить ее. Какъ затравленный звѣрь двигалась впередъ по дикимъ мѣстамъ Предбайкалья эта горсть бѣлыхъ солдатъ, почти на каждомъ шагу отгрызаясь отъ насѣдавшихъ на нее красныхъ силъ, подъ руководствомъ

каторжанина Карандашвили. Все больше и больше рѣдѣли ряды Оренбуржцевъ, Барнаульцевъ и Алтайцевъ. Въ числѣ убитыхъ офицеровъ могу указать: моего отряда — поручиковъ Бочковского и Власова, прапорщика Никольскаго II; у Барнаульцевъ — капитана Могильникова, бывшего вольноопредѣляющагося л. гв. Драгунскаго полка и георгіевскаго кавалера Міровой войны, и еще многихъ другихъ, имена коихъ «Ты Господи Всѣси»... Ведя буквально на каждомъ переходѣ бои съ красными, группа войскъ генерала Сукина, пробиваясь съ нечеловѣческими усиліями, вышла къ Байкалу, верстъ на 100 сѣвернѣе села Лиственичнаго, и перешла черезъ Байкаль къ городу Баргузинъ. Движеніе по Забайкалью, уже занятому красными, до Читы носило опять характеръ марша съ непрерывными боями на всѣ четыре стороны. Приближеніе къ Читѣ и вступленіе въ районъ тыловъ регулярной красной арміи, обложившей Читу, заставило горсточку храбрецовъ напрямъ всю свою волю и послѣднія силы и въ героическомъ бою, продолжавшемся чуть ли ни цѣлый день, прорваться черезъ кольцо красной арміи и соединиться съ бѣлыми въ Читѣ.

Изъ ушедшихъ изъ станицы Есаульской 200-230 солдатъ 3-й и 4-й сотенъ моего отряда прибыло въ Читу 96 человекъ, влившихся въ свою родную семью Алтайскаго отдѣльнаго Коннаго дивизіона, командиромъ котораго во время моей болѣзни былъ назначенъ подполковникъ Рождественскій 1.

По приходѣ въ Читу всѣ чины моего отряда во главѣ со мною были награждены особымъ нагруднымъ знакомъ отличія, носящимъ названіе «За Сибирскій походъ». Знакъ представляетъ изъ себя серебряный оксидированный терновый вѣнокъ съ пересѣкающимъ его золотымъ мечомъ и носится на георгіевской лентѣ.

Н. И. Де-Липпе-Липскій.

АНТИГОНА 1920 г.

Принцезы острова. Константинополь. — А. И. Джулиани.

Настоящая статья есть продолжение воспоминаний того же автора: «Двадцать дней въ семьѣ офицеровъ Великобританской арміи» и «Эвакуація», печатавшихся въ книгахъ I и II «Памятныхъ Дней». Полковникъ А. И. Джулиани, служившій въ «Отдѣлѣ Сношеній» штаба Главнокомандующаго вооруженными силами на Югѣ Россіи, былъ прикомандированъ офицеромъ для связи къ Великобританской военной миссіи въ распоряженіе начальника «Телеграфовъ и Радиотелеграфовъ», полковника англійской службы Веллджъ. А. И. Джулиани былъ эвакуированъ изъ Новороссійска на пароходѣ «Какуртала», его супруга съ внучкой нѣсколько ранѣе — на пароходѣ «Гановеръ» (ред.).

Colonnello Guiliani, Cavaliere Alessandro segretario dell' Amministrazione Italiana del Isola d'Antigoni. Isole dei Principi, Costantinopoli. Occupazione Italiana, Sezione Profughi Russi, что въ русскомъ переводѣ значитъ: Полковникъ Джулиани, Кавалеръ Александръ. Секретарь Итальянской Администраціи острова Антигоны. Принцезы острова, Константинополь. Итальянская оккупация. Отдѣлъ Русскихъ бѣженцевъ. Вотъ чѣмъ судьбѣ угоднo было меня сдѣлать послѣ 25 лѣтъ службы отечеству! Жалованіе 12½ турецкихъ лиръ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, колониальные продукты натурой, комната въ отличной дачѣ Villa des Roses. Завтракъ и обѣдъ приносятъ на домъ.

Безконечное и разнообразнѣйшее количество всевозможныхъ обязанностей по всѣмъ отраслямъ администраціи бѣженства, мало подходящихъ къ обыкновеннымъ понятіямъ объ обязанностяхъ секретаря. Сія относительно счастливая доля выпала мнѣ исключительно по оставшейся съ юныхъ лѣтъ привычкѣ, когда сильно сержусь, ругаться не особенно цензурно и при-

лично, но весьма картинно по италіански. Вопреки всѣмъ понятіямъ порядочности ругань принесла удачу.

Проплывъ на турецкомъ колесномъ пароходѣ мѣстнаго сообщенія не долго по Мраморному морю и не теряя окончательно изъ вида Константинополя, мы приближаемся къ группѣ острововъ, несомнѣнно принадлежащихъ, по своему расположенію, къ Малоазіатскому полуострову. Небольшой моль съ традиціонной сигнальной мачтой, на которой весело развѣвается огромный трехцвѣтный флагъ съ гербомъ Савойскаго Дома и Королевской Коронай. Живописная, но немного опереточная группа королевскихъ карабиніеровъ въ застегнутыхъ фракахъ и съ опромными двухцвѣтными султанами на треуголкахъ Наполеоновскаго образца (очевидно былъ праздникъ и карабиніеры были въ парадной формѣ) удивила и обрадовала меня. Великая война, все перемѣнившая, пощадила эти мундиры Наполеоновскаго вѣка. На пристани три офицера: карабиніеръ, пѣхотинецъ и морской офицеръ и русскій чиновникъ въ превосходительныхъ чинахъ, во френчѣ и погонахъ гражданскаго образца. Чиновникъ чрезмѣрно суетится, жестикулируетъ, подпрыгиваетъ и неистово оретъ начальствующимъ тономъ: «Гдѣ комендантъ? Подать коменданта. Куда скрылся комендантъ? Нуженъ порядокъ. Я комиссаръ острова. Подать коменданта...»

Настроеніе, и безъ того отвратительное, еще больше испортилось. Въ Константинополь насъ не пустили и пригрозили строгимъ арестомъ за попытку предъявить свои законныя права. Хотѣли упречь въ Мальту. Къ женѣ не пускаютъ. Везутъ, по ихъ словамъ, въ прелестное мѣсто, но куда не говорятъ. Всѣ надъ нами глумятся, всѣ — начальники! А тутъ оретъ комиссаръ, да еще горланистый, къ тому же штатскій, а я волей-неволей еще комендантъ пассажировъ парохода.

Разозлился зѣло, слово комиссаръ для меня равносильно красной тряпкѣ передъ глазами быка. По старой привычкѣ юныхъ лѣтъ выругался картинно, но крѣпко по италіански, обложивъ незваннаго комиссара въ превосходительныхъ чинахъ, и для большей вразумительности добавилъ по-русски нѣсколько лестныхъ эпитетовъ по его адресу. Должно быть картинно выругался, ибо турецкій капитанъ парохода, съ которымъ я стоялъ на командномъ мостикѣ, покатился со смѣха.

Эффектъ получился самый неожиданный. Султаны карабиніеровъ вопросительно нагнулись въ мою сторону, лица ихъ выразили радостное удивленіе. Офицеры подняли руки, точно ожидая манны небесной; одинъ превосходительный комиссаръ насутился обиженно, сердито потягивая усь.

Мать моя! Узналъ комиссара; это тотъ самый комендантъ парохода «Гановера», съ которымъ случился при отъздѣ жены изъ Новороссійска! „*Che combinazione fatale!*“ Вотъ когда встрѣтились!

Капитанъ карабиніеровъ, сложивъ руки ко рту рупоромъ и изобразивъ на лицѣ нечто въ родѣ очаровательной улыбки, кричитъ: «Я не ошибся, услышавъ родной языкъ. Кто говорилъ? Васъ прислало Провидѣніе. Пожалуйста къ намъ».

Вотъ такъ комбинація, не ожидалъ такого оборота! — Отвѣчаю: «Говорилъ по-италіански я, да прыгать къ вамъ съ парохода трудно, больно широко, давайте доску, чтобы сойти». Въ одно мгновеніе переброшенъ мостикъ карабиніерами и я схожу на пристань.

Представляюсь капитану. Онъ замѣчаетъ на мнѣ ленточку италіанской «Короны» среди прочихъ лентъ. Объясняю, что былъ до войны при посольствѣ въ Римѣ и воспитывался въ юности въ Италіи. Восторгъ всеобщій, за исключеніемъ, конечно, суетливаго комиссара.

Капитанъ карабиніеровъ шепчется съ морскимъ офицеромъ, затѣмъ оба берутъ меня подъ руки, отводятъ немного въ сторону и тутъ же предлагаютъ мѣсто секретаря Италіанской Администраціи острова, ибо назначенный нашимъ посольствомъ превосходительный комиссаръ надъ бѣженцами весьма слабо говоритъ по-французски, а по-италіански не понимаетъ. Италіанское же начальство, какъ чистокровные сыны своей родины, по языкамъ плоховато. Охотно принимаю предложеніе, высказывая свои симпатіи къ Италіи, и объясняю, что въ моихъ жилахъ течетъ часть Венеціанской крови. Энтузіазмъ общій; съ этой минуты я становлюсь италіанскимъ чиновникомъ.

Пока что мнѣ поручаютъ высадить и размѣстить свою партію, для чего предоставляютъ деревянный обтрепанный домъ подъ громкимъ названіемъ «Grand Hôtel d'Europe». Отмѣчаю на дверяхъ комнатъ Grand Hôtel d'Europe номера и распредѣляю билетки съ номерами бѣженцевъ, по количеству душъ въ семьяхъ. Раздавъ билетки, приказываю высаживаться съ парохода. Все идетъ гладко, ибо моя команда польщена, что ихъ бывший комендантъ сталъ членомъ администраціи. Больше всѣхъ рассказываетъ про меня небылицъ князь К. Шаховской, бывший членъ Государственной Думы, опредѣлившій себя моимъ помощникомъ въ роли свирѣпаго исправника. Сразу вышло недоразумѣніе, не хватаетъ комнаты. Оказалось, что коммерсантъ изъ одесскихъ евреевъ, бывший комендантъ средняго трюма «Капурталы», вздумалъ стереть надписанный мною номеръ съ двери Grand

Hôtel d'Europe и самовольно занять комнату. Такъ какъ онъ другой партіи, то мѣсто ему въ другомъ домѣ. Онъ сначала протестуетъ, кричить, нахальничаетъ, грозитъ жаловаться, и чуть не лѣзетъ въ драку, набравшись храбрости. Но появляется грозная фигура князя Шаховского, съ дубинкой въ рукѣ, неизвѣстно откуда раздобытой, и еврей мгновенно утихаетъ и исчезаетъ. Мы смѣемся отъ души.

Иду на пристань распорядиться о разгрузкѣ багажа бѣженцевъ. Снова ко мнѣ пристааетъ одесскій коммерсантъ со своими шельпными претензіями. — «Идите къ чорту и не мѣшайте работать». Но онъ не можетъ угомониться. Поскользнулся ли онъ, или его кто-нибудь толкнулъ, только неожиданно онъ полетѣлъ въ воду и барахтается. Карабиніеры и турки быстро его вытащили. Одесскій коммерсантъ, весь мокрый, ко мнѣ подходитъ и, протягивая волосатую руку, съ чувствомъ говоритъ: «Господинъ полковникъ, какой же вы горячій, я вѣдь только пошутилъ». Ничего не понимая, жму его руку. Оказывается, онъ вообразилъ, что это я его толкнулъ. Появленіе фигуры князя Шаховского быстро заставляетъ коммерсанта удалиться. Краски ничуть не сгустилъ. Такъ вотъ что значить стать Секретаремъ Италіанской Администраціи! Примемъ къ свѣдѣнію!

На другой день рано утромъ прошу коменданта острова, капитана Матео, котораго черезъ нѣсколько дней произвели въ маіоры, что для карабиніеровъ является довольно высокимъ чиномъ, разрѣшенія отыскать жену, которая, по полученнымъ мною свѣдѣніямъ, находится на островѣ «Принкипо». Мнѣ любезно предоставляютъ катеръ и отпускъ до вечера. Завѣдующій хозяйствомъ острова, капитанъ Ферро, милѣйшій типъ морского офицера изъ простыхъ выслужившихся нижнихъ чиновъ, обѣщаетъ приготовить pour Madame la Colonelle все необходимое и отвести намъ хорошее помѣщеніе, подобающее секретарю Италіанской Администраціи и добавляетъ — «тѣмъ болѣе что вы полуиталіанецъ, а слѣдовательно нашъ». Эти простыя слова тогда меня глубоко тронули. Маіоръ Матео еще разъ мнѣ повторилъ свои вчерашнія обѣщанія и условія, но добавилъ, что у англичанъ будетъ, можетъ быть, лучше, ибо Англія богаче Италіи, и если я предпочитаю, то могу переѣхать на Принкипо. Все же онъ думаетъ, что я смогу принести больше пользы соотечественникамъ, оставаясь на Антигонѣ, и что это и для нихъ полезнѣе. Въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній или затрудненій со стороны англичанъ на Принкипо съ переводомъ Madame la Colonelle на Антигону просить помнить, что я являюсь представителемъ Италіи, а не бѣженцемъ, и даетъ мнѣ письменное удостовѣреніе личности. Я былъ, конечно,

глубоко тронуть такимъ отношеніемъ, отвѣтилъ нѣсколькими фразами въ италіанскомъ духѣ и остался на италіанской службѣ.

На отличномъ нарядномъ катерѣ въ сопровожденіи двухъ карабинеровъ и съ развѣвающимся на кормѣ италіанскимъ флагомъ ѣду на Принкипо, стстоящимъ отъ Антигоны не болѣе 20 минутъ ѣзды. Проѣзжаемъ мимо острова «Халки», французской оккупациі, также полнаго русскими бѣженцами. Богаче всего жилось бѣженцамъ у англичанъ на «Принкипо», хуже всего — у французовъ на «Халки», свободнѣе и сердечнѣе — у италіанцевъ на «Антигонѣ». Они подумали о нуждахъ бѣженцевъ, предоставивъ каждому два одѣяла, двѣ подушки, чашку, блюдечко, три тарелки, стаканъ, ложку, вилку, ножикъ, керосиновую лампочку, у кого не было электрическаго освѣщенія, и отпускъ керосина на лампу. Все дѣлалось обдуманно и съ заботой о нуждахъ бѣженцевъ. Дѣти получали ежедневно 4 яйца и банку молока, взрослые 8 кусковъ сахара, 800 граммъ бѣлаго хлѣба (сначала отпускали по 1000 гр. хлѣба, но бѣженцы стали его продавать), завтракъ и обѣдъ въ два блюда и два раза въ день заваренный чай. Одѣяло и прочее не составляли нашу собственность и, покидая островъ, ихъ надо было сдавать. У англичанъ на «Принкипо» отпускъ съѣстныхъ продуктовъ въ сыромъ видѣ былъ значительно обильнѣе и богаче, но дѣти яицъ и молока не получали. Готовить надо было самимъ, что сильно затрудняло бѣженцевъ, которые должны были покупать примусы, керосинъ, уголь или дрова. Нѣ имѣя денегъ, задача была не легка. Италіанцы къ женщинамъ и дѣтямъ относились удивительно внимательно и сердечно. Щадили самолюбіе и уменьшали насколько возможно стѣснительныя и часто унизительныя ограниченія личной свободы. Международное командованіе причиняло намъ много стѣсненій и ненужнаго огорченія своими необдуманными и обидными для самолюбія полицейскими мѣрами.

Итакъ мы причаливаемъ къ пристани «Принкипо». Островъ куда наряднѣе нашей скромной «Антигоны», богатая, но большей частью деревянныя дачи зажиточнаго константинопольскаго купечества съ красивыми садами и изящными оградами. Все это на фонѣ живописныхъ холмовъ, покрытыхъ густыми рощами зонтообразныхъ сосенъ (*Pinas maritimus*). Красивое, богатое, нарядное дачное мѣсто, видно когда-то вполне благоустроенное. Комендантъ Принкипо маленькій, худенькій шотландскій полковникъ въ игривой шапочкѣ съ лентами, въ юбочкѣ и съ толенькими колѣнками принимаетъ меня весьма прилично. Узнавъ, что я секретарь Италіанской Администраціи Антигоны, становится даже предупредительнѣмъ.

По бѣженскимъ спискамъ острова отыскиваетъ жену мою и сообщаетъ ея адресъ. Предлагаетъ мнѣ остаться на «Принкипо» и даже общаетъ мѣсто въ Администраціи. Благодарю, но отказываюсь; отъ блага блага не ищутъ. Полковникъ обиженно удивляется, что можно отказаться отъ англійскаго предложенія у нихъ служить, и даетъ провожатаго.

Засталъ жену въ сквернѣйшемъ положеніи, совсѣмъ больной и измученной ревматизмомъ. Спитъ на каменномъ полу на тончайшемъ матрацѣ; внучка здорова. Женѣ помогли офицеры Л. Гв. 3-го стрѣлковаго Его Величества полка, спасибо имъ сердечное.

Дача, гдѣ живетъ жена, взята на учетъ, какъ неблагополучная по тифу. Боюсь, что жену не выпустятъ, но секретарю Италіанской Администраціи возможно то, что русскому полковнику нельзя! Вотъ и справедливость людская! Собираю пожитки жены и съ пассажирскимъ пароходомъ ѣдемъ въ Антигону.

Съ пристани карабиніеры меня узнали и машутъ мнѣ рукой, молъ свой человекъ. Капитанъ Ферро дѣйствительно хорошо распорядился и не надулъ. Комната намъ отведена на дачѣ, на горѣ, съ чуднымъ видомъ на Малоазіатскій берегъ. Villa des Roses — дача грека Аригополо, Константинопольскаго лабазника, разбогатѣвшаго, по его словамъ, на Императорскомъ Россійскомъ посольствѣ. Сейчасъ Villa des Roses покрыта мелкимъ снѣжкомъ и, конечно, розъ не видно. Аригополо, когда пріѣзжаетъ, то бываетъ талантень; преподнесъ женѣ на Пасху маленькую коробку икры, консервы и печенье. Дачи Антигоны, какъ и прочія строенія, особой конструкціи. Строится остовъ дачи изъ 3-вершковыхъ бревенъ, которыя обшиваются съ двухъ сторонъ. Стѣны въ такихъ строеніяхъ внутри пусты; здѣсь въ изобиліи гнѣзятся красно-бурые скорпіоны и клопы. Въ пустыхъ стѣнахъ также отлично живутъ крысы и по ночамъ поднимаютъ неимоверную бѣготню и шумъ. Сейчасъ клопы и скорпіоны заморожены и ихъ до весны не видать. Комната меблирована просто, но чисто, постель сносная. Но холодъ, Боже, что за холодъ! Нестерпимо!

Теперь, когда жена со мною, стало легче на душѣ. Начинается новая жизнь и различныя функціи, связанныя съ новой должностью, а ихъ не мало. Веду журналъ прихода и расхода бѣженцевъ, каковыхъ на островѣ 550 человекъ. Раздаю отпускные билеты въ Константинополь; сіе не шутка, особенно съ милыми дамами, не признающими нсрмъ; много на этой почвѣ возникаетъ недоразумѣній. Раздаю и провѣряю продовольственные пайки; нѣкоторые умудрялись получать продукты по тремъ пайкамъ вмѣсто одного.

Главное, приходится разбираться въ безконечныхъ недоразумѣніяхъ среди бѣженцевъ, когда они доходятъ до италіанскихъ властей, а сіе, увѣ, случается довольно часто.

Скоро многіе стали находить себѣ занятія въ Константинополѣ, что италіанское командованіе поощряло, давая отпуска на недѣлю сверхъ положенной нормы. Нѣкоторыя дамы стали прислуживать въ константинопольскихъ ночныхъ ресторанахъ, но эти опыты большей частью кончались плачевно. По инициативѣ американцевъ открылась на островѣ школа рукодѣлій. Былъ данъ относительно большой заказъ на веревочныя мѣшки «Махроме», которые научались весьма быстро вязать, равно какъ и на веревочныя подошвы, что давало небольшой заработокъ. Мужчины стали ѣздить въ Константинополь разгружать суда. Работа была тяжелая, но хорошо оплачивалась. Къ сожалѣнію, большинство этихъ заработковъ по нашей безопасности оставались въ константинопольскихъ трактирахъ. Многіе стремились обратно въ Крымъ въ армію генерала Врангеля, но 45-лѣтнихъ не пускали, что, мнѣ кажется, было ошибкой.

Жилось на Антигонѣ сносно, но многіе слишкомъ легко приспособились къ этой жизни, не вникая въ то, что вѣчно она не можетъ продолжаться и вѣчно союзники содержать ихъ не станутъ. Англичане на Принкипо первые стали ликвидировать свою бѣженскую организацію и многіе съ Принкипо перекочевали на Антигону, но на маленькой Антигонѣ италіанцы содержали лишь 550 душъ и то это число они увеличили до 650.

Совершенно неожиданно для насъ Междоусобная комиссія нашла вдругъ необходимымъ обезоружить русскихъ офицеровъ, до этого времени носившихъ оружіе, у кого таковое осталось. Затѣмъ скоро дошла очередь и до погонь. Это были сильные нравственные и ненужные удары. Иллюзіи разсѣивались, выступала дѣйствительность; союзники перестали съ нами считаться. Италіанцы, подобно англичанамъ и французамъ, отдали приказъ, съ запозданіемъ на двѣ недѣли, объ обязательной сдачѣ оружія. Маіоръ Матео составилъ приказъ въ довольно мягкой формѣ, который я перевелъ, отпечаталъ и расклеилъ по улицамъ Антигоны. Впечатлѣніе приказъ произвелъ удручающее!

Въ назначенный день стали къ управленію стекаться офицеры для сдачи своего оружія. Принимали оружіе маіоръ Матео и капитанъ Ферро. Все шло гладко, при образцовомъ порядкѣ и тробовой тишинѣ. Офицеры, сдавая оружіе, щеголяли своей выправкой и отчетливыми движеніями, но замѣтно было, насколько все это было имъ тяжело. Подходить хромающій

армейскій капитанъ, блѣдный какъ полотно, и судорожно держитъ обѣими руками свое Георгіевское оружіе у груди. Онъ взволнованъ и разстроены, глаза блестятъ неестественнымъ блескомъ; видно, насколько ему тяжело разстаться со своей боевой наградой. Нервнымъ движеніемъ онъ подаетъ шашку маіору Матео, но быстро мѣняетъ свое рѣшеніе, прижимаетъ шашку къ груди и проситъ позвать секретаря, русскаго полковника. Стоя позади маіора Матео, я за всѣмъ наблюдаю и не мало тяжелыхъ горькихъ думъ роилось у меня въ головѣ. Вотъ чѣмъ окончились наши жертвы и лояльность по отношенію къ союзникамъ! *Vea Victis!* Подхожу къ капитану. Онъ быстрымъ движеніемъ передаетъ мнѣ свое Георгіевское оружіе, и со слезами на глазахъ говоритъ: — «Господинъ полковникъ, согласно приказа Италіанскаго Командованія, принеси оружіе, оно Георгіевское, боевое отличіе. Вы поймете, насколько безумно тяжело и горько его сдавать, это послѣднее мое утѣшеніе. Сдать боевое отличіе иностранному офицеру я не въ силахъ. Вы — русскій полковникъ, русскій начальникъ, сдаю его вамъ, а вы уже передайте его маіору. Я Георгіевское оружіе чужеземному офицеру не дамъ». — Воволнованъ и я, и невольно руки у меня трясутся, принимая шашку.

Маіоръ Матео, не понимая словъ, догадывается о сути и проситъ перевести слова капитана. Минутная пауза. Взявши было у меня изъ рукъ Георгіевское оружіе, маіоръ Матео мнѣ его возвращаетъ. — «Передайте, полковникъ, капитану его боевое отличіе (*spada d'onore*), пусть его носить на территоріи Италіи. Италіанскій офицеръ отлично понимаетъ чувство капитана, оно дѣлаетъ ему честь. Не легка моя задача отнимать отъ союзниковъ, вѣрныхъ доблестныхъ союзниковъ, ихъ оружіе. Мы не забыли Мессины, Брусиловскаго наступленія. Радъ, что могу для капитана сдѣлать исключеніе, да не будетъ сказано, что италіанцы отняли у союзниковъ ихъ боевое отличіе». Передаю капитану шашку и перевожу сказанное. Капитанъ бросается мнѣ на шею, онъ рыдаетъ, онъ счастливъ и растроганъ; растроганъ и я. Шепчу ему: — «Не меня, а маіора благодарите». Обнимаетъ маіора, обнимаетъ капитана Ферро и снова бросается мнѣ на шею. Карabinieri растроганы. Султаны заколебались, офиціальность исчезла. Маіоръ Матео распоряжается оставить владѣльцамъ и оружіе съ отличіемъ Св. Анны 4 степени, у кого таковое есть. Конечно, эта мѣра распространяется только на территорію острова Антигоны, но и то это было моральнымъ утѣшеніемъ, а главное оружіе оставалось владѣльцу. Распоряженіе Междосоюзнаго командованія о воспрещеніи носить погоню прошло на Антигонѣ

вполнѣ гладко, безъ всякихъ инцидентовъ. Я первый снялъ погонь и всѣ послѣдовали моему примѣру. Впослѣдствіи маіоръ Матео разрѣшилъ на островѣ погонь носить, но такъ какъ, уѣзжая въ Константинополь, надо было ихъ снимать, я ихъ больше не надѣвалъ. Конечно, чаша была горька, но считалъ, что легче ее разомъ проглотить, чѣмъ по частямъ. Такими распоряженіями италіанцы привлекали къ себѣ симпатіи офицеровъ и щадили ихъ самолюбіе.

Какъ часто бываетъ въ жизни, на Антигонѣ распространилась ложная версія: «Полковникъ Джуліани выговорилъ право офицерамъ сохранить Георгіевское и Анненское оружіе и ношеніе погонь», и моя популярность стала расти. Сколько ни убѣждалъ я, что я тутъ ни при чемъ, а все исходитъ и дѣлается по инициативѣ маіора Матео, мнѣ не вѣрили.

Капитанъ Ферро былъ отличнымъ начальникомъ хозяйственной части острова. Онъ горячо принималъ къ сердцу свои обязанности, входилъ въ нужды бѣженцевъ, стараясь улучшить насколько было возможно ихъ бытъ. Средства, отпускаемая италіанскимъ правительствомъ, были не велики и бльшого размаха Ферро не имѣлъ.

Нашъ Красный Крестъ развилъ сильную благотворительную дѣятельность. Онъ выдавалъ дѣтямъ какао, варенье, медъ, намъ—масло въ жестянкахъ герметической укупорки изъ Голландіи, снабжалъ дамъ одеждой и мужчинъ бѣльемъ; все было отличнаго качества. Многимъ выдавали американское обмундированіе, френчъ и галифе.

Въ Константинополь я бывалъ рѣдко; это было всегда сопряжено съ извѣстной тратой, а имѣя лишь жалованье въ 12½ турецкихъ лиръ, приходилось каждую копейку считать. Въ одинъ изъ моихъ выѣздовъ я встрѣтилъ моего бывшего начальника Телеграфовъ и Радиотелеграфовъ Великобританской военной миссіи, полковника англійской службы Веледжа, который меня очень радушно привѣтствовалъ, дружески обнялъ и пригласилъ завтракать въ Великобританскую миссію. Въ столовой никого еще не было, за исключеніемъ немолодого, пузатенькаго канадскаго генерала, съ пухлыми розовыми щечками и весьма добродушнымъ, располатающимъ къ себѣ выраженіемъ лица. Онъ усиленно дубасилъ кулаками кожаный висячій шаръ, который отскакивая ударялъ его иногда по носу, что повидимому приводило его въ восторгъ, и онъ пуще прежняго, съ яростью принимался колотить шаръ. Наконецъ, замѣтивши насъ, онъ прекратилъ свои боксерскія упражненія, тутъ же подъ краномъ вымылся, причесался и прелюбезно повелъ къ столу. Несомнѣнно, онъ раньше обо мнѣ слыхалъ, ибо, хлопая дружески по

плечу (чувствовалось, что занимается боксом), изрекъ: «Ха, ха, «старина», мы съ вами обдѣлаемъ дѣльце, а пока подкрѣпимся; знаю, что вы за птица». — Сей приѣмъ меня все же удивилъ. Почему канадскій генераль, котораго впервые вижу, зоветъ меня птицей, какая я, чортъ, птица? Завтракомъ угостили отменно и выпили не мало отличнаго «Порто». Угостивъ превосходными сигарами и развалившись поудобнѣе въ своемъ креслѣ, генераль завелъ рѣчь о дѣлѣ. Онъ мнѣ предложилъ вступить въ Канадскую пограничную стражу съ чиномъ маіора, ручаясь, что скоро я буду произведенъ въ подполковники и что карьера моя будетъ обезпечена. Контрактъ на пять лѣтъ, но съ правомъ его нарушить въ случаѣ возстановленія Императорской Россіи, и съ весьма завиднымъ жалованіемъ, удвоеннымъ во время пребыванія въ Константинополь. Въ Канадѣ же, по его словамъ, я буду вѣдать, хотя и отдаленнымъ отъ центра участкомъ, но богатымъ рыбной ловлей и охотой и что смогу накопить порядочно деньжонокъ. Онъ и Веледжъ уговаривали меня тутъ же подписать контрактъ. Заманчиво было, но не вѣрилось тогда, что Россія столь долго останется подъ игомъ большевиковъ. Хотѣлось быть ближе къ Родинѣ и еще ей послужить, да и сознавалъ, что женѣ будетъ тяжело покинуть Европу и отдалиться отъ Россіи. Слишкомъ много еще было надеждъ и иллюзій, и я, къ огорченію радушнаго генерала и полковника Веледжа, отказался. Послѣдніе подчеркнули, что впервые Великобританское правительство предлагаетъ русскому полковнику переходить къ нимъ на службу въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, и что несомнѣнно года черезъ три я снова стану полковникомъ. Такъ-то оно такъ, очень я вамъ благодаренъ и польщенъ, но все же Канадская пограничная стража Его Королевскаго Величества не Императорская Россійская Гвардія и маіоръ не полковникъ. Услышавъ сей отвѣтъ, генераль мой даже привскочилъ, восклицая: — «Ну и птица! вѣдь карьера обезпечена, черезъ 10 лѣтъ полная пенсія и положеніе». Онъ былъ правъ, а я порядкомъ сдурилъ и поступилъ необдуманно. Все глупыя мечты и иллюзіи! За то теперь сижу художественнымъ гидомъ во Флоренціи, а судьба давала возможность обезпечить себѣ старость!

Было на Антигонѣ и русское управленіе съ полицейскими функціями: Комиссара, назначеннаго Русскимъ Константинопольскимъ посольствомъ, переименовали въ Старшину, и при немъ учредили трехъ членовъ. Управленіе подчинялось италіанскому Командованію и всѣ члены получали ежемѣсячно отъ италіанскаго правительства по 20 турецкихъ лиръ. Они организовали медицинскую помощь, артель носильщиковъ для больныхъ, кое-ко-

му помогали одеждой и продуктами. Но все носило случайный характер и было плохо организовано. Внутренние раздоры, ссоры и сплени все портили. Съ моимъ отъѣздомъ часть моихъ функцій перешла къ нимъ.

Земскій Союзъ Городовъ давалъ порядочные авансы на устройство рыболовныхъ артелей, но исключительно своимъ. Такую артель организовалъ князь Шаховской и не мало надъ этимъ потрудился. Въ эту артель кромѣ князя входили четыре члена демократическаго направленія, но дѣло у нихъ не пошло изъ-за внутреннихъ раздоровъ. Они имѣли хорошую лодку и отличныя рыболовныя снасти, которыя отчасти сгноили по своей неряшливости и лѣни. Князя Шаховскаго, все организовавшаго и все выхлопотавшаго у Балашова, его компаніоны всякими неправдами совершенно отстранили отъ дѣла. Онъ часто стоялъ на пристани, когда его артель у него подъ носомъ ловила рыбу, нарочно поспѣшивъ уѣхать на промыселъ безъ него. Я часто его изводилъ: — «Что, князь, око видитъ, да зубъ нейметъ. Связались съ либералами, вотъ и пляшите, стоило за нихъ хлопотать и распинаться. Все думскій духъ въ васъ не испарился». Въ тѣ рѣдкіе дни, когда ему удавалось захватить лодку, онъ меня приглашалъ удить съ нимъ рыбу.

Рыба Мраморнаго моря удивительно богата яркой расцвѣткой и переливами. Она приблизительно тѣхъ же породъ, что въ Средиземномъ морѣ, гдѣ въ юношескіе годы я ее ловилъ, но значительно больше размѣрами. Рыбный базаръ въ Константинополь поражаетъ разнообразіемъ породъ и изобиліемъ рыбъ огромныхъ размѣровъ и всевозможныхъ цвѣтовъ. Преобладаетъ «рыба пила», весьма вкусная, въ родѣ «шона», но нѣжнѣе. Она служитъ существеннымъ подспорьемъ въ пищу бѣдноты.

Земскій Союзъ устроилъ на островѣ кустарныя мастерскія игрушки и веревочныхъ подошвъ, чему выучился и я. Кое-какой заработокъ оно давало, но счень ужъ мизерно платили за трудъ. Лучше оплачивались кустарныя игрушки, которыя прибыльно сбывали въ Соединенные Штаты.

Бѣженцы Антигоны дѣлились по эвакуціямъ: «Капуртальскіе», бывшіе первыми, были самые многочисленныя и сплоченныя. «Гановерскіе» — частью перекочевавшіе съ «Принкипо»; «Ріонскіе» и «Моржы». Послѣдніе были самые нуждающіеся и состояли изъ болѣе пестраго элемента. Помню тяжелую картину прибытія партіи «Моржа». По обыкновенію у мола я принималъ и провѣрялъ прибывающихъ. По спискамъ ихъ значилось сорокъ, а двухъ не хватило. Справляюсь, есть ли еще. Въ это время съ парохода

несутъ пробъ, сколоченный изъ ящиковъ изъ-подъ консервовъ и керосина, и раздается суровый женскій голосъ: «Вотъ вамъ сорокъ первый и сорокъ второй; дорого они италіанскому правительству стоить не будутъ». Это была среднихъ лѣтъ дама, потерявшая своего единственнаго сына, 17-лѣтняго юношу, умершаго на «Моржѣ». Похоронилъ его на кладбищѣ въ сосновой рошѣ на горкѣ; не мало тамъ накопилось русскихъ могилъ за все пребываніе.

Жена моя тяжело заболѣла печенью, а я — острой маляріей. При насъ жила лишь маленькая внучка. Встать съ постели мы не могли и вотъ лежали на нашей Villa des Roses и ждали, не заглянетъ ли кто-нибудь. Къ счастью, зашелъ графъ Г., а къ 11 часамъ пришелъ карабиніеръ узнать, что съ секретаремъ, что его не видать. Тотчасъ дали знать начальству и появился италіанскій военный врачъ. Капитанъ Ферро распорядился насъ переправить въ госпиталь на противоположной сторонѣ острова въ сосновой рошѣ на горѣ. Переносомъ больныхъ занимался свѣтлѣйшій князь Ливень, быстро явившійся съ носилками и добровольцами носильщиками, и насъ умѣло отнесли. Въ госпиталѣ, устроенномъ до войны Французской Католической миссіей, было хорошо и уютно. Католическія монашенки были привѣтливы и внимательны. Видъ изъ госпиталя на сосѣдній островъ «Халки» былъ дивный, кормили вкусно и сытно, но лѣчили больше свѣжимъ ароматомъ воздуха роши. Лежаніе въ госпиталѣ являлось отдыхомъ, чѣмъ часто злоупотребляли мнимо больные. За время нашей болѣзни и лежанія въ госпиталѣ внучку Елену взяла къ себѣ М-те Арсеньева, урожденная Извольская. Бѣженцы другъ другу въ бѣдѣ помогали, извѣстная солидарность все же была.

Наступила весна. Villa des Roses дѣйствительно заслуженно носила свое имя и покрылась чудными розами, всевозможныхъ окрасокъ и сортовъ. Садъ, окружающій виллу и спускающійся террасами къ морю, сталъ феерически красивъ. Природа въ Антигонѣ весной и лѣтомъ восхитительно разнообразна. Принкипо является лѣтней резиденціей Константинопольскихъ богачей, Антигона значительно скромнѣе и преимущественно населена греками, но много живописнѣе.

Пріѣхалъ на свою дачу и самъ хозяинъ Аригополо, довольно забавный типъ. Бывало часами сидитъ, развалившись въ креслѣ, окруженный клѣтками канареекъ, съ любимымъ ангорскимъ котомъ на колѣняхъ. Вооруженный промадной подзорной трубой, онъ ее постоянно наводилъ на возвы-

шенности, окружающія Константинополь, и съ напряженнымъ вниманіемъ чего-то искалъ. Сіе занятіе меня немало заинтересовало. что собственно хочеть мой лабазникъ найти, ибо простымъ глазомъ ничего не было замѣтно. «Que cherchez vous, monsieur Arigopolo»? спросилъ я его однажды и получилъ неожиданный отвѣтъ: «Je cherche et attend les bayonettes de l'armée Greque».

Передъ самой Антигоной, почти передъ пристанью, расположенъ пустынный, скалистый, безъ признаковъ растительности островъ, по названію: «Собачій». Когда въ Константинополь Младотурки во имя цивилизаціи рѣшили уничтожить традиціонныхъ собакъ, то международное общество покровительства животныхъ, во имя гуманности, распорядилось отвезти собакъ на сей островъ, ассигновавъ крупную сумму на ихъ содержаніе. Теоретически собаки должны были на этомъ островѣ мирно окончить свое существованіе. Но деньги изсякли и собаки безъ пищи и безъ прѣсной воды, поѣдая другъ друга, бѣснлись и пали отъ голода и жажды. Жители Антигоны хорошо помнятъ ихъ отчаянные вопли и вой! Теперь мы на Антигонѣ и Междосоюзная комиссія рѣшаетъ, что съ нами дѣлать и куда насъ поселить. Мы тоже въ родѣ бѣдныхъ собачекъ!

Маіоръ Матео уѣхалъ въ отпускъ въ Италію, остался одинъ капитанъ Ферро. Корреспонденцію Италіанскаго Командованія вскрывалъ я и изъ нея явствовало, что Италія скоро прекратитъ отпускъ денегъ на бѣженцевъ и антигонская идиллія несомнѣнно кончится.

Въ связи съ этимъ князь Шаховской, Протопоповъ и я рѣшили открыть втроемъ столярную мастерскую въ Софіи, куда легче было получить визу, и мы покинули Антигону.

Прошло съ тѣхъ поръ не мало лѣтъ, но я съ благодарностью вспоминаю свое пребываніе на Антигонѣ. Спасибо отъ всего сердца вамъ, итальянцамъ Антигоны, за ваше сердечное заботливое отношеніе къ русскому бѣженству и къ русскому офицерству. Спасибо, что щадили самолюбіе, мы этого не забудемъ.

А. И. Джуліани.

Флоренція, 1926 годъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1. Первые дни революціи во 2-мъ Гвардейскомъ стрѣлковомъ запасномъ баталіонѣ. Изъ личнаго дневника полковника л. гв. 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка — Н. А. Артабалева 3
2. Война и Революція. Воспоминанія полковника л. гв. 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка — Н. И. Де-Липпе-Липскаго 52
3. Антигона. Принцевы острова. Константинополь — А. И. Джуліани 117

Э. А. ВЕРЦИНСКАГО:

1. Годъ Революціи. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба. Изданіе 1929 г. Цѣна 40 амер. центовъ.

2. Изъ Міровой Войны. Боевыя записи и воспоминанія командира полка и офицера генеральнаго штаба за 1914—1917 г. г. Изданіе 1931 г. Цѣна 60 амер. центовъ.

3. Памятные Дни. Сборникъ воспоминаній, подъ редакціей Э. А. Верцинскаго. Изданіе 1932 г. Цѣна 30 амер. центовъ.

4. Памятные Дни. Книга 2-я. Сборникъ воспоминаній, подъ редакціей Э. А. Верцинскаго. Изданіе 1937 г. Цѣна 1 амер. долларъ.

5. Памятные Дни. Книга 3-ья. Сборникъ воспоминаній, подъ редакціей Э. А. Верцинскаго. Изданіе 1939 г. Цѣна 1 амер. долларъ.

Главный складъ:

Esthonia—Eesti. Tallinn, Tartu 59-2. E. Werzinsky. Телефонъ 305-10.

Выписывающіе непосредственно отъ автора — за пересылку не платятъ. Книжнымъ магазинамъ — обычная скидка.

Выдержки изъ отзывовъ печати:

О КНИГЪ

«ИЗЪ МІРОВОЙ ВОЙНЫ»

Э. А. ВЕРЦИНСКАГО.

1) Эстонскій военный журналъ „Sõdur“, №№ 50—52, 1930. Таллиннъ. „...annab objektiivse pildi Maailmasõja lahingutest Vene rindel jalaväe rügemendi raamides.

2) «Возрожденіе», 12. I. 1931 г. Парижъ. «Книга написана хорошимъ языкомъ... и издана съ такою роскошью, которой мы, парижане, должны позавидовать».

3) «Морской Сборникъ», январь, 1931 г. Прага. «Такая система повѣствованія гарантируетъ точность и достовѣрность въ изложеніи описываемыхъ событій». «... Описанія эти... даютъ яркую и наглядную картину современнаго боя».

4) «Сегодня», 10. II. 1931 г. Рига. «Читатель найдетъ не мало интересныхъ страницъ изъ недавняго прошлаго...» «Книга издана безукоризненно».

5) „Latvijas Kareivis“, 15. II. 1931 г. Рига.

6) „Militär Wochenblatt“ Heft 35, 1931. Berlin. „Wie sein erstes Kriegswerk so ist auch dieses zweite ausserordentlich fesselnd geschrieben“.

7) „Wissen und Wehr“, Heft 4, 1931. Berlin. „Das Buch ist fesselnd geschrieben und gibt anschauliche Bilder von den Zuständen im Zarenheere“.

8) «Вѣстникъ Военныхъ Знаній», № 2, мартъ, 1931 г. Сараево. «Въ тактическомъ отношеніи книга представляетъ большой интересъ».

9) «Часовой», № 55, 15 мая, 1931 г. Парижъ. «Можно сказать, что это вѣроятно единственная изъ появившихся въ эмиграціи книгъ, гдѣ боевая и административная работа полка во время войны такъ точно и подробно списана».

10) «Русскій Инвалидъ», № 19, 22. VI. 1931 г. Парижъ. «Съ неослабѣвающимъ интересомъ вчитываясь въ страницы описанія боевой дѣятельности полковъ, мѣстами сжато и сухо изложенными, ярко и живо чувствуешь сколько доблести и жертвенности было проявлено, какъ частями въ цѣломъ, такъ и отдѣльными чинами этихъ частей»... «Не мало существенныхъ и жизненныхъ вопросовъ возбуждаетъ ознакомленіе съ книгой»...

Выдержки изъ отзывовъ печати:

О КНИГЪ

«ПАМЯТНЫЕ ДНИ»

подъ редакціей Э. А. ВЕРЦИНСКАГО.

1. «Часовой», № 72, 15—I—1932 г., Парижъ: — «Памятные дни» — это удачный опытъ сборника воспоминаній, исключительно яркихъ и увлекательныхъ»...

«Въ книжкѣ всего 105 стр., но кажется она толстымъ томомъ, до такой степени насыщена она историческимъ и бытовымъ матеріаломъ»... «Книжка эта имѣетъ цѣнность одинаково и для историка, и для романиста»... «Памятные Дни» не забываются по прочтеніи».

2. Эстонскій военный журналъ „Sõdur“, № 50/51/52—1931 г. Таллиннъ:—„Raamat annab huvitavat illustreerimise materjali ajaloole, samuti sisaldab palju huvitavat puhtinimlikust seisundist“.

3. „Militär Wochenblatt“ № 30, 11 Februar 1932. Berlin.—„...Veröffentlichung jetzt verschiedenartige Erinnerungen von ehem. Offizieren des 2 L. G.-Schützen-Rgts“... „Für deutschen Leser sind von besonderem Interesse die Schicksale russischer Offiziere nach der Revolution“.

4. «Сегодня», № 112, 22—IV—1932 г. Рига: — «со страничекъ книги глядятъ много живыхъ, острыхъ, интересныхъ деталей изъ эпохи «памятныхъ дней».

5. «Вѣстникъ Военныхъ Знаній», №2 (15), май 1932 г. Сараево: — «Рекомендуемъ нашимъ читателямъ эту книжку. Читается она съ большимъ интересомъ».

6. «Русскій Инвалидъ», № 43, 22—VI—1932 г. Парижъ: — «Въ немъ помѣщены четыре цѣнные, характерныя записи участниковъ и свидѣтелей времени Мировой и гражданской войны и революціи»... «Этотъ сборникъ въ цѣломъ представляетъ интересный и цѣнный матеріаль для исторіи».

Выдержки изъ отзывовъ печати:

«ПАМЯТНЫЕ ДНИ»

О КНИГЪ 2-й

подъ редакціей Э. А. ВЕРЦИНСКАГО.

1. «**Часовой**», № 195, 20—VIII—1937 г. Брюссель:—«Этотъ сборникъ производитъ прекрасное впечатлѣніе и даетъ лишній примѣръ трогательной и вѣрной любви къ своему полку»... ..«Полка нѣтъ, но душа его продолжаетъ жить и славныя его традиціи передаются въ будущее»...

2. Эстонскій военный журналъ „**Sõdur**“, №№ 43—44, I—XI—1937 г. Таллиннъ:—„Raamat pakub huvitavat materjali vene endise kaardiväe emigreerunud ohvitseride“...

3. «**Сегодня**», № 316, 17—XI—1937 г. Рига: — «Передъ читателемъ проходятъ картины пережитаго, насыщеннаго богатымъ историческимъ и бытовымъ матеріаломъ, цѣнными деталями, острыми характеристиками, правдивыми наблюденіями очевидцевъ. Прекрасно изданная книга заслуживаетъ вниманія и широкаго распространенія»...

4. «**Русскій Инвалидъ**», № 113, мартъ 1938 г. Парижъ: — «Эта книга производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Опытная рука редактора видна и въ подборѣ матеріала, и въ его обработкѣ, и во внѣшнемъ видѣ книги. Представлена послѣдняя замѣчательно»...

4. „**Militär Wochenblatt**“, № 42, den 15—IV—1938. Berlin:—
...„Die Aufsätze sind mit dem Herzen geschrieben; sie zeugen von dem Geiste der Kameradschaft und von der Anhänglichkeit an die alte Armee“.

Издательство „Русская Книга“

Tallinn, V. Posti t. 8. Eesti.

	Ам	долл.
А. Баювъ, проф., ген. Истоки міровой драмы	0.40	
Э. Верцинскій, ген. Памятные дни. Кн. 2-я. Воспоминанія гвардейскихъ стрѣлковъ	1.00	
„ Памятные дни. Кн. 3-я. Воспоминанія гвардейскихъ стрѣлковъ	1.00	
Вл. Гущикъ. Люди и тѣни. Разказы	0.65	
А. Домбровскій. Иванъ Калюжный. Романъ	1.34	
Зальфъ, ген. Таненбергская катастрофа	1.00	
В. Корсакъ. Жуки на солнцѣ. Романъ	1.34	
„ Шарманка	1.34	
„ Печать	1.74	
„ Въ гостяхъ у капитана. Повѣсть	0.85	
В. Каринскій. Гоголь какъ христіанскій писатель	0.20	
Ант. Ладинскій. XV-ый легионъ. Историч. романъ	1.75	
„ Голубь надъ Понтомъ	1.10	
Н. Лишинъ. На Каспійскомъ морѣ. Годъ бѣлой бѣрбы	1.00	
А. Мельниковъ. Клеймо. Уголовный романъ	1.00	
В. Никифоровъ-Волгинъ. Земля-имениница. Распродана.		
„ Дорожный посохъ. Повѣсть	0.95	
Б. Новосадовъ. По слѣдамъ бездомныхъ Аонидъ. Стихи	0.35	
А. Осиповъ. Имя христіанское и имя національное	0.20	
„ Кино и нравственное воспитаніе	0.20	
М. Осоргинъ. Повѣсть о нѣкой дѣвицѣ. Разказы.	1.40	
Н. Ротштейнъ. Синія дали. Военныя были	0.65	
Таллинская. 200 блюдъ на примусѣ. Поваренн. книга	0.70	
А. Хольмсень, ген. Міровая война. Наши операціи на В.-Прусскомъ фронтѣ зимою 1915 г. Воспоминанія и мысли	2.00	

А. Чернявскій-Черниговскій. Семь лунь блаженной Бригитты. Романъ	1.68
Б. Штейфонъ, ген. Національная военная доктрина. (А. К. Баіовъ и его творчество)	2.00
Б. Шуцкой. Рокъ. Разказы	0.65
„ Онъ . . . „	1.00
„ Судъ. Романъ.	0.65
„ Бой. Разказы	0.70
„ Быль ч. I. Романъ	1.10
„ Быль ч. II. Романъ	1.20

ВЪ ПЕЧАТИ: . .

- Бар. Вольфъ.** Записки Ив. Якубовскаго
П. Соколовскій. Круги судьбы. Романъ
С. Яблоновскій. Были люди. Воспоминанія
К. Парчевскій. Африканское лѣто
 „ Русскіе углы.
Прот. Троицкій. Св. Серафимъ Саровскій.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ:

Б. Штейфонъ. Національная военная доктрина.

Авторъ давно и хорошо зарекомендовалъ себя своими талантливими статьями. Вопросъ военной доктрины не разъ затрагивался имъ. Трудъ этотъ вызвало желаніе почтить память своего учителя — А. К. Баіова. Авторъ сжато, выпукло и интересно передаетъ содержаніе работъ А. К. Яркое изслѣдваніе согрѣто благодарностью къ учителю.

Проф. ген. Б. Геруа. «Россія».

Ген. А. Хольмсенъ. Міровая война. Наши операціи на В.-Прусскомъ фронтѣ.

Точныя, съ двухъ сторонъ провѣренныя показанія дали возможность день за днемъ, шагъ за шагомъ прослѣдить всю трагедію этихъ страшныхъ боевъ. Но цѣннѣе всего, конечно, личные воспоминанія автора. Они придаютъ яркость..., они оживляютъ трудъ и даютъ ему захват. интересъ. Авторъ сказалъ всю правду о нашей трагедіи. Про такія книги Наполеонъ сказалъ: „lisez, rnlisez et modelez vous sur eux!“

П. Кр а с н о в ъ. «Возрожденіе».

Антонъ Домбровскій. Иванъ Калужный.

Занимательная, хорошо написанная книга; по типу — уголовный романъ, по качеству — художественное произведеніе. Много отличныхъ стра-

ницъ. Достоинство романа въ рѣдкостной передачѣ столь многоразличныхъ характеровъ смутной эпохи военнаго коммунизма. И самъ герой, типъ живой, отчетливаго образа, настоящей сынъ своего времени.

Мих. Осоргинъ. «Послѣднія Новости».

А. Ладинскій. XV-ый легионъ.

Вотъ книга, о которой хотѣлось бы говорить, какъ о культурномъ подвигѣ. Романъ изъ исторіи Рима III в., написанный поэтомъ съ неожиданной и необязательной для него эрудиціей, которой могли бы позавидовать специалисты..., есть прежде всего трудовой подвигъ, заслуга передъ Россіей.

Г. Федотовъ «Современныя Записки».

А. Ладинскій. Голубь надъ Понтомъ.

Сопровождаемые основной темой — темой мужества — передъ нами широкимъ потокомъ протекають историческія картины. Мы видимъ царствованіе базилевса Василія, войны съ варварами, гибель Херсонеса, русскаго князя Владиміра, порфирогениту Анну, крещеніе Руси, Кіевъ, низвергающій языческихъ боговъ... Блестящій даръ стилизаціи, способность Ладинскаго къ подвигу, какимъ невольно принимаешь огромный трудъ, затраченный, чтобы до такихъ глубинъ вжиться въ отдаленную истор. эпоху.

Г. Н—въ «Мечъ».

М. Осоргинъ. Повѣсть о нѣкоей дѣвицѣ.

Эти сказанія, были, преданія — почти всѣ почерпнуты изъ подлинныхъ источниковъ. Эта книга какъ-то родится съ Лѣсковымъ, съ его пристрастіями къ старинѣ, стариннымъ сказаніямъ, исчезнувшимъ и позабытымъ словамъ, къ этому міру могилъ, тайнъ и трогательной, погасшей прелесть.

П. Пильскій. «Сегодня».

А. Чернявскій-Черниговскій. Семь лунъ блаженной Бригитты.

Вотъ книга, которая можетъ заслужить разные эпитеты, за исключеніемъ одного — скучная. Вниманіе читателя не устаєтъ слѣдить до послѣдней страницы за развертываніемъ фабулы романа. Въ ней много жизни, сочности, красокъ, полнокровнаго юмора. Авторъ умѣло использовалъ причудливый бытъ Ревеля, послѣ военнаго времени, въ моментъ появленія сов. торг.-делегаціи: бѣшенный круговоротъ денегъ и страстей человеческихъ. Рѣдкій въ русской литературѣ — удачный авантюрно-бытовой романъ.

С. З—ъ.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

D640
.A2
P35
1932
kn. 3

Изданіе Союза Царскосельскихъ стрѣлковъ

Цѣна 1 амер. долларъ.

Весь чистый доходъ поступаетъ въ пользу архива и музея
лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка.